

11 СМЕНА

В. Янин. История — наука нравственная

Почему не состоялся эксперимент?

Смерч над лесами. Фоторепортаж

Наши это дети или не наши?

Братья Стругацкие. «Улитка на склоне»

Московские студенты Татьяна Шингарева и Дмитрий Федоров (читайте стр. 4—6). Фото Евгения Степанова

вия. Историка в большей степени интересуют классовые движения, и они, естественно, важнее для него, чем судьба отдельного человека. Но в силу всех этих причин пишущий историк утратил в себе литературное начало и чаще обращается к таким историческим сюжетам, которые не интересуют читателя, ищущего ярких картин прошлого. Ведь со времен Карамзина у массового читателя утвердилось сознание, что история — это жанр литературы. С этим приходится считаться, и, мне кажется, здесь нужно четко раз-

сать» всю историю нашего средневековья.

Другой пример. Еще недавно, до археологических раскопок, ремесло Древней Руси, в сущности, отвергалось. Считалось, что мы производили продукты промыслов, возили за рубеж меха, воск, мед, рыбу, получая в обмен продукты ремесленного производства — западные или восточные. Это считалось истиной до появления книги академика Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси». Собранные в ней материалы показали, что ремесло было чрезвы-

говор о нем. Мы согласились, что внимание к давнему нашему прошлому основано, с одной стороны, на повышенном интересе к «белым пятнам» недавней нашей истории, с другой — на недоверии к тому, что написано о древних временах в последние годы. Но, сравнивая дни нынешние с карамзинскими временами, нельзя, мне кажется, в пересекающихся этих параллелях упускать из виду и другое, весьма существенное обстоятельство. Ведь в карамзинские времена давняя история отечества отнюдь не замалчивалась

известных причин утеряна была связь с блестящей русской исторической школой, имея в виду имена Карамзина, Соловьева, Ключевского.

ЯНИН. Изъяты эти имена из нашей исторической науки, к чему, в сущности, стремились в известные годы, равносильно тому, если урезать русскую литературу за счет Пушкина, Толстого, Достоевского. Я убежден, что и Карамзин, и Соловьев, и Ключевский должны быть в каждой школьной библиотеке — это классика. А между тем книгоиздатели, похоже, имеют к ним совершенно особое отношение, полагаю и говоря об этом едва ли не в каждом интервью, будто эти авторы необходимы только специалистам. Исходя из такой посылки, определяется и тираж. Ну, что касается специалистов, то по меньшей мере оскорбительно не считать таковыми всех без исключения учителей истории и русской словесности, не говоря уже о преподавателях тех же дисциплин в вузах. А куда прикажете отнести тех, кто интересуется отечественной историей, но профессия которых прямого отношения к ней не имеет? Я думаю, именно здесь исходные данные для реально обоснованного тиража. Второй издательский довод основывается на том, что издать классиков нашей истории достаточным тиражом не представляется возможным по причине лимита бумаги и полиграфических мощностей. Такой довод можно было бы принять, если бы в то же самое время, когда это утверждается, «Книжное обозрение» не сообщало о том, что очередной бестселлер на альковно-историческую тему печатается полумиллионным тиражом, а четырехтомник не самого популярного в 40—50-е годы писателя — тиражом в один миллион семьсот тысяч экземпляров. Легко подсчитать, что на той же бумаге и тех же самых типографских станках можно напечатать всю «Историю государства Российского». А это один только пример из десятков, если не сотен.

КОРР. В сущности, вы аргументировали тему, которая в последнее время не сходит со страниц газет и журналов. Не знаю, как вам, а мне представляется, что мы оказываемся в положении крыловского повара, в то время как «Васья слушает да ест». Будем говорить прямо, нынешнее переиздание Соловьева и Ключевского, разошедшееся по лотерейной (!) подписке, — крохи с барского стола, да и те недоступны: на Москву, например, пришлось соответствовать четыре и шесть тысяч экземпляров, а Москва, как я понимаю, не самый маленький наш город.

ЯНИН. Я думаю, дело идет здесь еще по инерции. Долгое время была такая негласная установка: «история начинается с 1917 года». Сегодня впрямую этого никто не скажет, но инерция сильна, поскольку глубоки корни. Помню, в 1962 году, когда я печатал свою книгу «Новгородские посадники», то от главного редактора издательства, который предлагал перенести ее на следующий год, а лучше совсем исключить из плана, услышал буквально следующее: «Обращение к темам, касающимся Древней Руси, — это внутренняя эмиграция».

Казалось бы, дело прошлое и не стоит ворошить, но вот день сегодняшний. Являясь редактором нынешнего собрания сочинений Ключевского, я с немощным трудом добиваюсь включения в издание его работы «Древнерусские жития святых как исторический источник». Похоже, читают только первую половину названия и, не дочитав, в испуге шарахаются, а речь идет об историческом источнике. До сих пор от прежних времен осталась и существует

РАВСТВО ВЕННАЯ

ограничить историческую науку и историческую литературу. Откровенно говоря, сегодня я не вижу человека, способного совмещать в себе историка-исследователя и замечательного писателя. Видимо, высокого класса популяризация исторического знания на современном этапе должна рассчитывать на союз исследователя и писателя. Но дело не только в степени таланта — есть другие причины.

Как писать об истории для массового читателя сегодня? История по-прежнему требует популяризации, но не традиционной, а иной, основанной на том, что автор должен не только доступно и увлекательно изложить событие, но и показать лабораторию исторического поиска, а содержанием его произведения стать должны сама система доказательств и все перипетии поиска истины. Здесь, мне кажется, и будет заключена необходимая читателю занимательность. Словом, речь идет о новом литературном жанре, необходимость которого связана с постоянным открытием и накоплением новых источников.

Сравнительно с прошлым в современной исторической науке возникло, по сути дела, новое знание, и это диктует условия. Никого не удивляет, что современная физика, например, давно не пользуется таким понятием, как «теплород», а между тем в исторической науке этот самый «теплород» еще в ходу — постулаты XIX века принимаются на веру. Это давно уже пора ломать, поскольку даже наши великие предшественники не обладали и половиной тех источников, которыми владеем мы. Более того, уровень сегодняшних знаний значительно превосходит тот, на котором стояли мы всего несколько десятилетий назад. Вот живой пример.

До войны была подготовлена книга «История культуры Древней Руси». Для своего времени это было крупным достижением науки. Что же мы узнаем из этого труда, читая его сегодня? Что Русь была неграмотной почти поголовно, что грамотными были князья, да и то не все, попы — и тоже далеко не каждый. Словом, грамотность на Руси — достояние очень узкого круга. И вот после войны в слоях XI—XV веков археологи обнаруживают берестяные грамоты, которые совершенно перевернули прежнее представление об уровне культуры Древней Руси. Сейчас найдено около семисот таких грамот, а прогнозы, основанные на расчетах, говорят о том, что в известной степени нам предстоит заново «перепи-

сать» всю историю нашего средневековья. Дальнейшие исследования Б. А. Колчина и других привели к выводу, что уже в XI—XIII веках русские ремесленники владели всеми техническими секретами, которыми прославились мастера Ближнего Востока и Европы. Все это открытия нашего времени. Такими источниками о Древней Руси наши предшественники не располагали, следовательно, и выводы их были ограниченными.

Мудрено ль, что чуть ли не до нынешних дней бытовало представление, будто неграмотные предки наши тем только и занимались, что ловили рыбу, тачали оагоги и землю пахали, а в это самое время возникали на Руси Георгиевский собор, храм Петра и Павла в Кожевниках, Спаса на Ильине, Нередица — этикие цветы на пустыре. Выходило также, что и оценить их могла только верхушка правящего класса, у народа же, пахавшего землю, не доставало эстетического чувства не то чтобы создавать шедевры, но и понимать их. Между тем, как опять-таки выясняется археологическими раскопками, эстетическое это чувство развито было у подавляющего большинства народа от колыбели — и наследовалось, и развивалось. Едва ли не каждый из найденных предметов быта, будь то гребешок, тарелка или ложка, украшен изысканным орнаментом, способным сделать честь большому художнику. Прошлым летом в культурном слое XI века мы нашли копыл детских салазок, украшенный удивительной красоты драконом. А ведь это не произведение искусства, специально предназначенное быть таковым, но всего лишь бытовая вещь, детская игрушка. О чем это говорит? О том, что по мере накопления источников мы обнаруживаем ту самую подпочву, на которой вырасти могли шедевры искусства Древней Руси — архитектуры, живописи.

КОРР. Убедительная логическая цепочка. Но вот что примечательно. Когда дело касается архитектуры, живописи, то, видимо, в силу наглядности судить о них может и неспециалист, в то время как результаты археологических раскопок, давшие новый материал для обобщений и выводов, часто не выходят из круга сугубо научных интересов. Сужу как рядовой читатель, хотя могу назвать и исключение — вашу, например, книгу «Я послал тебе бересту...». Думаю, что умелая популяризация последних археологических открытий могла бы усилить и без того большой интерес к русской истории. Поэтому предлагаю продолжить раз-

говор о нем. Мы согласились, что внимание к давнему нашему прошлому основано, с одной стороны, на повышенном интересе к «белым пятнам» недавней нашей истории, с другой — на недоверии к тому, что написано о древних временах в последние годы. Но, сравнивая дни нынешние с карамзинскими временами, нельзя, мне кажется, в пересекающихся этих параллелях упускать из виду и другое, весьма существенное обстоятельство. Ведь в карамзинские времена давняя история отечества отнюдь не замалчивалась

переломками. Видимо, дело в том еще, что на крутых поворотах истории страны общественный интерес к ней, естественно, усиливается. В этом видится пример параллели с нашими днями. Попробую пояснить. Кроме приведенной вначале, есть у Пушкина еще одна точнейшая характеристика карамзинского труда: «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Мне кажется, оценка эта имеет прямую связь и с тем, что тогдашнее русское общество само по себе было уже подготовлено к такому открытому восприятию его труда и появлению его, скажем, несколькими десятилетиями раньше как-то и не мыслится, потому как после Петра всему нашему XVIII столетию хватило той «исторической атмосферы», которую он вдохнул в него, вплоть до иного рубежа истории. Но вот историческая и социальная встряска 1812 года побудила русское общество обратиться к своим корням. Думаю, нечто подобное могло произойти у нас после революции и, конечно, Отечественной войны. Этого не произошло по причинам, ныне известным.

Исверкать собственно историю невозможно, но вполне возможно это сделать с исторической наукой — с помощью умолчаний, трактовок по указке. Нельзя забывать, что годы «застоя» и предшествующие им, начиная с 20-х, наломали дров и в нашей науке, занимающейся временами давно минувшими. А именно здесь происходило то, что случилось в биологии, — историческая наша наука тоже пережила свою «лысенковщину».

В качестве примера уместно, думаю, вспомнить известного в свое время историка М. Н. Покровского, которого, если мне не изменяет память, называли «наш Карамзин», но который (не Карамзин, а Покровский) определял историю как «политику, опрокинутую в прошлое». Помнится даже, Покровский соглашался с Троцким, считавшим, что слово «патриотизм» нужно вычеркнуть из русского языка как вредное и не отвечающее «историческому моменту».

Воспоминание не из приятных, но под таким знаком долгие годы шло «изучение» отечественной истории, вся суть которой сводилась только к борьбе классов. Вспоминаю об этом к тому, что и до сего дня мы пожинаем плоды, созревшие от тех семян. Мне кажется, на известном этапе и в силу тех же

Не знаю, то ли официальность кабинета, то ли бесшумная секретарша... Или внешний вид председателя КМО СССР Сергея Челнокова? А может быть, ритуальность беседы по заранее оговоренным вопросам или жестко ограниченное время?.. Не знаю, что, но первый вопрос я задал «вопреки», словно сопротивляясь «доверительности» атмосферы, которая царилa вокруг:

— Сергей, галстук, пиджак... эта ваша изначальная сосредоточенность, непроницаемость, этакая грустная сдержанность — своего рода необходимый, обязательный имидж председателя Комитета Молодежных Организаций или?..

Он усмехнулся:

— Скорее стечение обстоятельств. Сегодня — галстук, завтра, в другой обстановке — свитер и джинсы. Что до грусти и радости — так их хватает с лихвой, и имидж в этом смысле постоянен. В ЦК комсомола есть свои неписанные нормы, как надо одеваться. Зачастую это даже удобно. А впрочем, какая разница? Честно говоря, я уже вышел из возраста, когда одежда сама по себе значит больше, чем человек.

— Как это? А если вы встречаетесь с деловыми партнерами за столом переговоров да еще в какой-нибудь стране, где нужно выглядеть весьма представительно?

— Тут, между прочим, не все однозначно. Например, отправляясь к коммунистам ФРГ, не стоит везти с собой чемодан галстуков и несколько пар брюк: рискуешь во время встречи оказаться белой вороной. Зато новое поколение молодых американских профессионалов всегда «упаковано» в строгую форму — пиджаки, галстуки.

— По специальности вы не международник, окончили Московский энергетический институт. На ваш взгляд, жизнь распорядилась правильно, позволив обществу потерять специалиста по компьютерам, приоб-

министр социального обеспечения, послезавтра — посол в какой-нибудь стране. Почему так? Есть уверенность в том, что административные навыки лидера достаточно эффективны, чтобы перевесить его временную некомпетентность в отдельных вопросах. Ведь разумный руководитель окружает себя экспертами, специалистами, которые помогут выйти на оптимальное решение. Талант, интуиция нужны для правильного распределения этих экспертов, их поиска. Нужны одновременно знания и интуиция, чтобы решить, кому больше верить, чья точка зрения ближе к истине.

— Я понимаю так: если завтра вам предложат стать министром культуры, вы согласитесь и справитесь с этой работой?

— Знаком с нынешним министром культуры Захаровым и в сравнении с ним считаю себя не очень подготовленным к этой работе... Да и, честно говоря, в принципе связываю жизненную перспективу с другим направлением. Моя нынешняя должность — случайность по отношению к моему образованию, но в этой случайности есть доля закономерности. Еще в студенческие годы, во время учебы в аспирантуре, я активно занимался вопросами интернационального воспитания. Потом работал в одном из райкомов комсомола Москвы. Затем опять вернулся к международной деятельности — работал в секретариате Международного Союза студентов в Праге. Вернувшись в Союз, был выдвинут на руководящую

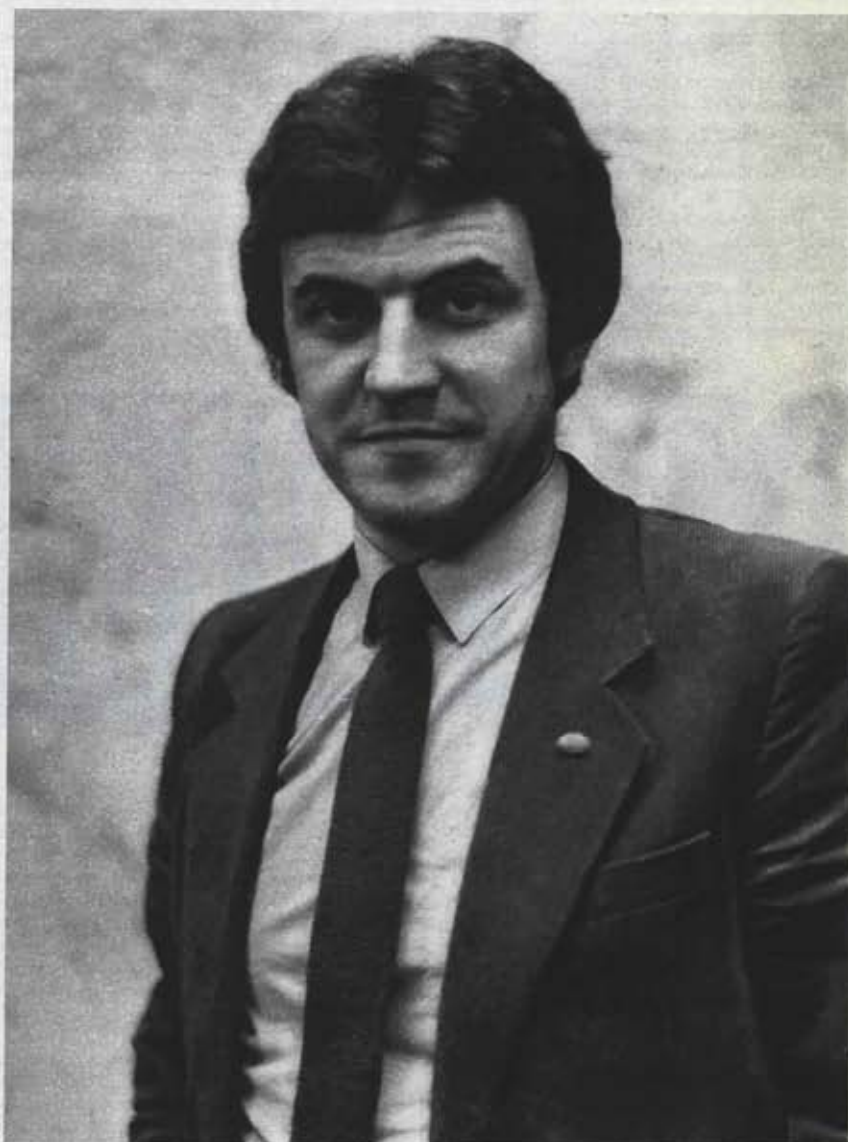

Фото Сергея ВЕТРОВА

ПЕРЕГОВОРЫ

ПО ДУМШАМ

рета в вашем лице молодого политического деятеля? Я спрашиваю об этом потому, что сейчас огромное значение имеют профессиональные знания человека. Ведь и в комсомоле такая проблема существует: сегодня человек руководит военно-патриотическим воспитанием, завтра занимается вопросами сельского хозяйства, а за плечами у него институт пищевой промышленности или, например, иняз... Или для большого руководителя совсем необязательна глубокая профессионализация, четко очерченная сфера знаний и компетенции?

— Вопрос действительно больной и важный. Но и не простой. Посмотрите, как, к примеру, манипулируют министерскими портфелями в Италии: сегодня ты министр обороны, завтра —

работу в КМО. На мой взгляд, профессионализм — это совокупность знаний и навыков, которые человек с максимальным эффектом умеет использовать в своей работе. Мне, например, помогает знание нескольких иностранных языков, практический опыт работы с зарубежной молодежью. И все же определяющим фактором являются любовь и искренний интерес к порученному делу.

— Так по каким параметрам можно выбирать политика или назначать «быть политиком»?

— Пусть их народ выбирает. Это лучший способ.

— Международные диалоги требуют гибкости ума и умения высказываться, что называется, не моргнув глазом. Возможна ли эта работа без компромиссов с совестью?

— Мне очень повезло, что приходится работать в такое время, когда внутренние убеждения не противостоят тому, что приходится говорить вслух. Мы наконец-то пришли к тому, что и на международных встречах не всем и не всегда обязательно говорить от имени «страны и Ленинского комсомола», часто можно говорить от себя лично, высказывая свое собственное мнение. Это всего лишь показывает, что человек умеет думать самостоятельно. Лично я, несмотря на большие полномочия и представительство серьезной организации, по мере возможности стараюсь говорить то, что думаю сам. И моменты сомнений, которые есть у каждого мыслящего человека, вполне нормальны. Люди, не способные спорить с самими собой, не способны развиваться.

— Наверное, за столом переговоров частенько возникают сложные ситуации. Чувство юмора помогает?

— По-разному. Иногда шутка может стать смертельной. Однако у меня было много ситуаций, когда удавалось выйти из положения только благодаря шутке. Но согласитесь, что шутить бывает крайне трудно, когда у тебя мокрая от напряжения спина. От «личного контакта» с собеседниками зависит многое. Хорошо, если политик умеет интересно выступать, грамотно говорить. Он должен уметь подчинить себе аудиторию, опираясь на оригинальные мысли. Люди все меньше верят лидерам назначенным, люди тянутся к лидерам естественным. Я, например, часто вспоминаю Андрея Кокошина — молодого человека, кстати сказать, с техническим образованием, и в то же время талантливого международного деятеля, недавно избранного членом-корреспондентом АН СССР. Ныне он заместитель директора Института США и Канады. Вообще очень многое зависит от индивидуальности человека, его личностного начала. Посмотрите на Э. А. Шевардадзе. Он не международник по образованию, но, занимаясь внешней политикой, в короткий срок сумел создать нечто свое, новое. Сейчас именно на стыке разных наук, знаний происходят самые интересные прорывы. Отчасти это

относится и к политической деятельности. Неординарного политика, говоря языком газетчиков, верстает удачная комбинация нескольких профессий.

— **Вы кого имеете в виду? Себя?**

— Нет, себя я не отношу к очень интересным фигурам. Но, возвращаясь к тому же Кокочину, ясно вижу, в чем его преимущества. Рассуждая о программе звездных войн, к примеру, он может очень компетентно говорить в том числе и о технических аспектах проблемы, которая имеет колоссальное политическое значение.

— **Вам часто приходится бывать за рубежом. Какие вопросы задают в последнее время больше всего? Что интересует Запад в первую очередь?**

— В последнее время часто повторяется вопрос о гарантиях перестройки, ее необратимости. Причем интересует не только завтрашний день — тут, говорят, все понятно, — но перспективы. Под этими перспективами понимают период, когда обозначатся новые социально-экономические сложности. Всякое серьезное преобразование общества связано с переходными процессами и возможностью экономических неурядиц. Похоже, что в полной мере и нам не удастся их избежать. Нас спрашивают: что тогда? Нередко задают вопрос: как далеко и глубоко вы можете идти по пути, называемому демократизацией? Возможна ли для нас многопартийная система или хотя бы появление двух партий? Серьезные люди за рубежом пытаются понять: перестройка — это «на самом деле» или очередная кампания? Какие последствия она будет иметь для нас, и не только в случае успеха, но и неуспеха тоже? Порой ответить трудно. Хотят получить ответ на вопрос: что будет в случае смены некоторых наших лидеров, какие это будет иметь последствия для перестройки? Ждут понятный, аргументированный ответ, аналитическое обобщение. Но лично меня радует, что звучат такие вопросы. Значит, процессы, которыми отмечено наше общество, принимаются всерьез. Мы уже миновали ту стадию, когда к перестройке очень многие за рубежом относились как к очередному пропагандистскому трюку.

— **Так какой же ответ вы дали на вопрос о возможности двух партий в нашей стране?**

— Полагаю, будет уместным здесь напомнить слова М. С. Горбачева. Он высказался в том смысле, что в наших условиях Коммунистическая партия в состоянии полностью осуществлять руководство страной в решении задач по перестройке, которую она начала. Я считаю, что наличие оппозиционных партий обязательно является признаком политического здоровья общества. Исходя из конкретного исторического опыта нашей страны, известной открытости нашей демократической культуры не исключено возникновение резко негативных явлений. Думаю, появление второй партии было бы во вред перестройке на нынешнем этапе.

— **По отношению к вашей организации подчас можно услышать, что «кмошники» красиво живут: поездки за границу, приемы, обеды, переговоры — словом, работа непилыная...**

— Сказывается поверхностное знание нашей работы. Поверьте, это достаточно тяжелый кусок хлеба. Несомненно, есть и привлекательные стороны, но они с лихвой сбалансированы сторонами тяжелыми. Конечно, когда в нашей организации появляются люди морально нечистоплотные, они и дают повод для домыслов. Один такой человек может повредить всем. Скажу честно, мне тяжело сознавать, что еще бытует мнение, будто к нам приходят «по благу» или потому, что так на роду написано. Впрочем, всякое было в истории КМО. Отчасти, наверное, и сейчас есть. Но пока я здесь работаю, могу обещать: будет меньше. У меня с этим личные счеты, да и дело того требует.

— **Что требуете лично вы от чело-**

века, который приходит к вам на работу?

— Радует, когда человек привносит что-то свое, оригинальное и не становится просто винтиком в большом механизме. Очень люблю творческих людей, инициативу мысли. Конечно, можно хорошо отработать с делегацией и проследить, чтобы все чемоданы были в сохранности, чтобы все вовремя прилетело и улетело обратно. Но вряд ли такую работу можно назвать творчески состоятельной. В нашей организации самые разные люди: международники по образованию, по призванию, просто потому, что так жизнь сложилась. Но я очень горжусь тем, что здесь есть несколько человек, на которых все и держится. Уйдут они, не знаю, что буду делать. Я как руководитель целиком от них завишу. Но это побуждает меня искать новые таланты.

— **О чем сегодня больше всего болит голова у председателя КМО?**

— О правильной расстановке приоритетов в нашей деятельности. Сейчас появилось столько идей, возможностей, предложений в области международной деятельности, и одновременно мы настолько ограничены в отношении финансов, наличия людских ресурсов, что без введения приоритетов попросту захлебнемся. Уже захлебываемся. Второе — хронический недостаток времени. Объем документов, бумаг, которые приходится ежедневно читать и писать, больше, чем когда-либо. Стараешься не потеряться в этом потоке информации, не пропустить самое ценное и важное. Хочется быть в курсе хотя бы элементарных событий и в творческом мире, и в международных сферах. Это трудно.

— **Почему деятельность КМО не на «поверхности»? В нашей стране очень многие вообще ничего не знают об этой организации.**

— Неудивительно. В течение многих лет КМО широко известен за пределами страны и слабо у нас, «дома». Попробую вкратце объяснить, чем мы занимаемся. Прежде всего датой рождения КМО СССР считается 1956 год. А точнее, в этом году было утверждено название и приняты основные документы. Созданный комитет унаследовал традиции и направленность Антифашистского Комитета Советской Молодежи, который существовал еще со времен второй мировой войны. Естественно, очень многое изменилось в деятельности КМО с момента его создания. И прежде всего условия, в которых мы работаем, обстановка внутри страны и в мире. Нынешний КМО — это «окно в мир», это представительский орган советской молодежи, осуществляющий контакты с молодежными организациями за рубежом. Подобные национальные объединения различных молодежных организаций есть и в других странах. Например, Федеральный клуб молодежи в ФРГ. Есть аналоги в Финляндии, во многих странах третьего мира. Вообще же у нас более двух тысяч постоянных партнеров в более чем ста пятидесяти странах мира. Мы обмениваемся с молодежными организациями информацией, делегациями, проводим совместные мероприятия, вместе принимаем участие в международных фестивалях, форумах. Для примера, только на мероприятии Всемирной Федерации Демократической Молодежи мы ежегодно отправляем больше десяти делегаций. А в ноябре этого года исполком ВФДМ пройдет в Киеве, и мы будем его политическими хозяевами. Словом, все, что представляет интерес для молодежи разных стран, представляет интерес и для КМО СССР. Важен обмен опытом. Я вообще считаю, что главная функция КМО — это своего рода «мостик», посредничество между советской молодежью и молодыми людьми, живущими за рубежом. Скажем, создается сейчас в нашей стране Ассоциация молодых управляющих — советских директоров. Думаю, когда она будет создана, мы примем ее в состав КМО. И тогда мы должны будем помочь Ассоциации по нашим каналам выйти на партнеров

в социалистических и капиталистических странах для создания, например, совместных предприятий. Взгляните на несколько писем, которые мы получили только сегодня. Австралийский организационный комитет предлагает нам прислать делегацию советской молодежи для участия в региональном молодежном форуме «За мир и ядерное разоружение в Азии и южной части Тихого океана...» Телеграмма от совета юных астронавтов США. Предлагают принять участие в конференции юных астронавтов и космонавтов, которая будет проходить в Оклахоме... Дальше. Опять из США... Ассоциация молодых мужчин-христиан сообщает, что направляет к нам делегацию и просит организовать встречу с митрополитом Филаретом... К нам ежедневно поступают десятки предложений. Какими-то мы занимаемся сами, кое-что передаем в наши членские организации или же выходим с предложениями в государственные органы. КМО, как я уже говорил, изначально формировался как представительский орган советской молодежи для контактов с зарубежной молодежью. Но не думаю, что традиционная «незаметность» КМО в нашей стране должна оставаться вечной. Нынче много причин, чтобы поменять эту традицию. И главная — потребность развивать демократические начала в международной деятельности советских молодежных организаций. Нужно рассказывать, чем мы занимаемся, с кем и зачем встречаемся. Нужно активнее вовлекать новых людей в работу, выходить на действительно массовые формы обменов.

— **Возможно, для этого стоит освободиться от опеки комсомола и получить полную самостоятельность?**

— Нет. Зачем? В КМО представлено около 40 молодежных организаций и структур. Комсомол в силу своего влияния, авторитета в советском обществе располагает в КМО, если воспользоваться западным термином, контрольным пакетом акций в смысле политического контроля, подбора кадров, финансовой помощи и т. д. Мне кажется, в этом нет ничего предосудительного, нелогичного. Здесь просто отражается сила комсомола как организации общественно-политической.

— **Говоря о политическом влиянии комсомола, вы не забываете, что в стране появилось множество самостоятельных объединений молодежи, которые возникли своеобразной альтернативой этому «политическому влиянию»?**

— Я далек от мысли, что во всем нужно винить комсомол. Это один из стереотипов традиционного мышления: что бы ни произошло с молодежью — виноват комсомол. В условиях расширяющейся демократии вполне естественно возникновение молодежных организаций, групп, структур, развитие и видоизменение уже существовавших. Комсомол, повторяю, — политическая организация, объединение молодежи с ясно обозначенными политическими целями. Но есть целый ряд жизненных сфер, на которые влияние политических организаций имеет ограниченный характер. Я лично считаю, что неправильно полагать, будто комсомол способен в полной мере удовлетворить все многообразие интересов молодежи. На мой взгляд, самостоятельные объединения молодых возникают не потому, что комсомол недорабатывает, а потому, что у нормальных людей существует естественная потребность в общении по интересам, тяга к единомышленникам. И совсем необязательно, чтобы все это осуществлялось исключительно на политической платформе, а соответственно и при непосредственном участии комсомола...

— **А Комитет Молодежных Организаций не мог бы собрать под свою крышу любительские объединения?**

— Не исключаю. Хотя таких традиций у нас нет, но мысли на эту тему в последнее время появляются. Тут, правда, есть ряд сложностей. Во-первых, у КМО далеко не везде есть ме-

стные отделения. Что делать, например, в Новосибирской области, где никогда не было КМО? Затем наша организация всегда занималась международной деятельностью, а среди любительских объединений далеко не все даже частично ориентированы на международную деятельность. Если бы и пошла речь о нашем «зонтике», то вряд ли можно было собрать всех подряд, ведь нужно ориентироваться на определенную политическую платформу. Мы думаем об этом, хотя многих пугает появление молодежного парламента. А с другой стороны, сейчас начали более пристально изучать зарубежный опыт и даже спорить: нужно ли нам министерство по делам молодежи? В чем-то, возможно, и нужно. Я, например, вижу ряд проблем, которые с помощью такого министерства можно было бы успешно решить, но даже такой шаг вряд ли будет панацеей от всех молодежных бед.

— **Что вы вкладываете в понятие «молодежная организация»? Существует ли какое-либо юридическое обоснование такой организации?**

— Юридического определения нет. Но, думаю, в практических целях молодежной организацией можно считать «объединение молодых людей» на основе взаимных интересов. Ведь даже определение «молодой человек» интерпретируется по-разному. Скажем, ООН понимает под этим людей до 24 лет. У нас в стране, по моему, до 30 лет. Делать даже не столько в возрастном лимите. По моему, молодые люди — это те, кто еще только выходит на какие-то позиции в обществе, будь то управление, наука, творчество или работа в производительных сферах.

— **Не кажется ли вам, что произошла излишняя консервация возраста в некоторых наших управленческих механизмах?**

— Не буду напоминать, сколько лет Рейгану, но это к слову. Сейчас мы опередили многих в плане омоложения высших эшелонов власти. Я имею представление о том, как строится нынче кадровая политика на уровне горкомов, обкомов партии, соответствующих советских органов, и просто несправедливо говорить, что всюду зажимают молодых. Скорее есть другая проблема — с людьми среднего возраста, кому, скажем, за 40 лет. В аппаратах они сейчас себя чувствуют не всегда уютно. Другое дело — омоложение руководящих кадров на производстве. Молодых руководителей на производстве у нас гораздо меньше, чем надо. Например, ощутило меньше, чем в промышленно развитых капиталистических странах. Самый активный возраст, самый производительный — от двадцати пяти до пятидесяти. Здесь бы надо «выжимать» из людей максимальную отдачу, создавать самые благоприятные условия для творческого труда. К сожалению, еще не все это понимают, и не уверен, что начнут понимать до конца. И на это есть свои объективные причины: национальные условия, исторический фон... Но именно здесь — мощнейший резерв идей, энергии.

— **Как, по-вашему, должен ли комсомол побуждать молодежь на политическую активность, политические акции?**

— Да, будучи политической организацией, именно этим комсомол и должен заниматься.

— **Между словом «должен» и реальным «есть» — заметная разница?**

— Конечно. Уже потому, что нет ничего совершенного в этом мире, наверное, несовершенно и деятельность комсомола. Я принадлежу к тем, кто полагает, что все мы выиграем, если комсомол не будет вынужден браться за все дела сразу, а яснее осознает свою роль. Я лично отстаиваю точку зрения, что комсомол, как общественно-политическая организация, не должен пытаться заткнуть все щели в молодежном полу, оставляя возможность для действий организаций, способных при помощи комсомола решать

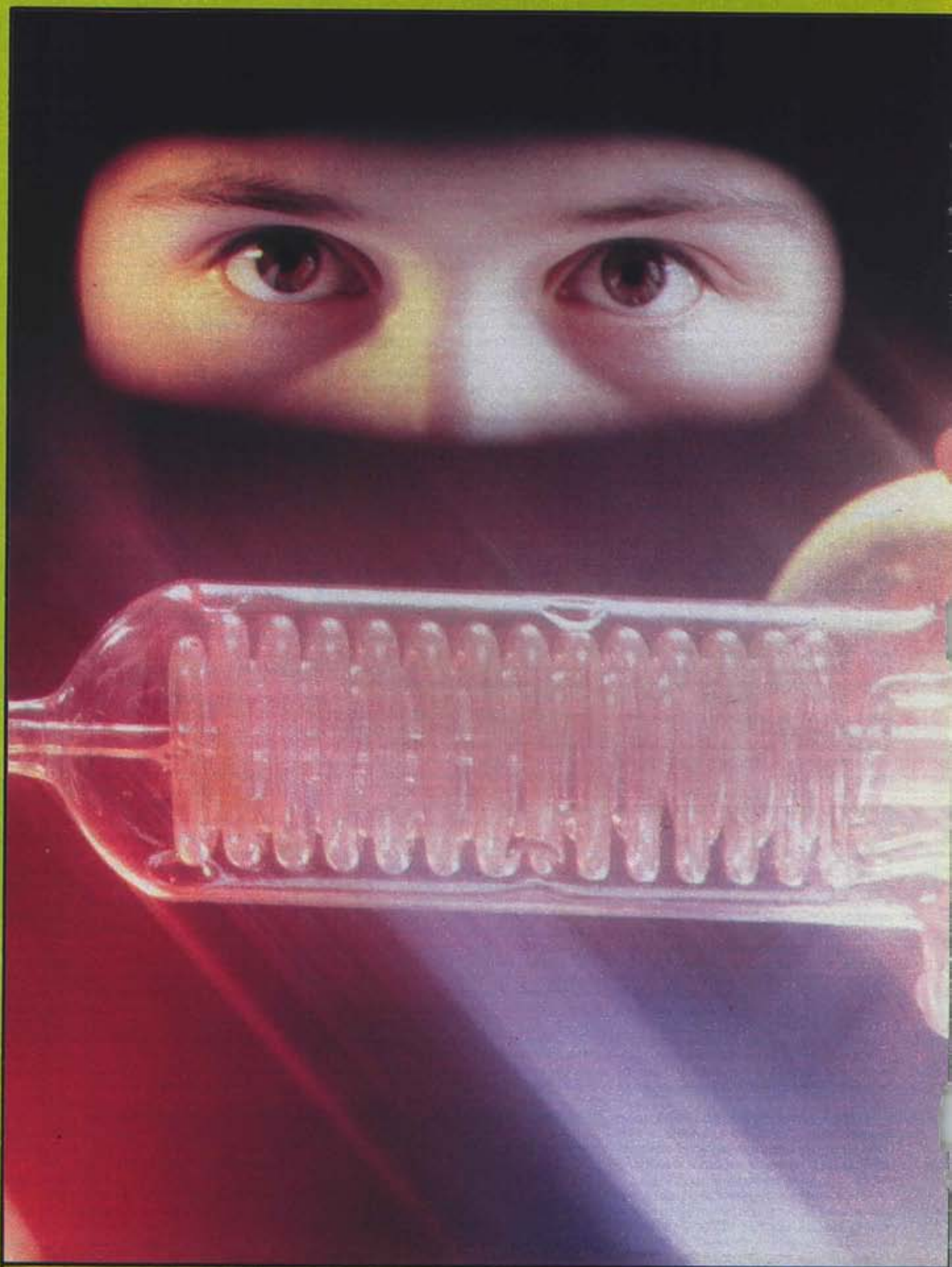
Геннадий МАКСИМОВИЧ

Развитие генетики — один из ярчайших примеров того, какие результаты может принести соединение науки и практики. Совершенствование методов генной, хромосомной и клеточной инженерии позволяет принципиально по-новому решать многие коренные задачи медицины, сельского хозяйства, микробиологической промышленности. То, что недавно казалось чуть ли не фантастикой, становится обычным делом. Сегодня с помощью генной инженерии можно создавать бактерии, которые становятся «фабриками» по выпуску разных лечебных веществ. Размножаясь, они синтезируют белки, аминокислоты, витамины, гормоны, антибиотики и многое другое. Ученые ищут способы получения все новых лекарственных препаратов, в том числе и противораковых антибиотиков.

Но одно дело — разработать тот или иной препарат, совсем другое — наладить его массовый выпуск. Это невозможно без хорошо разработанной биотехнологии и современного биотехнологического производства. Своим развитием биотехнология обязана прежде всего успехам генной инженерии. Ее перспективы значительно расширились с появлением современной биоорганической химии. Биотехнология совершила подлинную революцию, резко изменив положение биологической науки и отношения между биологией и промышленностью. Например, промышленное производство антибиотиков осуществляется в основном биотехнологическими методами. Кроме того, с помощью генной инженерии и биотехнологии сегодня лечат животных, выращивают новые сорта растений, борются с загрязнением окружающей среды — всего не перечислишь.

Из древа генетики выросли многочисленные ветви смежных областей науки — физико-химическая биология, биотехнология, биоорганика... Но за успехами этой основополагающей науки скрывается тревожная ситуация. Острая проблема — подготовка кадров для генетики. Даже ведущие академические институты испытывают недостаток квалифицированных специалистов. В большинстве отраслевых генетических, селекционных, медицинских учреждений их практически нет. Поэтому исследовательская работа часто ведется без знаний и учета достижений и методов генетики.

Попробуем разобраться, почему так получилось. После печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года преподавание генетики в вузах вообще не велось — до 1964 года. Выросшее в тот период поколение биологов, селекционеров и медиков не получило знаний генетики, не могло осознать, что она служит фундаментом всего биологического образования.

ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ

АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА

Со второй половины 60-х годов преподавание генетики возобновилось, но проблема подготовки квалифицированных кадров не решена и сейчас. Специализация по генетике ведется лишь в Московском, Ленинградском, Киевском, Новосибирском и нескольких других университетах. В Ростовском и Минском университетах специальность № 2040 «генетика» ликвидирована. В Горьковском и Ворошиловградском кафедры генетики переориентировали на другие специальности. В подавляющем большинстве университетов генетика не вводится из-за того, что на нее якобы нет «спроса». В сельскохозяйственных же и медицинских вузах она преподается, как правило, на невысоком уровне или не преподается вовсе.

Теперь понятно, почему во многих вузах генетику часто преподают люди, не имеющие специального образования или хотя бы послевузовской подготовки. Программы по генетике во многом устарели; студенты в большинстве университетов не изучают ее передовые разделы — такие, как организация и структура генома, геновая инженерия, биотехнология, популяционная генетика... Да и существующие лекции не подкрепляются соответствующей практикой. Не получают студенты и необходимых навыков в работе с компьютерной техникой. Очень мало издается генетических и селекционных учебных пособий.

А ведь в ближайшие годы генетика, селекция, биотехнология, микробиологическая промышленность потребуют многих тысяч хорошо подготовленных специалистов, молодых ученых для смены старого преподавательского корпуса, для многочисленных селекционных центров, раз-

ных отраслей народного хозяйства. Для большого числа медико-генетических учреждений и лабораторий уже сегодня требуется армия врачей, хорошо знающих генетику человека и медицинскую генетику.

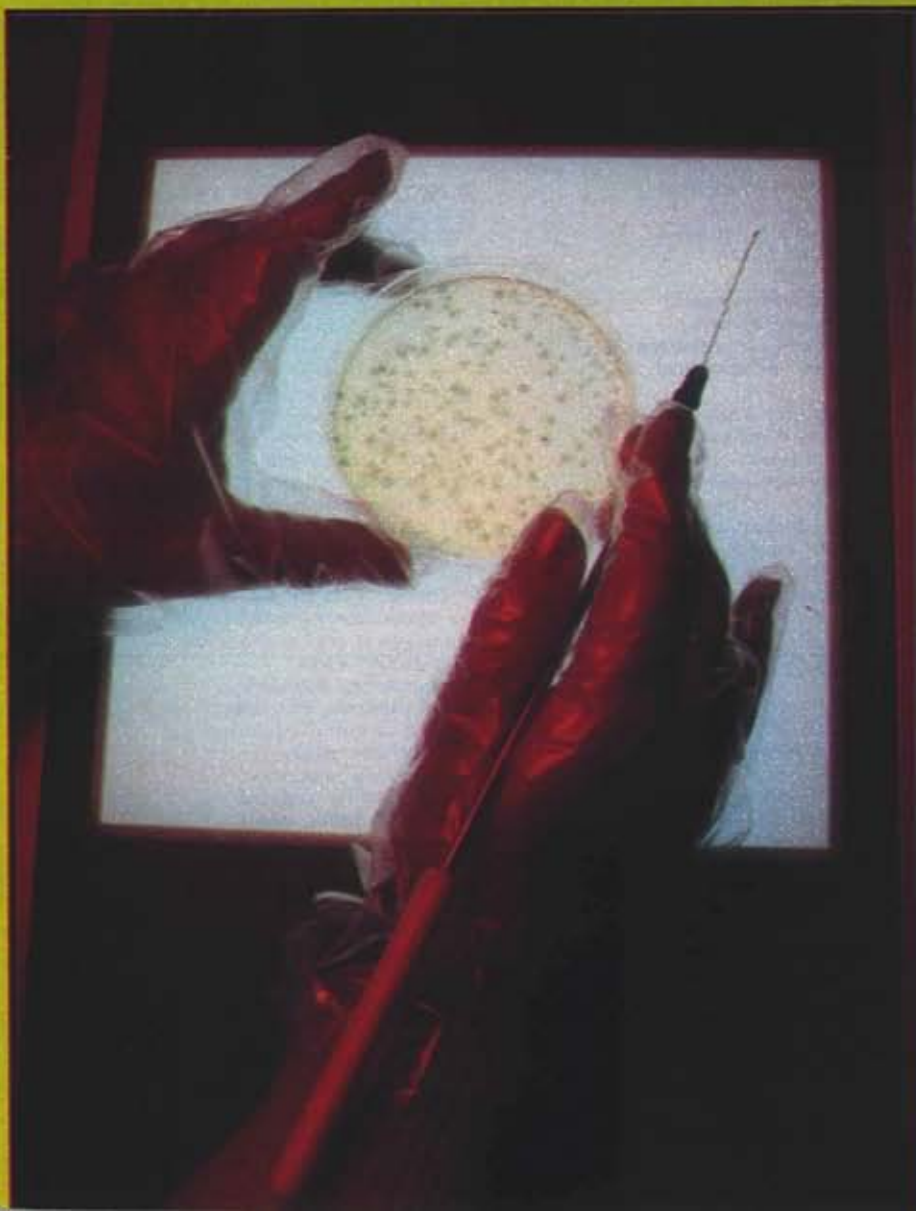
Очевидно, что для удовлетворения всех этих требований необходима коренная перестройка в системе подготовки специалистов-генетиков. И когда задумываешься над сложившимся положением, невольно складывается впечатление, будто какие-то скрытые силы до сих пор не хотят мириться с тем, что с генетики давно сняты все ложные обвинения... И еще один факт для размышления. В 1924 году в АН СССР было три академика-генетика, в 1972-м — шесть, в настоящее же время — один. Среди членов-корреспондентов, которых тоже крайне недостаточно, нет молодых. А ведь кадры высшей генетической квалификации все-таки имеются...

Есть ли выход из создавшегося положения — довольно сложного, но требующего быстрого разрешения? Есть, если подойти к делу серьезно, по-государственному. Тут может быть очень полезен опыт, накопленный в Институте биоорганической химии имени М. М. Шемякина АН СССР: там весьма основательно занимаются подготовкой молодых научных кадров.

Этот институт — один из ведущих центров физико-химической биологии; возглавляет работы, связанные с изучением живой материи. Здесь развиваются актуальные направления биохимии и молекулярной биологии, молекулярной генетики, нейробиологии, иммунологии, клеточной биологии... Многие работы института имеют важное практическое значение для медицины, промышленно-

Фото Евгения СТЕЦКО

сти, сельского хозяйства. Ведь во все отрасли сегодня активно вторгается новая технология, основанная на методах генетической и клеточной инженерии, биоорганической химии.

Приоритетное развитие биотехнологии обнаружило острую необходимость в специалистах по новейшим направлениям физико-химической биологии. Как показывает практика, самый эффективный путь подготовки таких специалистов — объедине-

ние усилий высших учебных заведений и крупных научно-исследовательских центров. Так, по инициативе недавно безвременно ушедшего из жизни академика Ю. А. Овчинникова в 1982 году возник в институте учебно-научный центр. Он стал научной базой для кафедры биоорганической химии биологического факультета МГУ, кафедры физико-химической биологии и биотехнологии Московского физико-технического института, а также для студентов не-

которых кафедр Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова.

В этом центре — четыре группы. Три из них занимаются структурой и функциями белков нуклеиновых кислот, биологических мембран. Четвертая — молекулярной иммунологией. Казалось, при чем тут физтех? Может быть, ребята попали в учебно-научный центр случайно, так сказать, в погоне за «модной темой»? Об этом я и спросил руководителя группы, занимающейся биологическими мембранами, кандидата химических наук Леонида Ивановича Барсукова.

— Наша цель, — ответил Барсуков, — вовсе не в том, чтобы «перековать» физика на биолога. Это было бы бессмысленно. Мы должны научить физика такому языку, без которого он не сможет обойтись в биологии.

— Процесс обучения в нашем центре разбит на три этапа, — дополняет руководитель группы нуклеиновых кислот, кандидат химических наук Ирина Владимировна Северцова. — Первый — азы химико-биологических знаний. Второй — умение пользоваться современной экспериментальной техникой. Широко используются компьютерная техника и средства автоматизации научного эксперимента. И третий этап — знакомство студентов с наиболее актуальными направлениями физико-химической биологии. Ведущие сотрудники института читают лекции, проводят семинары и практические занятия. В наших отлично оснащенных лабораториях студенты не только осваивают экспериментальные методы, но и приобретают навыки самостоятельной исследовательской работы.

— Выпускник вуза без достаточной подготовки, то есть с «нулевым» опытом самостоятельной работы, не может вести активные исследования. Поэтому требуется доучивание после вуза, порой фактически равноценное получению второго образования, — продолжил Леонид Иванович Барсуков. — У нас же любая работа, даже в рамках лабораторного практикума, несет не только учебную нагрузку. Каждая — пусть маленькая, но самостоятельное исследование с научно значимым результатом.

Каждые зимние каникулы для студентов организуют научную школу в Пущино по проблемам современной физико-химической биологии и биотехнологии. Эта школа привлекает внимание старшекурсников к наиболее важным вопросам, а студентам младших курсов помогает в выборе будущей специальности. Темы лекций в Пущино — от генной инженерии, биотехнологии до ... СПИДа. Что ж, все правильно, ведь многие специалисты считают, что борьба с «чумой XX века» будет вестись именно на генном уровне. Главное — прекратить размножение этого вируса. А сегодня уже известны определенные элементы, способные подставить ошибочные нуклеотиды в молекулы, которые после этого перестанут размножаться. И, кто знает, быть может, победу над страшной болезнью одержит именно выпускник учебно-научного центра Института биохимии?..

Сейчас в центре обучаются около 120 студентов. Некоторые из них придут работать в ИБХ, да и другие так или иначе будут связаны с институтом. Предполагается с каждым годом увеличивать число выпускников центра. Но уже сегодня ясно, что и в будущем проблем с распределением не будет: интересной, перспективной работы много.

...После знакомства с учебно-научным центром Института биоорганической химии невольно возникает вопрос: разве не применим подобный выход из кадрового тупика и для собственно генетики? Нельзя же просто ждать и надеяться, что все когда-нибудь образуется само собой!

СМЕНА

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА

РОВЕСНИКИ ПОБЕДЫ

*Проплывает мимо лебедем
разудалое жите.*
*Не востребовано временем
поколение мое!*

*Не востребовано ранее...
Но не пущено под нож
ни насмешкой, ни поправием,
ни бесправием. И все ж*

*мы наказаны неверием
в прописные чудеса.
На Ягоду и на Берия
как закрыть теперь глаза?*

*Жизнь от праздника до праздника...
Сколько душ, еще живых,
маринуется в запасниках,
за шкапами, в кладовых?!*

*Не сказали слова нового;
и державный стих не спас...
Как художника Филонова,
нас держали про запас!*

*И в науке и на службе мы,
соблюдая политес,
были лишними, ненужными,
записными мэнэс!*

*А порой старались очень ведь
в труд вложить и пыл, и дар.
Отстояли свою очередь —
только кончился товар!*

*Меж торжественными датами
коротаем вечера.
Остаемся кандидатами
в золотые мастера!!!*

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД

*Ой, на зимнем на пруду мерзнут
утки,
как в подземном переходе
проститутки.*

*На одной фирме,
на другой фирме.
Только — черта с два! —
грей себя сама!
В переходе сыро,
дует да метет.
Бедным уткам сирот
подступает лед.
А зима-то лютая,
как в густом бору.
Курят, носом хлюпя,
на сквозном ветру.
Дует да не выдует*

*дурь из головы.
Только к лету вытает
пруд внутри Москвы...*

*А на улице вязко да склизко.
Что дрожишь на ветру,
«группа риска»?*

*Что стоишь,
как плакат, намалевана?
Набалована.
Не оплевана.
Ни елюю не надо, ни ладана:
ты — не Сонечка Мармеладова!!!
И не гляну — да вижу отчетливо:
не обижена ты, а расчетлива.
...В свете мертвенном выглядит
жутко
подсадная
подземная утка...*

ВИД ИЗ ОКНА

*Верю бедным заплатам
на равнине рядна.
Так давайте заплатим
за вид из окна!*

*На родном бездорожьи
ни двора ни кола...
Вид — на храмы на божьи
и на купола!*

*Так давайте откупим
у клубящейся тьмы
облупившийся купол
нашей общей судьбы!*

*Тот обычай старинный,
позабывтый давно,
рукотворной равнины
подлатает рядно.*

*Так давайте усердно
по копейке копить,
чтобы все, что бессмертно,
возродив, возлюбить!*

*Так давайте полушки
собирать и гроши,
чтоб молились старушки
за спасенье души.*

*Чтоб родимым заплатам
прежний облик вернуть.
Чтобы сын не заплакал,
внук успел помянуть...*

ДЕБЮТАНТЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

*Коль круто замешено тесто,
вовек калача не испечь.
Мы жили в эпоху подтекста:
натурна ненужная речь.*

*Поэзия стала бесцельной,
обильной, как хлеб дармовой.
Мы были, как голос за сценой,
едва различимый, живой.*

*Стою я в рядах поредельных
ровесников в бедных пальто.
Свободны вполне. Но в пределах...
Безвестны пока. Но зато*

*ни горя, ни лесоповала.
Уверенность в завтрашнем дне...
И «гибель всерьез» миновала.
И жизнь миновала вполне.*

НОЧЬ ПОМИНОВЕНИЯ

*Когда пораскинёт умом
владельческий россиянин,
высокий кладбищенский холм
в погасших снегах воссияет.*

*Там тьму рассеивает собой
не фосфорное излученье,
а вечный надмирный покой.
От наших сует излечение.*

*И он, поразмыслив, поймет:
полночное это сиянье
и веры последний оплот
и наша стезя, россияне!*

*И пусть нам достанет ума
постигнуть, покуда не поздно,
что память людская сама
по сути своей светоносна.*

Заснежена сирень
у дома Пастернака.
Тут ждали ежедень
таинственного знака.
Тут славно жили встарь.
Могли бы жить и лучше...
Тут клали на алтарь
и слово, и созвучье.
Не судьбами людей
вершили в спеси зряшной,
а суммами идей
словесности изящной.
И за полночь, в тиши,
не суд земной вершили:
алкалы для души
заоблачной вершинны.
И церковь на холмах
сама вписалась вроде
в безудержный размах
литфондовских угодий.
Как жил он в годы те,
отшельник и пустынный?
В огульной немоте
дом опустевший стынет.
Но свет еще горит
прощающий, прощенный!
Судьба благоволит
к душе его крещеной.
Хрестоматийный строк
не память хулой и бранью.
А память — оселок
народного признанья.

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

«ЛЕБЕДИ, ЛЕБЕДИ...»*

Примусь искать я через год
иль позже
Тот особняк
С терпением,
с которым Смутный Олдржи
Искал собак.
Искал он лебедей за тихой Влтавой,
В глухих прудах,
Где красота не гонится за славой,
Как в городах.
Они вплывали в линзы объектива,
Чей нрав суров,
Как будто неизвестные светила
Иных миров.
Не ведая,
что в бескорыстной страсти
Есть злу упрек,
Что, может, на бессмертье
скромный мастер
Их вдруг обрек.
Им всем сродни — от гадкого утенка
И до щенка —
Вот эта небольшая комнатенка
Особняка,
Где вдоль окна
трамвай бросал зарницы,
Шел дождь и снег,
Где тяжело я поднимал страницы
За веком век.

НОЧЛЕГ ПО СЛУЧАЮ

Тоску ощутил на пороге,
Упрек с незнакомою болью —
А это домашние боги
Встречали меня нелюбовью.
Они меня зло ревновали
И мстили — дыханье стесняло.
Я спал так, как спят на привале,
Забывшись, тревожно и мало.
Какие нужны еще визы,
Чтоб лечь под косяк этот хилый,
Где риски, отметины снизу
Стремятся вверх что есть силы?
Вдруг падала навзничь фрамуга,
Сквозняк мчался, как на вокзале,
И, спятив с ума от испуга,
Все тени на стенах плясали.
Послушен незримым оркестрам,
Я плыл среди теней силуэтом —
Мы все в этом доме проездом,
И все мы исчезнем с рассветом.
Когда ж возвратится хозяин,
Чей рост, знать, куда выше рисков?..
Но, видимо, он здесь случайн
И, видимо, этим мне близок.

* Книга О. Смутного.

КАРМЕН

В Севилье, в час полдня,
в сухой час жары
Забрел я в университет**,
Садового вереска стыли шары,
Кран капал со звоном песет.
Как фабула в старой новелле легка!
И каждый отыщет в ней клад,
Чтоб остро почувствовать дух табака,
Фабричного быта уклад,
Любимого взгляда и негу, и плен,
И ревности быстрой ожог,
Шуршание юбок тугих вокруг колен,
И сердца последний прыжок.
Сильнее любви и богатства сильней
Свободы пьянящая страсть.
Не страшно душе воспарить
вместе с ней,
Горячему телу — упасть.
А кто был обманут,
кто горечью сыт,
Себя уж не ставит ни в грош —
А тела горячего пыл охладит
Подставленный вовремя нож.
Кровь быстро остынет,
пройдет полдня час,
Гитара споет дотемна
О том, что есть в нас,
но сокрыто от нас —
Ведь песню не знает струна.

■
На виноградниках Кахетии,
В садах среди фруктов и цветов
Я видел спектра семицветие.
Но в спектре нету всех цветов.
Клубились звезды над баштанами,
Хорезма плавилась жара.
На горы хлопка автокранами
Вздыхали хлопок «на-гора».
Полтавских рынков
Щедрость пышную
Хор кряквы славил в тыщу ртов.
Молдова удивляла вишнею,
Черешнею шести сортов.
И все ж не юга изобилие
Волнует сердце без труда,
А тихий север... Может, лилия
Среди холодного пруда.

** Он расположен в здании бывшей табачной фабрики.

ПОЧТА

Обласканный нынешней почтою,
Я помню о почте тех дней,
Что тропку торила нам прочную,
Железной дороги верней.
Пробьет письмецо твое краткое
Любых расстояний туман,
Загадку помирят с разгадкою,
И это любовь — не роман.
И это — то самое высшее,
С чем уксус вкушают и мед.
Уже под одною мы крышею,
А почта идет и идет.

УГОН

Где молния пишет зигзаги
И к бухте подходит низина,
Охальники или бродяги
Заводят мотор без бензина.
Он воет надсадно и дико;
А море, от ветра рябое,
Уносит любителей шика
Подальше от места разбоя.
Уж весла упали с размаха
И черпают воду глубоко,
Уж лодка скулит, как собака,
Вдали от хозяйского ока.
Тоскует она по запору,
Что сорван железной скобою,
Идет тяжело, словно в гору,
Не помнит следов за собою.
Но берег чужой час от часа
Меняет и контур и краску.
В мотор с чьей-то яхты, с баркаса
Бензина зальют под завязку.
Он рывкнет сильнее сирены,
И вырастут пенные крылья,
Как флаги крутой перемены,
Рискованного усилья.
Вот лодка летит, завывая,
Нос по ветру держит все круче,
О дальнем сильней забывая,
Чтоб виделось ближнее лучше.

ОТЧУЖДЕНИЕ

Дождь шел всю ночь,
и утром полегало,
Куда-то к югу откатился зной.
Аэродромный вымпел, как мочало,
Висел, замороженный тишиной.
Умеют современные приборы
И слушать и смотреть острее нас,
Но все же не заменят наши взоры
В урочный час и в неурочный час.
А музыка, рожденная синицей
Иль на ветру кренящейся ольхой,
Им кажется придумкой, небылицей,
Пославшей звук,
но смутный и плохой.
Над летным полем катит
грома гребень,
Но приборист глядит на гребень гор,
И чужд ему, а может, и враждебен
Им, человеком, созданный прибор.
Лишенный предрассудков и наитья,
И наших чувств, пяти или шести.
Он летчику скомандовал прибыть —
И лайнер в небе выпустил шасси.
Ты спустишься на землю, молодая,
На крыльях самых свежих новостей,
Душевной глухотою не страдая,
Забыв о древней слепоте страстей.

ВРЕМЕНА РАЗЛУКИ

Не торопи, я уезжаю скоро.
Позавчера, казалось, был юнцом,
Как будто незаконченного спора
Я был и продолженьем, и концом.
Край наших дней тогда считали
глушью,
Считали глушью сад наш и квартал.
В моих воспоминаньях,
Словно тушью,
Невидимый их кто-то начертал.
Зачем мы собрались туда
так поздно?
Я не узнал деревья и дома.
Мне стало скучно там,
где было звездно
И чудеса творились задарма.
Вот отчего торопишь час отъезда;
Что будет так, ты знала наперед —
Былому не сыскать иного места,
Иное место пошло нам наврет.
Не торопи, три времени разлуки
Одним узлом теперь я завязал.
Нас дети разлучают,
после — внуки.
И лишь потом, потом, потом —
вокзал.

ОДНА

Ты пройдешь тропой заросшею
Вдоль крутого полотна,
А за Марьиной за рощею
Жизнь сверкнет еще одна.
В ней, конечно, есть печальное,
Но и радостное есть.
Лишь колечко обручальное
Не нашлось ни там, ни здесь.
Соберутся в школу школьники,
Осень им не так видна.
Птиц на юг пошлют Соколыники,
А на север — семена.
Первая зима запевочка
Раньше всех тебе слышна.
У друзей родится девочка —
Дай свои ей имена.
Что ж от снега и до зелени
Так бесстрашно ты одна?
Разве ты не слышишь времени? —
Жизнь и у него одна.

В МИНУТУ ГРУСТИ

Добрые мои товарищи,
Мы одним гребли веслом.
Разве слышал не вчера еще
Гогот зычный за столом?
Разве простенькой задачкою
Жизнь мытарил впервой?
Разве?.. Но как шла с подначкою
Шутка чашей круговой!
Проходила ночь за спорами
Не вчера ли, в старину?
И сейчас словами скорыми
Никого не упрекну.
Ведь не радость величальная
И не замыслов простор,
А беды труба печальная
Чаще нам играет сбор.

Я РОЗЫ

И потому будет искать себе иной объект для обожания...

Гость продолжал говорить важные, видимо, вещи. Но я плохо его слушал. И напрасно. Я почему-то, словно для этого не было другого подходящего момента, размышлял: как же мне теперь назвать свою собаку, которая за эти несколько недель привыкла к своему мужскому имени и живо реагировала на него. Об этом я и спросил у своего гостя.

— Дело не простое, — говорил он, тщательно отмывая руки. Мы сели за чай. — Надо будет придумать ей созвучное бывшему мужскому женское имя.

Над новой кличкой мы бились всею семьей несколько дней. Цезарь, Цезарь, Цезарь... Быть может, подойдет на замену Тереза? Тереза, Тереза? Буквы «Р» и «З». Вполне. Но жена категорически запротестовала. Дело в том, что это вполне женское имя носила ее подруга. Будет очень неловко при ней окликать собаку этим именем. И тогда я предложил назвать собаку Розой. Женщин с таким именем ни в роду, ни среди знакомых у нас не было. За это имя проголосовала вся семья. Наверное, потому, что наша очаровательная собака была похожа на полукроткий бутон оран-

жевой розы. Белая звезда во лбу, такая же манишка, слегка припорошенные белым передние лапы при определенных позах как раз и создавали иллюзию края раскрывающегося розового бутона...

Мы любили нашу собаку. Несмотря на обман. Ведь обманула нас не она. И первое время, пока она была крошкой, ее охотно выводили гулять и жена, и дочка. Однако боксера росла быстро. И вскоре стала не по силам дочке: волокла ее по лестнице на поводке. А когда Роза вернулась из школы, с ней уже не могла сладить и жена. Собака тащила ее за собой без особого усилия... Так все несносные заботы по выгулу сильной и своенравной собаки свалились на меня. Но и об этом попозже.

Приближался день обрезания. Я метался в самых дурных предчувствиях. Мучилась и жена. Свалить на нее миссию визита к ветеринару я, разумеется, не мог. Дочке мы об этом даже не говорили.

Моя Роза резвилась в то страшное утро. Я тогда совсем не осознавал, для какой боли привел сюда мою собаку-ребенка. Помнится, около ворот собралось довольно много желающих привести своих боксеров и догов в соответствие с экстерьером. Все они, как

я, думали: операция, разумеется, неприятна, но и только. Опытный ветеринар сделает укол, ловко — в мгновение ока — обрежет края лопушистых ушей, смажет соответствующим зельем ранки, и мы уведем своих собак домой... Быть может, поэтому я и согласился первым войти в ворота ветлечебницы. Я уже вошел во двор, когда к воротам метнулся какой-то замухрышка неопределенного возраста и зашептал, дыша мне в лицо перегаром: «Дай на похмелку, скажу что-то важное...» И видя, что интригующее заявление не произвело на меня впечатления, решил объясниться более определенно: «Скажу, как надо поступить, чтобы собака стала собакой, а не просто забавой...» Я дал ему рубль. Ради блага Розы я готов был заплатить несравненно больше, чтобы только она не испугалась, чтобы ей не было очень больно. В тот момент я вдруг по-настоящему осознал, на что решил, куда привел свою четвероногую глупышку. «Так вот, — вертухался в зеленых воротах небритый советчик, — уши, когда обрежут, заберут. Слышь, уши заберут. Изжарь их и скорми ей же, собачке своей. Зверь, не собака вырастет...» Последующие слова отрубил захлопнувшимися за моей спиной воротами...

Этот фрагмент прошлого живо проявился в моей памяти, когда однажды я провезжал той же улицей, но уже в обратном направлении. На углу, неподалеку от остановки перед щенком с забинтованной головой сидел на корточках какой-то человек. Дело уже сделано: дрожащая от пережитого потрясения собачонка, и протупающая сквозь бинты собачья кровь...

В двухмесячном возрасте Роза была уже довольно

сильной собакой. Ветеринар выразил неудовольствие этим обстоятельством, мол, такая покусать может. Он еще малость покуражился, и мне пришлось переплатить сверх положенного, чтобы он согласился оперировать. Правда, держать Розу пришлось мне. Так что ветеринарская работа проходила на моих глазах. И пока я нес мою Розу от верстака, на котором ей обрезали уши, до того самого перекрестка, она, как мне казалось, боялась не то что всхлипнуть, но вздохнуть. Она вся трепетала, прижимаясь ко мне, как тогда ночью — испуганная темнотой и одиночеством. У меня разболелось сердце. Я опустился на корточки метрах в двухстах от лечебницы и впервые за последние полчаса заглянул в глаза потрясенного существа. Они были полны слез.

Нет, она не обиделась на меня. Она, видимо, вполне понимала неизбежность всего происходящего с нею, потому что сквозь этот человеческий произвол прошли все ее предки. Впервые Роза обиделась на меня, наверное, после того, как я ее побил. Это случилось еще два месяца спустя. У нее выпали молочные зубы и полезли настоящие, острые, как иглопочки. В ту пору она грызла что ни попадя: тапки, коврик, свою пластиковую посуду... Однажды она осталась дома одна чуть ли не на целый день. Мы уже практиковали такие эксперименты над нею. В крайнем случае Роза позволяла себе сделать лужу, но не больше. Времена, когда за нею приходилось ходить с совочком, уже миновали. Уши еще не зажили как следует, на срезах чесались. Приходилось ежедневно лечить их мазью Вишневского. Больные уши и одиночество скорее всего толкнули нашу Розу на этот ее проступок. Она изгрызла сначала ножки табуретов на кухне — это был только что купленный импортный гарнитур, а затем залезла в шкаф и уничтожила мои ни разу не надеванные роскошные туфли.

Рано утром накануне разлуки — Роза уходила в школу — мы, как всегда, вышли в поле. Лето едва только начиналось. Роза носилась по тугой отаве только что скошенной люцерны. Я бросал резиновый обод колеса от детского велосипеда, она разыскивала его, подбегала ко мне, но не отдавала в руки, а заодно, поигрывая карими глазами, как бы звала погоняться за нею. Я нередко поддавался соблазну. И мы с нею носились по полю. И когда я устával — о, она это понимала хорошо и всегда останавливалась, — клала у моих ног резинку и счастливо, иногда чуточку виновато улыбалась. Она любила меня. Я это видел и в то утро. Она простила мне свое наказание, как я простил ей уничтоженные табуреты и обувь.

Отвозил я ее в школу на такси. Она чувствовала разлуку, нервно лизала мне руки и лицо. Однако во двор школы вошла сама. Там ей пришлось научиться многому, тому, чего никогда бы она не познала, оставаясь у нас — в тепличных условиях моего либерализма и полной вседозволенности со стороны жены и дочери. Прощаясь с Розой, они обе расплакались. И все два месяца ее отсутствия скучали по ней. За это время Роза научилась драться за кусок хлеба. У нее появилось чувство собственного достоинства, самосохранения. Она узнала цену себе и другим, окружавшим ее. Собакам и людям. Однако ради чего мы отравили ее в школу, она так и не удосужилась усвоить. А возможно, ее просто этому не учили. Из всех положенных команд она знала, видимо, все, но исполняла лишь элементарные: «ко мне», «сидеть», «лежать»... Я уже не говорю об охотничьих командах: «ползи», «апорт» и прочее. Я никогда не подавал команды «фас». Но и ее наша Роза знала. И однажды, не дождавись ее от близких людей, исполнила сама.

Было это в мое отсутствие. Я куда-то уезжал. Ночью раздался требовательный стук в дверь. Звонку у нас нередко ни с того ни с сего отказывал — вот и приходилось стучаться. Мои думали, что это я вернулся. Тут же открыли и остолбенели. На пороге покачивался полупьяный, довольно молодой субъект. Он что-то пытался выяснять — кажется, адрес, — а когда понял, что в квартире только женщина и девочка неполных шести лет, вошел в прихожую, заявив, что останется ночевать. Что было затем, нетрудно представить. Наша Роза рывкнула таким басом, что проснулись и высочили на лестничную площадку соседи. Но еще до появления соседей в длинном прыжке Роза сбила ночного визитера с ног и не отпустила, пока не приехала милиция.

Жена и дочка в награду буквально закармили Розу сладостями, и она у нас заболела. Пришлось ехать к ветеринару. И, чтобы не травмировать себя и собаку воспоминаниями, я повез ее на другой конец города, во вторую ветлечебницу, к врачу, которого она не знала. А когда наша заметно подросшая защитница выздоровела, мы всем семейством сфотографировались.

Роза будила меня спозаранок. И мы с нею, невзирая на погоду: осенью мелкие дожди, промозглые ветры; зимой мокрый снег или пурга, — бежали в поле вокруг квартала. Вскоре я заметил в себе благотворные перемены. Куда-то подевался казавшийся безна-

дежно запущенным живот. Шаг мой стал упруг и неутомим. Постепенно я снова возобновил занятия утренней гимнастикой... Словом, почувствовал себя помолодевшим лет на десять. Весь нажитый от сидячей работы жир, гипотонии со стенокардией и прочие хвори помогла мне изжить моя Роза. Вместе с хорошим самочувствием вернулись и былые привычки. Я вновь стал посматривать на женщин. Однажды один из старинных друзей, лесничий, подбил меня взобраться на вершину горы с романтическим названием. С интересной компанией. Конечно же, со мной пошла Роза. Она по возвращении из школы никак не хотела мириться с намордником, трудно привыкала к нему. Из дитя она превратилась в зверя, и прохожие не давали нам проходу, едва только мы появлялись без амуниции. Шла весна. Я полагал, что мы с собакой вволю порезвимся на плоскогорье, где нет прохожих, а значит, не нужно надевать намордник.

Примерно так я и объяснил дома причины нашего с Розой восхождения на гору с романтическим названием.

Просто собака, а вот научила меня. Она научила меня нутром чувствовать недоброе и всяческую фальшь. Конечно, прежде всего ощущать это в самом себе. А потом я доучивался сам, без нее: видеть самое замаскированное, самое глубоко упрямое плохое в других. Я подлюцов теперь за версту чую. Меня — такого пронзительного — надо с наивными и доверчивыми соединить. Я им глаза на мир раскрою...

— Прохинде-е-ей! — хохотала она. — Ах, какой же вы все-таки прохиндей! — заливалась она звонко, откинувшись. Блестели ровные крупные зубы. Розовел язычок, словно у поющей птицы. Она сидела на траве, опираясь на отведенные за спину руки. Под тонкой оранжевой футболкой заодно круглилась, подрагивая, грудь.

Мне всегда стыдно вспоминать ту мою вылазку в горы. Всегда, когда она приходит на память — одна и та же картина: так и оставшаяся мне неизвестной женщины, сидящая в траве и поющая это свое восхитительное: прохинде-е-ей!

На яйле мы оказались часов в десять, когда роса улетела в облака. Свежая альпийская растительность пахла волнительно-хмельно. Роза гонялась за бабочками. Разноцветные и крупные — таких не бывает внизу. Одна из них стала кружиться над нашей честной компанией. И я загадал. На какую женщину сядет вон та, махрово-фиолетовая бабочка, та женщина будет моей. Конечно же, я уже приметил для себя одну. Выбор был ограниченным. Как всегда в подобных случаях, женщин оказалось всего три. Мужчины не в счет. Скажу только, что их, как всегда, оказалось значительно больше, то есть у женщин выбор был, а у мужчин — только хорошее чувство соперничества.

Моя бабочка села на рыжеволосую. На ее неестественно цветных волосах навескомое выглядело эффектной заколкой. И все завопили: Серафим, Серафим, щелкни! Лесничий, конечно же, не успел. Рыжеволосая огорчилась. Я приблизился к ней и шепнул: «Не надо жалеть! Ваш восхитительный портрет с фиолетовой заколкой навсегда запечатлела моя память». Это было опрометчивое пророчество.

Взгляд во времени — это словно бы взгляд из космоса. Смотришь и дивишься: как все хорошо видно... И теперь, когда нет рядом моей Розы, я до рези в глазах всматриваюсь в порывшие травы яйлы, пытаюсь разглядеть резвящуюся собаку...

Роза потихоньку утащила от Родникового Камня брюки той самой женщины, на которую села фиолетовая бабочка гор... Но пока об этом не знаем ни я, ни очаровательная полузнакомка, которая отдала предпочтение, к моему вящему удовольствию, мне, а не кому-нибудь из троих претендентов, набивавшихся к ней в ухажеры и теперь оставшихся ни с чем. От нечего делать они занялись приготовлением шашлыков и шурпы на Тисовом кордоне... А я в который раз, наслаждаясь собственным опытом поведения в борьбе за женщину, говорил себе: главное, при всех обстоятельствах остаться трезвым и в прямом, и в фигуральном смысле и делать вид совершенно незаинтересованного лица... Конечно же, самая привлекательная из взобравшихся на яйлу женщин моментально выбрала самого, на ее взгляд, положительного мужчину и доверилась ему. Я лежал в высокоароматном клевере у подножия Родникового Камня, а моя соотечественница отдыхала на плоской спине этой скалы. Там женщина была открыта и беззащитна, но только перед ликом солнца, перед ликом Вечности, или, если говорить современнее, Вселенной. Прощенная за все свои прегрешения и ошибки этими божествами бытия еще в самом начале начал, женщина спокойно раскинулась на горячем сером каменном ложе, совершенно не подозревая, какая неприятность уже свершилась и ждет ее у подножия Родникового Камня.

Продажу брюк производства Мальты обнаружил я, когда стал одеваться, услышав отдаленный звук

била. Он доносился от сторожки кордона, где компания, видимо, уже приготовила обед, потому и звала всех желающих подкрепить силы. Оранжевая футболка, кроссовки моей полузнакомки лежали рядом с моей одеждой, а брюк не было. Мне подумалось, что она ушла наверх в брюках. Я даже успел облегченно вздохнуть, ибо перед этим сразу же подумал о Розе. Рядом ее тоже не было, и, конечно же, она могла из чувства ревности к непонравившейся ей женщине утащить эти самые брюки...

Но вот на призывные звуки била стала спускаться с Родникового Камня и она — сильноногая, хитроглазая, умиротворенная свиданием с небом. Она вновь показалась мне замечательной, даже несмотря на то, что была крашеная. Цвет волос делал ее несколько вульгарной. Я еще подумал: оставь она волосы такими, какие дала ей природа, — выглядела бы совершенно иначе...

Не могу сказать, что женщина эта вела себя отвратительно, когда узнала, что осталась без брюк. В конце концов к сторожке кордона она могла бы прийти и в таком — безбрючном виде. Ничего особенного для компании, приехавшей отдохнуть, позагорать на альпийском солнце. Она, к сожалению, сразу же подумала о том, что ей рано или поздно придется спускаться вниз, в город, как всем остальным, собравшимся на яйле. И это надолго озадачило ее, а потом обеспокоило и в конце концов разозлило. Не стану описывать подробностей нашего диалога, сцен и положений, своих метаний и переживаний поиска — я-то уже окончательно понимал, чьих это зубов дело, — поскольку речь не об этой несчастной женщине и даже не обо мне... Рассказ о моей Розе. В последний раз мы ее видели на краю Малиновой Балки. О если бы я тогда знал, где моя собака!

Роза так и не появилась у Родникового Камня. А мы: я с той женщиной, имя которой позабыл, до вечера сидели на горьком клевере.

Между тем у сторожки стали беспокоиться нашим чересчур долгим отсутствием. Беспокойство компании усугубила Роза, притаившая на запах шашлыков и шурпы брюки производства Мальты.

Видимо, Роза возобновила меня тогда — в тот вечер. И не за то, что я избил ее ремнем. Боль она мне простила бы. Не впервой я давал волю рукам. Она не могла мне простить унижения, которому я подверг ее в присутствии стольких незнакомых мужчин, а к тому же еще и в присутствии столь ненавистной ей женщины, на которую утром садилась фиолетовая бабочка яйлы. Женщина надевала свои мальтийские штроксы, а я снимал с себя ремень. Я готов был убить ее, — к сожалению, не женщину, а Розу. А собака, чувствуя расправу, лизала мне кеды, ложилась на спину, демонстрируя покорность и раскаяние.

— Не надо! Что ты задумал, — пытался остановить меня друг — лесник Серафим.

Он потом — спасибо ему — довольно быстро обезоружил меня — выхватил из судорожно сведенных рук ремень. Роза ни разу не охнула, не взвизгнула. Избитая, она ушла от костра. И как ее ни уговаривали, так и не притронулась ни к ароматно испеченному шашлыку, ни к миске с шурпой, которой пытался ее потчевать Серафим. На мои призывы она даже головы не подняла. А когда к ней попробовала приблизиться женщина, Роза оскалила острые, как стальные иглы, зубы и устрашающе зарычала. В довершение ко всему женщина эта снова заговорила со мной, пытаясь приластиться. Когда Роза поняла, что ее усилия избавиться от этой женщины оказались тщетными, она, сверкнув на меня совсем уже было потухшими глазами, ушла от костра в темноту, в тисовый лес. Потом я, спохватившись, пошел за нею. Звал ее. Просил вернуться. Все было напрасно.

Нет! Не тогда Роза покинула меня. Это произошло позже. Она ушла из дому. Однако именно тогда, в тот вечер на яйле, я понял: Роза покинула меня. То есть навсегда выбросила из своего сердца меня — своего Хозяина. И всегда, когда мне на память приходит тот день в горах, я испытываю нестерпимые муки стыда, раскаяния и сожаления о невозвратимом.

Если бы Роза умела говорить человеческим голосом, я бы подумал, что она все рассказала моей жене, ибо по возвращении с яйлы наши супружеские отношения вдруг пошатнулись. Я стал с горечью замечать, как разрушается гармония семейной жизни. Особенно меня угнетали глаза любимой, полные недоверия, а со временем обиды и негодования. Правда, жена так и не сказала о причинах того, к счастью, быстро миновавшего разлада. Как будто не хотела выдавать источник, из которого получила компрометирующие меня сведения... Изменилось и поведение Розы. Теперь — я это увидел сразу — она выказывала особенное послушание только жене. Со мной считалась только как с носителем права сильного. Перво-наперво она перестала меня будить спозаранок, зова на утренний моцион. Она терпеливо ждала, пока проснется жена... Причем жена, словно бы вступив с нею в разговор против меня, без особых эмоций поднималась, вела

Розу в поле за кварталами и выполняла все иные заботы о собаке, которые еще недавно были моими.

В последние полгода дочка буквально извела нас требованиями поехать к бабушке-дедушке. Живут они недалеко — в сорока минутах электричкой. Почему бы и не поехать? До появления собаки мы чуть ли не каждый выходной катались в деревню. А тут, увы, милая Роза не позволяла. Правда, как-то однажды мы взяли ее с собой, когда еще она щенком была. Ничего хорошего из этого, разумеется, не вышло. Она долго не могла привыкнуть к новой обстановке. Ночью скулила, пока не впустили ее из коридора в комнаты. А наутро, когда теща обнаружила собаку спящей у меня под мышкой, разразился скандал. Как так — собаку в постель? Выходит, собака вытеснила жинку из кровати мужа? Не понравилось старикам и то, что наша Роза ест из чистой посуды в те же часы, когда и мы. И ест не что попало, а вполне по-человечески питается... А поскольку Роза была щенком, она умудрилась за два дня гостевания не раз описать половики гостеприимного дома... Словом, больше у нас не возникало никакого желания везти ее к старикам. А когда собрались в отпуск, собаку отдали на попечение сослуживца. Более двух недель она жила в людях и не тужила. Есть, есть еще такие семьи, где на собак и вообще на всякую домашнюю живность глядят как на братьев меньших...

Короче говоря, терпение мое кончилось. Жена и дочка отправились в деревню. А мы с Розой остались дома. Втайне я надеялся, что отсутствие жены и дочки позволит мне возратить былой приоритет в отношениях с Розой. Роза же, как это я сразу почувствовал, осталась неуступчивой. На все мои ухаживания и подчеркнутые знаки внимания отвечала хмурыми гримасами, невежливыми судорожными звенками. Однако великодушно позволяла трепать себя по холке, выводить в поле за кварталом... Без поводка, без намордника мы бродили с нею в окрестностях нашей окраины. Я удовлетворенно примечал, как повзрослела наша Роза. Как спокойно, правда, без особенной охоты, она выполняет почти все мои команды. Она даже в догонялки со мною не отказалась поиграть... В конце концов я смирился с этой ее сдержанностью. Тем лучше, размышлял я. Спокойнее как-то стало. При том темпераменте, который Роза демонстрировала еще не так давно, с нею без поводка и намордника никак нельзя было появляться во дворе. Рвалась ко всем встречным и поперечным. Особенно тянуло ее к детям и молодым мужчинам. Дети, конечно же, пугались зверского выражения ее морды, мужчины подозрительно оглядывались на меня... Короче, я смирился с переменах, происшедшими в Розе. И едва это произошло, я тут же сделал спасительный вывод: Роза стала взрослой, то есть другой. А значит, и отношение ко мне у нее изменилось. Теперь ее тянет к женщинам — дочке и особенно к жене, — я ей неинтересен, поэтому она так со мной сдержанна. Наверняка случай на яйле ускорил взросление Розы. Наверняка, но и только, но не более того...

Однако история моей Розы неудержимо, неуклонно двигалась к своему грустному концу, о чем я, конечно же, все еще не подозревал, но о чем, видимо, уже знала Роза. Ибо у меня в результате довольно кратковременного общения с собакой успело сложиться мнение: они — меньшие братья — обладают многими способностями, которые даны в начале начал всем — и нам, и им, — но нами утрачены по легкомыслию или излишней самоуверенности, а ими сохранены. Одна из таких способностей — уж юн-то Роза, несомненно, обладала — ясновидение. Теперь мне кажется, Роза, быть может, знала о неминуемом, ожидавшем нас всех, еще когда я взял ее из рук базарной бабы... Мне иногда становится страшно от ответственности, нежданно-негаданно свалившейся на меня. Будто бы вершитель собачьих судеб так подгадал, чтобы щенок вошел в мою жизнь, а потом покинул ее, но не покинул моей памяти, остался в ней навсегда, как самый нелепый, но оттого все же не менее горький момент моего бытия.

Что ж! Все ближе, все неотвратимее, словно во сне в полете, переходящем в падение, придвигается неизбежность.

Тот день начинался для меня с незабываемой, однако по известным причинам, казалось, навсегда утраченной трогательности: Роза разбудила меня. Мы бегали осенним полем. А потом завтракали. После чего я работал, а Роза лежала на пороге кабинета. Время от времени я чувствовал ее взгляд. Но стоило мне только оторваться от работы, чтобы уличить ее в подсматривании, как тут же она отводила глаза в сторонку или опускала их. Продолжая стучать на машинке, я все же умудрился перехватить ее взгляд. Он был полон сострадания, я бы сказал, полон какой-то глубокой проникновенности, как будто собака знала о чем-то уже свершившемся, для меня невыносимо печальном, однако пока еще мне неизвестном... Человек я мнительный. У меня заболело сердце. Я тут

же подумал о жене и дочери. Они должны были приехать только на следующий день. И мне вдруг подумалось, что с ними что-то случилось нехорошее, даже страшное, что, быть может, я их никогда более не увижу. Словом, уже через несколько минут я сильно страдал. Ни о каком продолжении работы и помышлять, конечно же, не мог. А через полчаса, оставив Розе еду и питье, я уже мчался на такси в деревню, куда уехали вчера жена и дочка. Уже в деревне, убедившись, что дорогие мне существа живы и здоровы, я не обнаружил в карманах ключа от квартиры.

Мое неожиданное появление послужило поводом досрочного возвращения домой всех нас. Мы приехали вечером. И застыли в раздумье на лестничной площадке. Дочка еще сказала: если бы Роза могла нам открыть... Роза не могла. Она, заслышав нас, нетерпеливо задвигалась по прихожей, недоумевая — почему же мы так медлим, почему не выходим...

Наконец я решил вышибить дверь. Ничего не оставалось иного. Я несколько раз ударил в нее каблуком. И когда она вылетела, в проем двери, с неопишущим, почти с человеческим воплем из квартиры выскочила наша Роза. От страха она не узнала нас? Нет! Она подумала, что я колочу в дверь и вышибаю ее из ярости... Она вспомнила меня, бьющего ее на яйле... Она подумала, что я снова сделаю это... Она не захотела еще раз пережить ничего подобного...

Когда, спустя несколько минут, сообразив, что Роза убежала от страха, а не из невыносимого желания поскорее очутиться на земле, в поле, я выскочил на улицу, собаки нигде не было.

Вскоре вышли и жена, и дочка. Было уже темно. Мы звали ее на три голоса. Я свистел так, как только свистел для нее, тем особенным свистом, к которому привык с детства, тем тайным кодовым свистом, известным только нам двоим... Она не отзывалась. Я заглядывал во все подъезды, подворотни, я ходил по новостройкам нашей окраины... Я искал ее до утра... И всю ночь не спали в квартире с разрушенной дверью жена и дочка.

Я искал ее, сначала с яростью, подобной той, которую испытывал у Родникового Камня, когда обнаружилось исчезновение брюк женщины — той самой, на которую села фиолетовая бабочка. Но едва я осознал, что моя ярость сродни той высокогорной, альпийской, когда я был унижен обществом женщины, оставшейся по воле моей собаки наедине со мной на столь неожиданно долгое время, я тут же остановился и изругал себя самыми последними словами, какие только знал. Я искал с того момента так, как искал потом, после того, как, избитая мною, она ушла от костра. Я молил бога простить все мои прегрешения против людей и собак, против всего безвинно страдающего по моей злой или нечаянной воле, простить и вернуть нам нашу Розу. Но собака не отзывалась на мои мольбы и призывы. Рано утром, изнемогший, я вернулся домой и стал чинить дверь. А потом позвонил тому самому опытному собачнику и рассказал о случившемся. На противоположном конце провода и города некоторое время царил недовольное сопение — разбудил человека ни свет ни заря. Вдруг недовольство прекратилось. Наступила сочувственная пауза. Она затягивалась. И уже не казалась мне сочувственной, она затягивалась до неприличия. Я уже хотел бросить трубку. Наконец меня спросили: — Быть может, твоя сука влюбилась?

Я с полной уверенностью отрицал эту возможность. — Откуда ты знаешь? — осаживал меня мой собеседник. — За эту породу нельзя поручиться. Сколько ей? — поинтересовался собачник.

Я ответил. — Ну вот, — деловито продолжала трубка, — самый возраст, когда у них начинается половое созревание, самый опасный возраст.

— Да нет, — возражал я, — она испугалась и потому... убежала. — Я не мог, я не хотел ему говорить, чего испугалась моя собака. Мне было стыдно сказать, что я бил мою собаку. Бил, бил, бил... За непослушание, конечно же. Я знал, что собака не слушается лишь в двух случаях: когда ей кажется, что ее хозяину угрожает опасность, и когда она ни во что не ставит своего хозяина... Вместо этого я стал рассказывать собачнику о том, как мы любим свою Розу, как дорога она нам. И когда я в своей лихорадочной исповеди дошел до того, как защитила она моих жену и дочку от ночного вторжения, и что вскорости после этого мы сфотографировались с нею на память, мой терпеливый слушатель прервал эти откровения:

— Она потому и ушла, вы потому ее и потеряли, что нарушили одну из главных заповедей собаководства: никогда не фотографироваться с собакой... Быть может, ее и в живых уж нет... — беспощадно заключил собачник и вскоре повесил трубку.

— Он сказал, что Роза ушла от нас потому, что мы ее сфотографировали, — передал я вкратце суть телефонного разговора моим — жене и дочке, хотя сам хорошо знал, что покинула нас наша собака совсем по другой причине.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО МЯСМ

Окончание. Начало на 2-й стр.

многочисленные молодежные проблемы более эффективно. Чем скорее мы разберемся, какую роль должен играть комсомол в перестройке, тем будет лучше для всех. Одна из ближайших задач — привыкнуть к нарождающемуся многообразию молодежных структур, научиться эффективно работать в новых условиях. Это очень важно, иначе ВЛКСМ будет выглядеть организацией, не использовавшей свой исторический шанс.

— **Кстати, вы помните, как вас принимали в комсомол?**

— Отлично помню. Это было в 1968 году, в апреле. К счастью, у меня нет негативных впечатлений от этого события; не было формализма, не было никаких затяжек с выдачей билета, я был одним из первых в классе, кто вступил в ряды ВЛКСМ. Тогда у меня не было «задних мыслей» обо всем этом. Возможно, теперь с высоты опыта и воспоминаний о том, как я сам впоследствии многих принимал в комсомол, я бы кое-что изменил в своих действиях и действиях тех, кто тогда был рядом со мной.

— **Близится 70-летие комсомола. Как вы считаете, что было бы интересно сегодня узнать молодым людям из истории ВЛКСМ?**

— Я не берусь судить о желаниях всей нашей молодежи. Лично мне было бы интересно побольше прочесть о судьбах комсомольских вожаков в 30-е и 40-е годы. Об этом стали писать, но дело это непростое.

— **Какое противоречие времени вы считаете главным?**

— Если глобально, то, конечно же, спор между капитализмом и социализмом, спор исторический. Вопрос этот актуален по самому большому счету. Еще предстоит на деле доказать, какая система в состоянии лучше обеспечить реальный прогресс человечества. Мы верим в потенциал социализма. И это не просто пункты из программы нашей партии. Если до конца века мы не решим стоящие экономические и социальные проблемы, в том числе появившиеся в результате НТР, то встанет вопрос об исторических судьбах социализма.

— **Сколько вы можете говорить, не прерываясь?**

— Это я буду знать только тогда, когда буду говорить не прерываясь. Я помню самое длинное свое мероприятие, когда пришлось работать более пятидесяти часов в одном помещении, но это не значит, что я сам все время говорил. В этом разговоре принимали участие сотни заинтересованных лиц.

— **Что могло бы вас вывести из состояния душевного равновесия?**

— Сильная головная боль.

— **Продолжительность вашего рабочего дня?**

— Последний месяц абсолютно стандартный: прихожу в 8.30, ухожу ближе к 10 вечера.

— **Очень интересно: у вас существует проблема что-либо достать?**

— Конечно, существует. В том самом значении, которое это слово приобрело у нас в стране. Я бы хотел достать, например, хорошие компьютеры, перевести нашу организацию на современный, во многом безбумажный стиль работы. Сделать это не просто уже из-за недостатка техники. Пока что хочется пожелать, чтобы это были компьютеры зарубежного производства.

— **Ваша жена — комсомольский работник?**

— Нет, хотя в прошлом активная комсомолка. Сейчас она мама, воспитывает двух мальчишек.

— **Они будут заниматься международной деятельностью?**

— Им самим решать. Да и не скоро это. Пока что они часто дерутся, и это волнует меня гораздо больше...

Владимир ЛЕОНОВ

Подлетаем! — сквозь самолетный гул прокричал летчик-наблюдатель. — Вон за той сопкой горит, сейчас увидишь!

И действительно, едва наш Ан-2 перевалил за сопку, как в низине стали видны клубы дыма — лесной пожар. Сверху он был даже красив: из дымной завесы вырывались языки пламени — словно протуберанцы. Там, где они касались тайги, на зеленом появлялись черные пятна.

— Хороша картина? — прочитал мои мысли сидящий рядом парашютист. — Только страшно все это...

В это время летнаб Павел Литвиненко и инструктор парашютно-пожарной группы Геннадий Шарафудинов совещались, склонившись над

планшетом. Но вот Геннадий повернулся к сидящим вдоль бортов пожарным и сделал знак рукой — будем прыгать.

— Приготовиться!

Выпускающий открыл дверь. В самолет ворвалась тугая струя воздуха, но вместо свежести она принесла запах дыма и гари, еще раз напомнив, что под нами бушевал огонь. Желтый сигнал сменился зеленым, коротко рывкнула сирена.

— Пошел!

Я прыгнул четвертым...

...Сколько прыжков за спиной у этих ребят с Дальневосточной авиабазы охраны лесов!.. Прыжки в грязь, на распаханное и схваченное морозом — самое страшное для ног — поле, в траву по пояс и, конечно, на лес, на пожары. Растаскивало

МЕЖДУ НЕИ

их ветром, волокно по стерне; зависали на деревьях, отбивали до черноты ступни, спускались в «жуть», когда не знали даже, что под ними...

На земле собрались быстро. Над головами пролетел наш самолет, помахал на прощание крыльями. Мы остались одни.

— Обстановка сложная. — Шарфудинов казался спокойным, но голос выдавал волнение, — за ночь пожар раскинулся довольно широко. Он идет на нас, фронт километрах в трех. С тыла огонь не пройдет — там река Мая. Справа мелкие речушки и ручейки. Значит, тоже, наверно, не проскочит, хотя за правым флангом надо все время наблюдать. А вот в центре и на левом фланге может прорваться.

Все понимали: не задавить огонь —

уйдет в сопки. И сами мы его не потушим, придется вызывать подкрепление. А где его взять, если на авиабазе каждый человек на счету? Загораний в тайге много, а штат малочислен...

— Будем прокладывать минерализованную полосу. Пожар низкой, но если ветер усилится — перейдет в верховой.

Быстро распаковали контейнеры, разобрали инструмент. Лес наполнился стуком топоров, визгом пил, глухими ударами мотыг.

— Без взрывчатки не обойтись, огонь приближается очень быстро, — инструктор только что вернулся из разведки.

Взрывчатку, упакованную в полиэтиленовые рукава, уложили мгновенно.

— Всем в укрытие!

Прогревшийся взрыв долго отзывался эхом среди сопки. Потом еще один, еще и еще...

После взрывов заградительная полоса стала похожа на линию обороны: вывороченные комья земли, завалы из кустарника и валежника... Поваленные деревья напоминали противотанковые ежи.

Мы бросились расчищать полосу. Вот когда я понял, что такое работа парашютиста-пожарного. От романтического флера, который окутывал до сих пор эту профессию, не осталось и следа. Очень скоро на руках появились кровавые мозоли. Поверьте, я старался изо всех сил, но куда мне было до ребят: пока расчищал один метр, они успевали обработать по пять.

Из-за дыма было тяжело дышать, однако работали без перерыва — с каждым часом воздух становился все горячее и горячее, и уже хорошо был слышен треск приближающегося пожара. Но вот полоса — три километра перепаханной и обильно политой потом, а местами и кровью земли — перерезала путь огню.

Не знаю, как остальные, а я совсем не заметил, как пролетел день. Солнце клонилось к закату. По небу изредка проплывали белесые облака. Но надежды на дождь не было. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что огонь не перекинется через заградительную полосу.

Но он перекинулся. Причем там, где его меньше всего ожидали: на правом фланге. Маленьким ручейком протек через полосу и ворвался в сухостой. И здесь показал всю свою силу.

Теперь спасти лес мы могли только, «задав» огонь землей. Жар опаливал лица, обжигал легкие... Эта, не побоюсь сказать, смертельная борьба продолжалась не час и не два. Уже не было сил держать лопату...

Наконец огонь сдался... У победителей не было даже сил радоваться. Парашютисты сидели осунувшиеся и опаленные, молча перевязывали ожоги и раны.

Через сутки за нами пришел вертолет...

Побывав на пожарах, поварившись в одном котле с летнабами, парашютистами и десантниками, я понял, что совсем неромантична работа лесных пожарных — она тяжела, а порой смертельно опасна. И не о высоких материях рассуждают мои знакомые из авиалесоохраны — их волнуют вполне земные проблемы. Например, как «нейтрализовать» лесные вырубki, особенно те, где работала тяжелая лесозаготовительная техника: каждая из них вроде пороховой бочки — так много на ней высу-

Фото Альфберта ЛЕХМУСА

БОМ И ОГНЕМ

шенных солнцем порубочных остатков... Или вот рации: их не только не хватает — они и работают на разных частотах, вот и попробуй услышь друг друга. Или...

— Сегодня, как и шестьдесят лет назад, на заре авиаохраны лесов, пожары тушат с помощью... лопаты, — сказал мне как-то инструктор парашютно-пожарной службы Северной авиабазы Василий Тарбаев.

Поездив по авиабазам, я убедился, что это действительно так: главное оружие воздушных пожарных — лопата. Еще — грабли и веник. Правда, на больших пожарах применяют взрывчатку. Но то на больших. В остальных случаях используется еще одно противопожарное средство — ранцевый лесной огнетушитель: прорезиненный двадцатилитровый мешок с насосом, который, как рюкзак, носят за спиной.

— Толку от этих огнетушителей мало, — говорили мне все без исключения лесные пожарные, с которыми доводилось встречаться. — Горловины плотно не закрываются — вода льется за шиворот, а гидропульсы подсасывают воздух и пропускают воду. А через два-три часа работы они ломаются...

«Надо соблюдать инструкцию по эксплуатации», — убеждают те, кто конструировал и изготавливал огнетушители.

— Это что, издевательство? — возмущались пожарные, когда я передавал им этот совет. — Огонь прет на тебя, а ты считаешь, сколько сделал качков в минуту?! Так и сгореть недолго...

Есть еще агрегат, применяемый на пожарах, — мотопомпа. То еще чудо техники!.. В одном из авиаотделений я видел, как для проведения показательных учений пытались запустить новые помпы. Из восьми заработала одна...

— Качество техники никуда не ушло. Сколько мы ни обращались к изготовителям из объединения «Рослесхозмаш» — результатов никаких, — говорил мне заместитель начальника Центральной базы авиационной охраны лесов и обслуживания лесного хозяйства Эдуард Павлович Давыденко. — Да и конструктивно вся эта техника давно устарела...

А что принципиально нового получила авиалесоохрана за последние годы? Практически ничего. Если, конечно, не считать плакатов.

О, плакаты!.. В Красноярском ВНИИ противопожарной охраны лесов и механизации лесного хозяйства резонно заключили, что противопожарная пропаганда должна быть яркой, запоминающейся, будящей тревогу. К делу подошли капитально. Пять лет напряженных исследований — и на свет появилось восьмидесятистраничное «Руководство по проведению лесопожарной пропаганды». Из него лесник или лесничий могут узнать, что «диаграмма — это графическое изображение, показывающее линиями, фигурами соотношение между различными сопоставимыми величинами или между одним и тем же предметом, явлением, событием в разное время, в последнем случае изображается процесс»... Мудрено? А вы как думаете?! Наука на то и существует, чтобы изъясняться непросо: «Стенд — специальное устройство, на котором наглядные средства размещаются и прикрепляются в положении, удобном для обозрения». Цитировать эту наукообразную ахинею можно без конца...

Вот только пожар «Руководством» не потушишь. Как не потушишь его и анкетами, которые КБ и НИИ высылают на авиабазы. Ученые ДальНИИЛХа, например, запрашивают «Специфические условия работы в районах тушения пожаров». Может быть, доцентам с кандидатами лучше самим побывать в самом пекле и на месте узнать «специфические усло-

вия»? Одно могу сказать: они несколько отличаются от тех, в которых работают сотрудники НИИ. Кто знает, может, командировка на пожар, а еще лучше работа в составе воздушных команд даст ученым идею в разработке современных средств борьбы с огнем... Только пусть научные сотрудники не берут с собой защитное покрывало из металлизированной ткани, которое предлагают их коллеги из ВНИИПОМлесхоза: в случае беды, говорят бойцы авиалесоохраны, под ним легче спечься, чем защититься от огня.

Правда, недавно ВНИИПОМлесхоз и ДальНИИЛХ, потратив несколько лет, разработали новый набор пожарного инструмента. Над чем же бились ученые умы двух институтов? Потрясающая новинка! В набор входят: лопата, топор, мотыга, грабли, пила и хлопуша для захлестывания огня.

Много лет пожарные атакуют конструкторов: где малая механизация? Где приспособления для тушения верховых — самых опасных — пожаров? Где землеройная техника, которую можно доставлять по воздуху вместе с пожарными группами? Где надежные приборы для летчиков-наблюдателей? Где самолеты-танкеры?.. За рубежом-то эта техника давно применяется...

— А разве вам мало ВСУ?.. — парируют претензии пожарных руководители лесного хозяйства.

Что такое ВСУ? Аббревиатура расшифровывается как «водосливное устройство». Принцип элементарный: вертолет несет на внешней подвеске резервуар с водой, пролетает над кромкой пожара и заливает пламя. Заливать-то заливает. Но... Не гасит.

— Может, где-то в тундре устройства и оправдывают себя. В хорошем же лесу — нет, — говорили мне многие летчики. — Большая высота полета, большая скорость, дым... Прицелиться очень трудно, вода почти всегда летит мимо цели. А если попадает, то водяной поток, ударяясь о кроны деревьев, превращается в ласковый дождик... Висеть же на месте нельзя: мощный поток воздуха от винта раздувает огонь и разбрасывает горящие ветки на десятки метров вокруг — вертолет гасит один очаг и одновременно создает десятки новых.

Недавно я узнал: ОКБ имени С. В. Ильюшина разработало гравитационную систему десантирования грузов. Она была успешно испытана ДОСААФом в Арктике при заброске снаряжения на метеостанции. Эта же система, утверждают и конструкторы, и досаафовцы, эффективна для борьбы с лесными пожарами: полистиленовые мешки с водой скатываются по роликам под воздушный поток от двигателя и, разрываясь, образуют сплошной ливень шириной несколько сот метров и длиной километр. Непреодолимая преграда для огня!

— Давайте опробуем систему на пожаре, — предложили создатели. Минлесхоз РСФСР и Гослесхоз СССР промолчали...

Похоже, что эти ведомства, призванные беречь лес, не стремятся помогать десанникам. Судите сами: по всем инструкциям воздушные пожарные должны бороться с огнем в самых-самых дальних и труднодоступных точках, куда действительно «только самолетом можно долететь». Если же пожар разыгрывается неподалеку от жилья, то тушить его обязаны команды пожарно-химических станций, которые существуют при управлениях лесного хозяйства. Но... На станциях обычно нет пожарных автоцистерн, бульдозеров, тракторов со специальными оборудованьями, автомашин... И приходится парашютистам или десанникам высаживаться в пригородные леса, в зеле-

ные зоны, чуть ли не в городские парки (были такие случаи!).

Кстати, пожары, потушенные в наземной зоне охраны, в отчеты авиабазам не включаются. Вроде бы их и не было вовсе.

— Да мы не обижаемся, на том свете угольками сочтемся, — невесело шутят воздушные пожарные.

— Как-то нас, десантников, послали в совхоз, на огурцы, — рассказывал мне однажды Саша Ковалев, старший инструктор Приморской авиабазы, кавалер медали «За отвагу на пожаре». — А как раз самое опасное время — все горит... И вот покуда мы огурчики рвали, где-то загорелось. Пока за нами приехали, пока к самолету подвезли — уже такой костер еще разошелся!.. Тушили его — не поверишь! — два месяца. Столько леса погубило!.. А были бы тогда на месте — за два дня бы управились.

Пересказывал эту историю на других авиабазам — нигде не удивились. «Нас, — говорили всюду десантники, — тоже чуть что — отправляют на сено, на картошку...»

Ну ладно — пусть посылают в колхозы сотрудников замечательных противопожарных институтов — от этого леса, по-моему, меньше гореть не будут. Но пожарников — на свеклу?!

— Ты еще об аптечках напиши, — подсказали мне десантники.

Вернувшись в Москву, я показал список средств, входящих в стандартную пожарную аптечку, знакомому врачу «Скорой помощи». Тот возмутился: «Да с ней нельзя дальше городского парка выходить — не то что прыгать с парашютом за сотни километров от жилья!»

О бедах и невзатках лесных пожарных можно писать еще долго, долго... Выразительнее цифры: в прошлом году пострадало от огня более 515 тысяч гектаров леса — квадрат со стороной 70 километров!..

С каждым годом лес загорается все чаще — это естественно, ведь раньше, скажем, в зоне БАМа тайгу поджигала разве что молния, — теперь и костерок, и окурок, и искра из выхлопной трубы... Такой рост имеет место во всех развитых странах. Но вот в Канаде, например, на одно загорание приходится в среднем 0,2 гектара погибшего леса, а у нас — в семь раз больше. И в Канаде, равно как и в Швеции, Финляндии, эта цифра с течением лет становится все меньше. А у нас — все больше. Стало быть, несмотря на героизм — да, да, героизм! — воздушных пожарных, авиалесоохрана работает все хуже?! На девять тысяч воздушных пожарных страны — около двух тысяч «чиновников» и ученых, занимающихся лесными пожарами. Их зарплата не зависит от того, будет ли гореть лес, и грамотой их за лишний пожар не обделяют... Похоже, и в лесопожарном деле нужен хозрасчет, безжалостно выбрасывающий из кресел лишних управленцев (а оставшихся заставляющий работать с полной отдачей). Только каким здесь быть хозрасчету? Стоит подумать...

Но хозрасчет хозрасчетом, а как быть с уважением к своему делу, гордостью, совестью?.. Леса горит все больше — значит, работа пожарных «чиновников» (с научными степенями и без) — никчемная, зряшная? Значит — и жизнь их проходит зря?

В Тюменской области, в 82-м квартале Андреевского лесничества, видел я один из памятников, каких немало в наших лесах: обожженная сосна и рядом — гранитная плита. Здесь, встав на пути огня, погибли лесные пожарные — А. Пандырев, И. Пальянов, К. Сергазинов и Г. Шаркунов. Сражаясь с пожаром, попали они в огненное кольцо, бросились к спасительному болотцу, да пересохло оно от жары...

Только ли огнем убили их?

Экономический эксперимент в московском производственном объединении «Измеритель», о котором «Смена» рассказала в первом номере, был рассчитан на год. Мы планировали держать читателей в курсе дел: какие перемены происходят в объединении, как они отражаются на людях, на производстве. Но жизнь внесла поправку в наши планы...

Напомню, в чем суть эксперимента, который предложил кандидат психологических наук Павел Ельчанинов: предполагалось, во-первых, передать работникам в пользование средства производства, во-вторых, отказаться от традиционного необоснованного пересмотра норм и расценок; и, в-третьих, платить труженику не зарплату, а выраженную в деньгах долю вновь созданного им продукта.

Об этом психолог полгода назад подробно рассказал на страницах журнала. Тогда же было опубликовано письмо, подписанное генеральным директором, секретарем парткома и секретарем комитета комсомола «Измерителя», — они сообщили, что решили начать такой эксперимент на своем предприятии.

Первая публикация вызвала множество писем (некоторые из них напечатаны в № 7). Читатели хотя и критиковали Ельчанинова за некоторые неточности, но практически никто не отрицал важности и перспективности эксперимента. А ведь десять лет назад, когда Ельчанинов обнаружил в научных кругах свои идеи, его обвинили чуть ли не в «подрыве устоев», он был на грани исключения из партии, ему пришлось уйти с работы...

После публикации нам звонили руководители различных предприятий, говорили, что хотели бы опробовать такую систему у себя. Очень серьезные намерения, в частности, оказались у руководителей Главмосавтотранса — объединения, в котором трудится около ста тысяч человек. Они связались с Ельчаниновым, учеными-экономистами и намереваются начать эксперимент осенью. А директор 21-го московского таксопарка, еще в рукописи познакомившийся со статьей, с начала нынешнего года уже применяет элементы «модели Ельчанинова».

А что же первопроходцы — «Измеритель»?

Эксперимент решили вести поэтапно, и первым шагом должна была стать оплата труда, пропорциональная доходу, полученному предприятием. В этом (если упрощать) суть второй модели хозрасчета. Существует также первая модель, при которой предприятию гарантирован фонд заработной платы. Вторая модель совершенней, хотя и рискованней первой: «потолка» заработка нет, но нет и нижнего предела...

Как положено нынче, о том, на какую

Сергей ЛИТВИНОВ

КТО НЕ ХОЧЕТ ПЕРЕМЕНИ

из моделей хозрасчета переходить, посоветовались с коллективом. В конце прошлого года, когда первый номер «Смены» уже был сдан в печать, партком провел опрос общественного мнения. За более прогрессивную, вторую модель высказались 38 процентов работников, против — 47 процентов. Стало быть, от эксперимента здесь отказались. Не сделав, между прочим, даже первого шага.

Почему? — об этом я спрашивал всех, с кем доводилось встречаться в объединении.

Виктор Баранов, оператор станков с ЧПУ, объяснил так: «Многие из нас не знают, чем вторая модель отличается от первой. Поговаривают: вроде при второй зарработки будут меньше — вот и голосовали многие за первую».

Поговаривают... А разве специалисты не рассказывали рабочим о хозрасчете? Да нет, рассказывали. В прошлом октябре я попал на собрание как раз в том самом цехе, где работает Баранов. Выступал генеральный директор объединения Юлий Михайлович Сергиенко, говорил умно, доходчиво: о самофинансировании, хозрасчете, разных его моделях... Правда, помню, поразили меня лица многих присутствующих — такая на них была печать отстраненности, словно речь шла об освоении Марса, а не о самом насущном. Подумалось: привыкли мы, что на собраниях произносятся слова, крайне далекие от жизни. И даже теперь, когда обсуждаем первостепенные проблемы, по привычке пропускаем мимо ушей, мимо души слова и мысли докладчика...

Это отчуждение не пробьешь одной-двумя лекциями, нужна упорная «долбежка» в одну точку. Однако Ельчанинов, автор эксперимента, выступал в цехе всего один раз, в обеденный перерыв. Времени не хватило, мастера были недовольны задержкой, объяснения пришлось скомкать... Стоит ли удивляться, что для большинства рабочих хозрасчет — тайна за семью печатями?

Неприятие эксперимента связано и с тем, что рабочие полагают (и совершенно справедливо): всякая нерасторпность начальства будет ощущаеме бить по карману рабочего. «Половину времени тратишь на то, чтобы организовать нормальную работу, — говорил мне слесарь Станислав Ратников. — То заготовок нет, иди ищи, не нашел — пере-

кур, то инструмента. От нас-то мало что зависит...»

Рабочих беспокоит неразворотливость заводских служб, а инженеров — подвохи смежников. Поставщиков у предприятия несколько десятков, вдруг кто-то подведет? Ладно, при первой модели зарплата гарантирована. А при второй? «Читал в газете: перешла фабрика на хозрасчет, «посадили» ее поставщики. За месяц рабочие получили по двадцать рублей. Вот тут и задумаешься: хозрасчет, конечно, хорошо, но у меня двое детей!» — это слова Валерия Щелкунова, начальника бюро подготовки производства.

А ведь страхи-то остаются без зарплаты сильно преувеличены. И они тоже от того, что не объяснили толково и внятно работникам детали второй модели хозрасчета. На самом деле, даже если окажется в какой-то месяц предприятие без дохода, зарплату можно будет выплатить из резервного фонда или на худой конец взять кредит в банке. Правда, возвращать кредит придется, но «Измеритель» уже много лет стабильно работает с прибылью, — рассчитывается, конечно же, с долгом. Так что опасаться нечего.

А против внутризаводских неурядиц есть действенное лекарство, широко известное и опробованное: рабочее самоуправление. Однако... Здесь к месту вспомнить слова одного из рабочих, фамилию которого не буду называть: «Попробуй у нас скажи что против начальства! Живо поставят на место. Способов много — дадут работу невыгодную, или станок похуже, или на нарушении дисциплины поймут...» Вряд ли дела обстоят так уж драматично: многие другие собеседники это мнение оспаривали, говорили, что гласность на «Измерителе» расширяется. Например, недавно отчитывались перед коллективом генеральный директор объединения и его заместители. Их деятельность «всем миром» оценивали в анкетах. Одному из руководителей, против которого высказались 62 процента опрошенных, пришлось подать в отставку.

Что ж, и отчеты, и опросы — приметы отрадные. Однако, согласитесь, между возможностью тайно проголосовать против начальника и возможностью открыто обсуждать все производственные проблемы — дистанция немалая. Ее коллективу «Измерителя» только предстоит пройти.

Существенно повлияли на судьбу эксперимента те, чьи рабочие места не у станка, а за столом. Вам не показалось, внимательный читатель, утверждение Ельчанинова (см. беседу с ним в первом номере), что 95 процентов заводских управленцев готовы с радостью переквалифицироваться в рабочие, — ну, прекраснотным, что ли? Показалось?.. Что же, тогда можете порадоваться своей проницательности (и одновременно огорчиться тому, что вы еще раз убедились — не происходит, не могут произойти перемены легко и безболезненно): фактические итоги опроса почти противоположны ожидаемым. Полагаю, умонастроения управленцев повлияли и на мнение всего коллектива.

И пусть директор, секретарь парткома — за перемены. Но даже при самом горячем желании не могут они в одиночку их осуществить. Надо опираться на помощников, проводящих идеи, на аппарат. Аппарат же в большинстве своем против экспериментов.

Тут хочется поделить мыслью спорной и в условиях гласности крамольной: а всегда ли нужно выяснять мнение коллектива? Пример. Спросим у работников министерства: целесообразно ли ликвидировать это самое министерство? Ответы можно предугадать заранее...

Показалось мне также, что, несмотря на декларируемую приверженность к эксперименту, руководители «Измерителя» идут курсом перемен с некоторой опаской — иначе бы они, верно, более деятельно пропагандировали экономические новации в своем коллективе. Что ж, каждый, даже самый прогрессивный, самый думающий директор — человек, и ему не чуждо ничто человеческое, в том числе опасение рискнуть.

О том же примерно говорили мне практически все собеседники: «Дело новое, посмотреть бы у кого, поучиться... Почему мы должны быть первыми?» Об этих настроениях Сергей Комаров, секретарь комитета ВЛКСМ объединения, сказал: «Столько лет нас приучали: «Не высовывайся!» Разве можем мы переломить себя за пару месяцев?» А ведь комсомольцы, самые молодые, незакрепощенные, как раз и могли бы «высунуться». Что им-то терять, кроме окладов молодых специалистов? Хотя бы разобрались для начала сами в новом экономическом

механизме да устроили бы своего рода «ликбез» для рабочих...

Все говорили мне о необходимости перемен. Но многие хотят, чтобы перемены эти произошли как бы сами собой, не потребовали усилий... Настроение — как перед капитальным ремонтом в квартире, когда мечтаешь: эх, проснуться бы утром, а потолки сами собой выбелены, наклеены обои, отциклеван и отлакирован пол... Но нет, чудес не бывает, и приходится переодеваться в рабочий костюм, и двигать мебель, и доставать краску, и работать, работать...

Когда делаешь ремонт в своей квартире, срывает с лежанки мысль о том, что в результате всех усилий жить тебе станет приятней и лучше. Вот этой уверенности, что в результате эксперимента жить станет лучше, нет, по-моему, у рабочих объединения. Жить в самом обыденном, самом «житейском» значении этого слова: больше зарабатывать, иметь больше возможностей получить квартиру, отдыхать в комфортных условиях и пр., и пр. А именно так и будет, должно быть. И есть тому весомые доказательства.

Мнение заведующего сектором Института экономики Академии наук СССР Абаса Шапиевича АХМЕДУЕВА:

— Положения, которые изложил Ельчанинов с точки зрения социального психолога, реализуются как бы сами собой, когда коллектив переходит на работу по принципу арендного подряда. Ну, а арендный подряд — высшая форма хозрасчета; это одна из возможных «конечных станций» нынешней перестройки организации труда, путь к которой лежит через первую, затем вторую модель хозрасчета, через коллективный подряд... Есть, однако, коллективы, которые перескочили через эти ступеньки и уже работают на арендном подряде.

Да, речь идет об арендном подряде... Вспомним, что читали мы или слышали о нем в последнее время.

Принцип аренды широко используется в странах, раньше нашего начавших экономические реформы, — в Венгрии, в Китае, и, по мнению советских экономистов, приносит неплохие результаты...

На арендном подряде действуют шесть предприятий московского общепита; за один только месяц в кафе «Север», например, заработки возросли на 70 рублей (естественно, при значительном росте товарооборота)...

Трудовой коллектив стал недавно хозяином Бутовского комбината стройматериалов. Уже в первые месяцы выработка здесь повысилась в 1,4 раза, средняя зарплата поднялась с 210 до 280 рублей. Уже не новость также кооперативы, арендующие средства производства у государства, например, расположенный в Свердловской области Невьянский кирпичный завод; там за полгода выработка увеличилась в пять раз...

Убедят ли эти факты тех работников «Измерителя», которые пока не решились на перемены?

Руководители объединения отступать от эксперимента не собираются; заводские экономисты просчитывают сейчас условия второй модели применительно к каждому подразделению; интереснее и тщательнее станут организовывать экономическую учебу. Осенью опрос будет повторен. Перевес противников перемен над сторонниками — всего девять процентов; чтобы эксперимент начался, свое мнение должны изменить хотя бы пятьдесят человек.

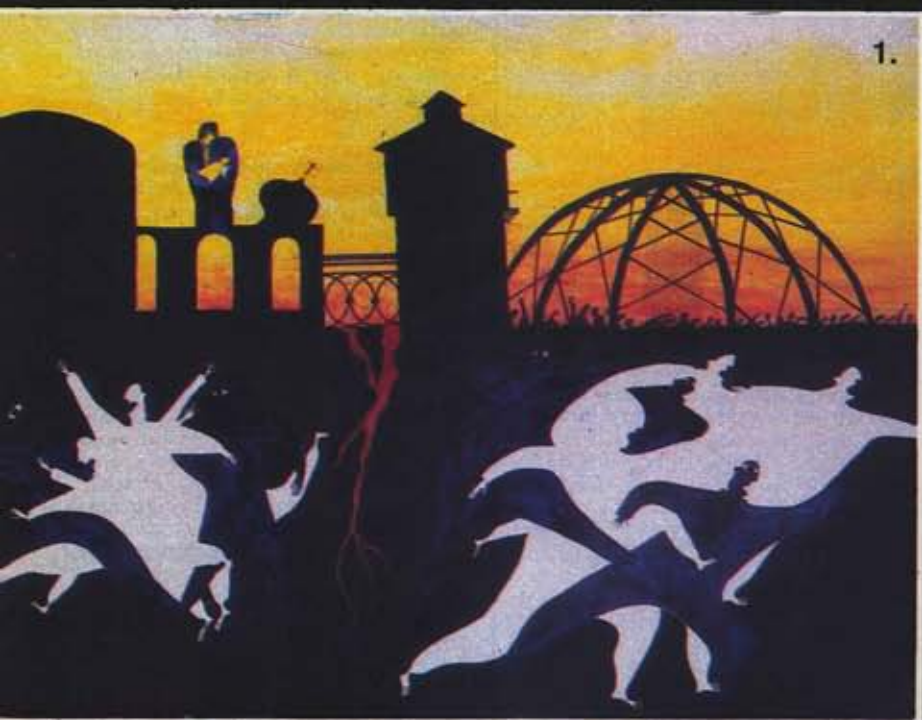
Так что и мы не будем пока ставить точку...

...вразброс на полу лежали. А вообще-то мы о картинах с ним еще и не говорили. Я ж сказал — он разложил их вразброс по полу, и мы как-то забыли о них. («Геллер, Дима...» — это он несколько дней назад так представился, когда зашел к нам в редакцию.) Взятся он из Свердловска, в смысле приехал в Москву из Свердловска. Заметно, что он совсем молоденький. Когда сказал, что ему семнадцать, я поверил сразу. А мой приятель из другой редакции — он был в тот момент рядом — сказал мне потом, что «мальчик врет». Но он никогда и никому не верит. Ему самому сорок пять, а жене двадцать, вот и...

А картины Геллера мне понравились. Да и не только мне — наш редакционный художник смотрел, тоже сказал, что «интересно», главный

мым. А потом у него было первое, неожиданное наблюдение. Или в Свердловске. Или в Москве. А может, и не было этого наблюдения, но Дима Геллер утверждал, что видел все это, когда шел дождь.

Он проходил мимо. Молодой. Худой. У него на плече болталась сумка. («Понимаешь, я вообще не люблю, когда что-то «наполовину». У Высоцкого помнишь — «Я не люблю, когда наполовину-у!» Уж лучше быть хулиганом, чем наполовину хулиганом»). Так вот он проходил мимо. Равнодушные, но быстрые глаза. Кошачья, скользкая походка. Высоко где-то распахнулось окно, и хриплый, взрывной голос словно прокричал вслед уходящему человеку: «Идет охота на волков! Идет охота-а!..» И сильнее пошел дождь. И тогда даже дождь захрипел этим проби-

1.

В ТО И А Н Ъ Н О

смотрел — «Надо, — говорит, — подержать парня...»

Так откуда же он взялся? Это я уже потом спрашивал себя и начал понимать, что «взялся» он не просто из Свердловска, где родился и где живут мать с отцом и старшим братом. Там, откуда он взялся, был еще и Город. Даже, наверное, Город был вначале, и он услышал Город, как музыку, которая шла импульсами, напоминая хаос красных линий, какие бывают, когда закрываешь глаза после яркой вспышки. В его сознание врываются горящие огни уносящихся по трассе автомобилями, нервно плясала бело-голубая реклама, и... кто-то кричал. Кажется, кто-то убежал по мокрому асфальту. Резко ввинчивался в сознание визг тормозов, и бесконечная очередь людей в серых плащах с поднятыми воротниками утекала куда-то за горизонт, где виднелся чей-то громадный портрет с неясными водянистыми глазами. Иногда слышалась скрипка. И еще был циферблат с несущейся секундной стрелкой, которая словно смахивала пыль с чьих-то многочисленных лиц.

Почему он решил стать художником? Потому, думал он, что так больше имеешь, ничего не теряя, а отдавая, ничего не требуешь взамен. Так можно попробовать быть независи-

рающим до нутра голосом. А человек уходил, растворяясь в потоках ливня. С сумкой, которая болталась на плече. А он сидел на детской площадке и прислушивался к голосу и Городу, который, кстати, когда идет дождь, звучит совсем по-особому. И еще он вдруг подумал, что Город, когда идет дождь, подобен инструменту, на котором пытаются подобрать мелодию. Может, так бывает только весной?

Так откуда же он взялся, этот молодой художник из Свердловска? А возможно, из фантазии, ушедших в могилу вместе с бабкиным братом, который тоже был художником? Или из однажды возникшего желания разомкнуть круг, о котором группа «Наутилус Помпилиус» из того же Свердловска поет: «Скованные одной цепью, связанные одной целью»? Или все проще? («Понимаешь, мне иногда бывает страшно, а иногда я злой, как собака, и я не могу это выплеснуть, а надо... Мне кажется, когда не можешь что-то сказать или сделать, начинаешь рисовать. Или вот я не уверен в чем-то, а хочется проверить, понять — и снова начинаешь рисовать... А вообще мне Пикассо нравится — делал, делал, делал, а уж потом начали разбираться, что он наделал...»)

А картины лежали вразброс у на-

2.

3.

Андрей КУЧЕРОВ

СТИ ДОЖДЯ

Ему я, конечно, не говорил, что не понимаю, но, стоя над работой «Искренне ваш», я никак не мог осмыслить, что означает эта громадная муха-шмель-букашка, несущаяся по серому шоссе. И почему другая муха-шмель-букашка мягко приземляется на это же шоссе? Что он хотел этим сказать? И что означает «Искренне ваш»? Наш? Или тех, кто придет вслед за нами? Или тех, кто придет вслед за нами? А может, это нормально, когда не понимаешь и убеждаешь себя в том, что дурак ты, а не художник? («Знаешь, что такое осень? Это раненый грач».) Искусство выиграет, если люди будут соглашаться чаще считать себя дураками... Этого я ему тоже, конечно же, не сказал.

Собственно до того, как мы подошли к разбросанным на полу картинам, он говорил о том, что сейчас больше всего хочет поступить в архитектурный. Который там у них,

в Свердловске. Одна попытка уже была — провальная. Сейчас вторая... («Понимаешь, архитектор может увидеть человека сверху. Одно дело, когда настроение запускаешь в картину, другое — когда в архитектуру: это мощнее. Большое пространство раскрепощает человека. Нет, бывает, что и очень большой дом разъединяет людей. Но это когда в большом доме много маленьких пространств. Понимаешь? Архитектура не только дверь, в которую надо войти, или лестница, по которой надо подняться, чтобы не упасть... Архитектура — это ритуал...») Отец у него работает в строительном институте. Архитектурный окончил брат. А может, он и взялся отсюда — из этого неосознанного желания взглянуть на человека сверху? («Не летают только бройлерные курицы».) Из того протеста, который был накоплен поколениями предшественников? Из Высоцкого, Тарковского, Шукшина? И — Феллини?..

5.

1. Последний день города.
2. И небо и земля.
3. Настроение.
4. Искренне ваш.
5. Разговор.
6. Портрет молодого человека.

4.

ших ног. С одной из них смотрели вверх глаза человека с ярко-красным лицом и узкими, плотно сжатыми губами. Не надо было наклоняться, чтобы прочитать — «Портрет молодого человека». («Мы с братом как-то выставили свои работы в одном ДК. Через неделю пришла какая-то комиссия, сказали, надо убрать несколько картин. Про «Молодого человека...» говорили, что он алкоголик или наркоман, потому что лицо красное и нос красный. А разговор про выставку было много. Ругались, хвалили — как надо, в общем. Потом выборы начались. В Верховный Совет, кажется. И сказали, что картины надо убрать. Наверное, неудобно было, чтобы перед выборами наши картины висели».)

Не понимаю. Ну, не понимаю, и все.

6.

(«Когда я начал рисовать, я заметил, что еду, например, в трамвае вечером, и мое лицо отражается в стекле. А кажется, что город едет, а лицо остается, понимаешь?») Из желания прокричаться сквозь духовный стриптиз? («Я не знаю, как в Москве, а когда в Свердловске шел «Сталкер», то через двадцать минут ползала ушло...») Из нежелания продавать свои картины, какие бы деньги за них ни предлагали? («Когда даришь сам — спокойно, знаешь, что работа в хороших руках») Из любви к черному цвету в одежде, потому что он — конкретный? («Я вот так сегодня и никак по-другому!») Из любви к брату, который однажды взглянул на его первые работы и сказал: «Ты можешь». («У нас даже конфликты не как у других братьев — другие. Мы даже одну картину написали вместе».) Из любви к полупрозрачной тишине, когда ты — мир — ты? («Не умею писать днем. Ночью чувствую себя свободным») Или из той самой взрывной тональности, которая бывает у Города, когда идет сильный дождь, и которая — так мне кажется — звучит в картинах семнадцатилетнего художника Димы Геллера, когда эти картины лежат вразброс на полу...

Так откуда он взялся?

**Перекрестки бывают разные.
Этот — особый.
Здесь не действуют правила уличного движения.
Но от того, какая из дорог будет выбрана, зависит жизнь.**

Георгий
ТАНУТРОВ

Мать продала ее недорого. За шесть рублей и полбутылки «Столичной». Было начало марта, снежинки таяли на мокром асфальте. А эта девочка была так странно одета — в летнем платье, в сандалиях на босу ногу и в длинной кофте непонятного цвета. В вестибюль метро она вошла с мужчиной лет сорока, который, пошатываясь, вел ее за руку. В свободной руке он сжимал помятую обложку ученической тетради, на которой детским почерком было выведено: «6-й «Б» класс. Плыгина Ирина». (Здесь и дальше в тексте некоторые имена заменены из этических соображений.)

...В тот день Зинаида Плыгина решила заглянуть в пивной зал. Денег было на полторы кружки. За угловым столиком какой-то мужчина подливал в пиво водку. Зинаида подошла к нему и, многозначительно улыбаясь, поставила на стол ополовиненную кружку. Незнакомец скривил удивленную гримасу, но водки подлил.

Когда, хохочущие и слегка качающиеся, они ввалились в коридор коммуналки, из кухни вышла пожилая женщина...

Из разговора с А. К. Кузьминой, соседкой Плыгиных: «Пришла, как всегда, с каким-то новым. Оба навеселе. Девочку сразу в коридор выставили. Потом кричали там — видно, чего-то не поделили. Слышу: Зинка дверь открыла, Иру зовет. А мы с ней чай пили на кухне. Через минуту вижу — сама вышла, стоит на кухне, дымит — папираса за папирасой. А девочка — там, с алкоголиком! Минут через пять заревел — Зинку зовет. Иру опять выставили. Потом выходит, уже в пальто, пьяный, берет девочку за руку и тащит к двери. Я стала кричать: оставь ребенка! А Зинка меня как пихнет!..»

Из разговора с Л. Г. Фатеевым: «В тот день я, конечно, перебрал. Даже не помню, как оказался в этом притоне. Протрезвел только, когда увидел ее кошмарные татуировки. Стал одеваться, а она не пускает, кричит: «Все равно гони чирик — как договоривались!» Я говорю — нет! Тогда она говорит: подожди, мол, сейчас найдем тебе девушку получше. И заводит дочку! Я возмутился. Заставил ее написать расписку, что отказывается от девочки. Оторвала от старой тетради обложку, написала. Ну, я и сдал девочку милиции... Почему продала за такую цену? Потому что у меня только и оставалось, что шесть рублей и половина «Столичной».

Из разговора с Ирой: «Мама пришла с каким-то мужчиной. Выгнала меня из комнаты. Потом позвала — я зашла, а она вышла в коридор. А мужчина сидел на тахте и смотрел на меня, как остолбенелый. Потом стал ругаться и маму позвал... Вечером он сдал меня в милицию».

...Об этом учреждении не знает почти никто. На пустыре, за Т-образным перекрестком, там, где Алтуфьевское шоссе пересекает улицу Хачатуряна, тянется забор, за которым виднеются два белых четырехэтажных корпуса. По самому верху забора проходит проволока

сигнализации. Это — Московский приемник-распределитель для несовершеннолетних (МПРН).

— Проволока? Ну и что? Не было б ее — я бы, может быть, уже в первый день через забор сиганула, — признается пятнадцатилетняя Марина Агеева. — Сейчас опять торчала бы на «пяточке» у трех вокзалов. А так — побыла тут месяц, кое-что поняла. На вокзалах мне теперь делать нечего — пойду в ПТУ, на швею учиться.

Как все просто: убежала из дома — торчала на «пяточке» — попала в приемник — за месяц перевоспиталась — и выйдет теперь порядочной девушкой, будущей швеей. Если бы в жизни все было действительно так, воспитанием молодежи могла бы заниматься одна милиция. И вместо клубов, музеев и театров строили бы побольше приемников-распределителей. И не прозвучало бы тогда такой безтактностью мое поздравление с юбилеем.

— Да, в этом году нашему приемнику исполняется шестьдесят лет, — говорит начальник МПРН подполковник милиции Клара Алексеевна Первушина, — но это юбилей печальный. Было бы лучше, если бы мы справляли поминки. То, что нашему учреждению уже больше полувека, — ненормально...

В начале 30-х годов сюда попадали дети погибших в гражданскую, умерших от тифа, от голода. Почти все они были сироты. Сегодня же процент сирот здесь ничтожно мал. А вот список «Оснований для приема в ПРН» заметно расширился: заблудившиеся, подкинутые, оставшиеся без попечения, сбежавшие из дома, из спецшкол, СПТУ, детдомов, школ-интернатов, и те, кого направляют в специальные учебно-воспитательные учреждения. Возраст — от трех до восемнадцати. Общее в их судьбах лишь то, что эти ребята оказались здесь в основном по вине своих родителей.

«...Обои в нескольких местах оторваны, в комнате грязно, большое количество пустых винных бутылок, постельное белье отсутствует. В комнате находились двое мужчин в состоянии сильного алкогольного опьянения. Мать Иры, Зинаида Плыгина, также была в нетрезвом состоянии. На момент проверки Ира находилась дома. С ее слов, в школу не ходит уже давно» (из рапорта лейтенанта милиции А. Новикова).

Я смотрю на ее недетское лицо с потухшими, безразличными глазами, и не могу поверить, что ей недавно исполнилось двенадцать.

— Нет, не только водку, — спокойно отвечает Ира на вопрос воспитателя, — мама пила и одеколон, и «Розовую воду».

Пять месяцев назад, в свой первый «визит» в МПРН, Ира держалась иначе. О матери тогда она не говорила ни слова. Теперь же, когда Плыгина осуждена за разращение несовершеннолетней, а точнее — собственной дочери, и уже отбывает срок («теперь маме хуже не будет»), Ира рассказывает всю правду и даже слегка бравирует своим прошлым.

— Ну и что с того, что продала! — говорит она. — Не совсем ведь, а на

одну ночь. А то, что в бумажке написала, так это потому, что пьяная была.

Опыт продажи дочери у Зинаиды уже был. Несколько раз она заключала десятирублевые сделки со своими знакомыми, на час оставляя их с девочкой. Дважды за двадцать пять рублей отправляла Иру на ночь в гости к «дяде Павлику из углового гастронома».

— Конечно, понимаю, что это нехорошо, — отвечает Ира на вопросы воспитателя. — Нет, я не хочу жить так, как жила раньше. И маме, когда она вернется, объясню, что надо жить по-другому.

Да, почти все они говорят, что жили неправильно, что родители воспитывали их как-то не так. Но почти все оправдывают своих пап и мам. Воспитатели помнят лишь несколько случаев, когда ребята высказывали явную неприязнь к родителям.

Д. И. Фельдштейн, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психического развития и воспитания в подростковом и юношеском возрастах НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, так комментирует это явление: — Да, такие ребята порой, на удивление, лояльны. Но это можно только приветствовать. Времена, когда очень модным было отречься от своих родителей, минували. Поэтому ставка сегодня должна делаться не на противопоставление, а на воспитание. Каким образом? Одну из возможных форм подсказывают своим поведением сами ребята. В неблагополучных семьях происходит то, что психологи называют «перевернутой ситуацией». Меняются роли — уже с десяти-одиннадцати лет многие ребята становятся «папами» и «мамами» своих опустившихся родителей. Они жалеют их, опекают, нередко даже воспитывают. Поэтому, думаю, гораздо полезнее «науськивания» было бы воздействие на подобных родителей через детей. Ведь даже для алкоголиков и проституток — для тех, кто окружил себя броней цинизма и безразличия и кажется недостижимым для какого-либо воспитания, собственные дети нередко остаются тем последним оконцем, через которое в их душу еще может проникнуть какой-то свет. А дети пойдут на это. Во-первых, потому что любят своих родителей и, как никто, желают им добра, и, во-вторых, потому что они уже их воспитывают. Правда, интуитивно, по догадке. Помочь им в этом должны профессионалы. Однако в каждом случае подход должен быть индивидуальным. Так, скажем, в ситуации с Плыгиными одними воспитательными мерами вряд ли можно чего-то добиться.

— Помню, как защищал своего отца Алеша Прудников, — рассказывает воспитатель Н. Г. Дробышева, — был у нас такой лет десять назад. Вы, говорил, ничего не понимаете, мой отец — педагог, в школе труд ведет. А у самого отцовской «педагогике» вся спина в красных полосах...

Узнав адрес Прудникова, я побывал у него дома.

— Мать умерла при родах, — рассказывает Алексей. — Отец пил и до этого, а тут совсем опустился. Воспитывала

бабушка. Когда мне было семь лет, она умерла. С отцом жили впроголодь, порой дома хлеба не было. А тут еще в школе познакомился с ребятами, которые уже поворовывали... Поначалу мы шарили по карманам в школьной раздевалке. Меня ставили «на шухер», и при дележке украденного мне перепали крохи. Но потом пришел опыт...

В третьем классе таскали шапки и продавали их. Потом в день полочки стали «чистить» пьяных. Несколько раз нас ловили. Как правило, на мелочах. Водили в детскую комнату милиции, страшили колонией, но все оставалось по-прежнему.

Однажды мы были на станции метро «Комсомольская». Вижу, перед разменными автоматами замешкалась женщина. Явно из приезжих. Подхожу к ней сзади и незаметно опускаю руку в большую сумку, куда она только что сунула деньги. И тут чувствую, на меня кто-то смотрит. Поворачиваюсь — милиционер! Хотел было побегать, но сержант словно загнипнотизировал меня. Подошел и говорит тихонько: «Пойдем...» Узнав, где я живу, он позвонил в районное отделение — выяснить, кто мои родители. Потом положил трубку, помолчал и вдруг спрашивает: «Футбол любишь? За какую команду болеешь?» Какой-то странный. Вечером взял меня на футбол, потом мы еще долго гуляли по Москве. Помню, он говорил мне: «Ты уже не маленький, должен понять — плыть по течению больше нельзя. Надо поворачивать и двигаться против. Так труднее — но так надо. Иначе потом не выгрестишь». А вскоре я оказался в приемнике-распределителе.

Это сейчас я вспоминаю того сержанта с благодарностью, а тогда ругался на чем свет стоит — на футбол водил, о фильмах расспрашивал, а потом взял и упек! Тогда я еще больше убедился в правильности деления мира на «мы» и «они». «Мы» — это я, мой отец, ребята, с кем я дружил, и другие «свободные люди». «Они» — это милиция, педагоги, автобусные контролеры и прочие «притеснители».

...С делением на «мы» и «они» знакомы и сегодняшние трудные подростки. Даже у дошкольников в МПРН любимая игра — «в милицию».

Основная группа детей рассказывает на ковре, изображая хмельное застолье: кто-то поет дурным голосом, кто-то издает нечленораздельные звуки. Неожиданно появляются два мальчика — это приехала «милицийская машина»: один крутит невидимый руль, другой воет, изображая сирену. Затем они хватают пирующих, а те оказывают им «пьяное сопротивление».

Чего уж говорить о старших ребятах! Но вот интересная деталь: когда речь идет о каком-то одном воспитателе, как правило, высказывается одобрение, когда же обо всех вместе — недовольство. «Лучше начальника, чем Клара Алексеевна, и быть не может!» — восклицает Марина Агеева. На стенде «Пишут наши воспитанники» десятки писем с теплыми словами в адрес воспитателей. Но почти все похвалы завершаются оговоркой типа: «Даже странно, что такие люди работают в милиции».

Но почему? Не потому ли, что для ребят из неблагополучных семей уже с раннего детства образ милиционера становится чем-то вроде бабы-яги. Ведь это он отправил папу в ЛТП, это он наведывается к маме с грозными предупреждениями о прекращении пьяных оргий. Вместо доброй рожицы циркового клоуна и мхнатых мордочек зоопарковских медвежат такой ребе-

нок постоянно видит перед собой суровое, усталое лицо участкового. По мере взросления деление на «мы» и «они», подсказанное родителями, становится законом, а мысль работает в одном направлении: как провести милиционера...

Почему работа с неблагополучными семьями замыкается, по сути, на одной милиции? Ведь в воспитании милиция должна выполнять примерно те же функции, что реанимация в здравоохранении. Ее задача — предотвратить летальный исход. А дальше врачевать больного должен кто-то другой — тот, кто по долгу службы призван не «предотвращать», а «исцелять».

— Нет, какую-то одну причину я назвать не могу, — продолжает Алексей. — В моей жизни была целая цепочка везений. Сначала этот сержант. Потом — перемена, произошедшая с отцом. Я считал его уже совсем пропащим. А он, когда я был в спецшколе, женился и бросил пить. Следующее везение — смена жилья. За полгода до моего возвращения отец и его жена съехались в одну квартиру. В спецшколе, конечно, меня кое-чему научили. Но если бы я вернулся в тот же двор, к тем же ребятам, не знаю, смог бы сказать им: «Воровать с вами больше не пойду, я исправился». Правда, на приключения меня тянуло и на новом месте. Но тут опять помог счастливый случай — познакомился с Михаилом Николаевичем, соседом по лестничной клетке. Он оказался фотографом-профессионалом... За несколько месяцев обучил меня фотографировать. Но это даже не главное. Прежде всего он научил меня видеть. До знакомства с ним я умел только смотреть, в лучшем случае — обшаривать глазами, примеряться: украсть или не украсть. А он научил меня находить прекрасное в каждой мелочи. Научил работать... И никогда не читал мне морали.

Д. И. ФЕЛЬДШТЕЙН. *Говоря о воспитании трудом, мы должны помнить, что в социальном плане трудные подростки почти всегда взрослее своих сверстников. Они уже умеют добывать деньги — и порой немалые. Поэтому, предлагая им самую примитивную и низкооплачиваемую работу (как это нередко у нас делается), мы еще больше девальвируем в их сознании понятие «честный труд». И они еще больше утверждают в мысли, что «работа любит дураков». На мой взгляд, профессии, которые мы предлагаем трудным подросткам, должны вызывать у них интерес и быть хорошо оплачиваемыми. У Макаренко ребята собирали фотоаппараты «ФЭД», а мы сегодняшним «сверхскоростным» подросткам пытаемся привить любовь к труду через сколачивание ящиков...*

— Почему я не сделал фотографию своей профессией? — Алексей улыбается. — Это мое увлечение. А профессия... Вернулся из армии. И вот теперь, как видите, — сержант милиции.

В кабинете воспитателя Т. И. Ореховой — папки личных дел. Ближе к столу — те, что «на контроле». Два года назад, с приходом в МПРН Первушина, стиль работы здесь изменился. Теперь часто графа «окончено» обозначает лишь дату выбывания из приемника. Фактически же «дело» продолжается. Воспитатели встречаются с родителями, звонят в школы, в ПТУ, в спецучреждения, направляют запросы. Но возможно ли проследить дальнейшую судьбу каждого из воспитанников? Ведь только за год через приемник проходят до четырех тысяч ребят.

— Исправлять чужие ошибки всегда сложнее, — говорит Первушина. — По-

тому даже если из десяти человек настоящему помочь удастся хотя бы одному, мы считаем, что труд наш даром не пропал.

— Ира, тебе здесь не нравится?

— Ничего, жить можно. Кормят досья, кино показывают. Не нравится только, что все по часам — с утра до вечера. В восемь — подъем. Зарядка, завтрак. Потом убираем в палате, цветы поливаем, стираем. В десять — политинформация. Потом гулять выходим. В час — обед. С двух до шести — школа. После ужина — «беседа по правовому воспитанию». Потом свободное время: играем в шашки, вышиваем, рисуем. Телевизор — три раза в неделю. В десять часов — отбой. Правда, по выходным в клуб ходим, там бывает весело. А вообще жить по режиму тяжело. Я не привыкла. Поэтому и сбегала из интерната... Куда? У нас квартира коммунальная: думала, у соседки поживу. Пришла — никого нет, и почтовый ящик газетами набит. Я поняла, что Анна Кирилловна, соседка наша, опять к дочке в Ленинград уехала. Пошла на вокзал, думала, проводника уговорю — за так довезет. А он взял и сдал меня в милицию. Поэтому я тут второй раз и оказалась... А в общем, здесь неплохо. Хотя все думают по-разному. Есть даже такие, кто хотел бы тут остаться. Недавно пришел один парень. Он сбегал из дома и просил, чтобы его навсегда оставили в приемнике. Он тут не в первый раз.

При всей строгости режима, при том, что здесь ходят строем и носят одинаковые куртки и платья, очень уж суровой жизнь в МПРН не назывешь. Дневной рацион — о каком многие не мечтали «на воле», в холлах — телевизоры, есть большой, прекрасно оборудованный спортзал, есть и концертный зал, где ребята смотрят кино, слушают лекции, где проводят дискотеки. Неудивительно, что кое-кто из воспитанников не очень-то спешит оказаться по ту сторону забора.

— И это самое страшное, — говорит Первушина. — Ребята, которые пытаются убежать от нас, тревожат меня даже меньше, чем те, кто за день до выписки просят воспитателей оставить их в приемнике. Ведь какие бы условия здесь ни создавались, все равно это клетка. И если маленький человек готов жить внутри нее, значит, снаружи еще многое не в порядке.

Кто же должен заниматься ими за порогом приемника? Районные управления народного образования? Но возможно ли это, если для работы с трудными подростками руно выделяют одного, в лучшем случае двух инспекторов? На целый-то район! Им бы с учетными карточками справиться. Или, может быть, советы наставников, функционирующие, как правило, для «галочки»? Или решение проблемы в дзюзовских воспитателях? Неужели же все опять замыкается на милиции?

Для МПРН судьба Алексея Прудникова нетипична. Она настолько выбивается из потока других судеб — горьких и страшных, — что воспринимается как нечто надуманное, как сценарий розовой мелодрамы с названием «Перевоспитавшийся вор, или Достижения нашей педагогики». Однако судьба эта существует — так же, как в каждом правиле существует исключение. Ему повезло. Фортуна выбрала его несколько раз подряд. Жизнь Алексея с того момента, как его бегающий взгляд наткнулся на внимательный взгляд сержанта, была цепочкой счастливых случайностей. А может, судьба его не просто случайность? Может, это сама жизнь дает нам подсказку?

Д. И. ФЕЛЬДШТЕЙН. *Думаю, все бразды правления должен взять в свои руки Госкомитет по народному образованию. На уровне района и даже города решить проблему невозможно — уже хотя бы с территориальной точки зрения. Подросток, возвращающийся в прежнюю «среду обитания», просто не может изменить стиль жизни. Даже если он очень захочет, — ему не дадут это сделать бывшие друзья. Опыт показывает: чем дальше мы удаляем подростка от прежнего места жительства, тем больше шансов, что он действительно исправится. В качестве примера назову республиканскую спецшколу в Душанбе. Многие ее выпускники направляются — естественно, по желанию — на Дальний Восток, учатся морскому делу. И практически никто из этих ребят не возвращается к прежнему образу жизни.*

В системе народного образования, на мой взгляд, должна быть создана служба, которая бы непосредственно занималась трудоустройством и жилищными вопросами выпускников специальных учебных заведений.

А кроме Госкомитета? Кто еще протянет руку этим подросткам? Наверное, сделать это должны в первую очередь студенты педагогических вузов. Кстати, в новых учебных планах предполагается увеличить количество часов, отведенных на практику. Так почему бы не использовать эти часы для работы с трудными подростками? Такая практика была бы, наверное, не менее полезна для будущих педагогов, чем традиционная, «школьная», где, лишённые самостоятельности, студенты подчас лишь дублируют учителей.

А что же с «трудными» родителями? Может, попробовать создать хозрасчетную службу (с условным названием «Здоровая семья»), имеющую в своем штате психологов, юристов, сексологов, педагогов и сориентированную прежде всего на начальные стадии семейного неблагополучия, когда супругам еще можно помочь и когда они сами еще ждут помощи. Подобная служба могла бы работать по вызову. Общине происходило бы в домашней обстановке. Это давало бы возможность специалисту ознакомиться со «средой обитания» своих клиентов и точнее определить причины неблагополучия.

Конечно, ни появление новых служб в системе народного образования, ни привлечение на практику студентов педагогических вузов, ни создание специальных хозрасчетных организаций не решит сразу всех проблем. Но, мне кажется, если бы эти формы работы существовали, многие из ребят, с кем я встретился в приемнике, так никогда бы и не узнали, что означает это странное слово «эм-пэ-эр-эн».

— Назовите свою статью «Дом на Алтуфьевском шоссе», — посоветовала мне одна из воспитателей, — ведь для многих детей наш приемник стал вторым домом.

Каждому из ребят, говоривших со мной, я задавал вопрос: считаешь ли ты приемник-распределитель вторым домом? Кто-то откасался отвечать, кто-то начал хвалить воспитателей, кто-то сказал, что дом там, где его родители. Но дом № 13, стоящий на перекрестке, «вторым домом» не называл никто. Даже те, кто хотел бы тут остаться. Наверное, потому, что это сияющее белозной четырехэтажное здание и не может быть вторым домом. Дом у человека только один. Или его нет вообще. А это — перекресток, где сошлись тысячи трудных судеб, скрестились десятки неразрешенных проблем.

Дельфины кружились в воде под звуки вальса. Кружились так, что брызги окутывали детей и взрослых. Дельфины позволяли кататься на себе. Осторожно брали из рук рыбу... На водном манеже шло небывалое представление...

...Увы, ничего этого не было. Не было встречи с умными, жизнерадостными дельфинами, не было музыки. Весь этот праздник остается лишь на бумаге. Вернее — в проекте, пылящемся на полке вот уже восемь лет.

Цирковой дельфинарий — дипломный проект молодого архитектора Ильяс Айдарова. На всесоюзном смотре он получил диплом первой степени.

Еще в 1980 году Союзгосцирк дал заявку институту «Гипротейтр» на такое сооружение. Даже место было определено — Ялта.

Представьте: в конце пляжа, всего в сотне метров от моря — огромная чаша из стекла и бетона. Яркий тент. Крыша легко убирается в зависимости от погоды. Места для зрителей расположены с учетом любых прихотей. Как вы хотите видеть представление? Сверху? Пожалуйста. Можно наблюдать и в огромные иллюминаторы. Совсем другой ракурс... А по желанию — даже снизу вверх. Дно манежа прозрачное, а кресла расположены, как в планетарии.

В дельфинарии вы могли бы встретиться со многими обитателями подводного царства. Видели когда-нибудь скорпена, латимерию, рыбу-меч, других диковинок морей и океанов? В этом необычном театре и для них отведено место в аквариумах.

— Аналогов подобных театров у нас в стране нет, — рассказывает Ильяс Айдаров. — Хотелось создать что-то необычное, веселое, красивое. Чтобы один вид сооружения сразу же привлекал внимание. Мне казалось, это самое счастливое время

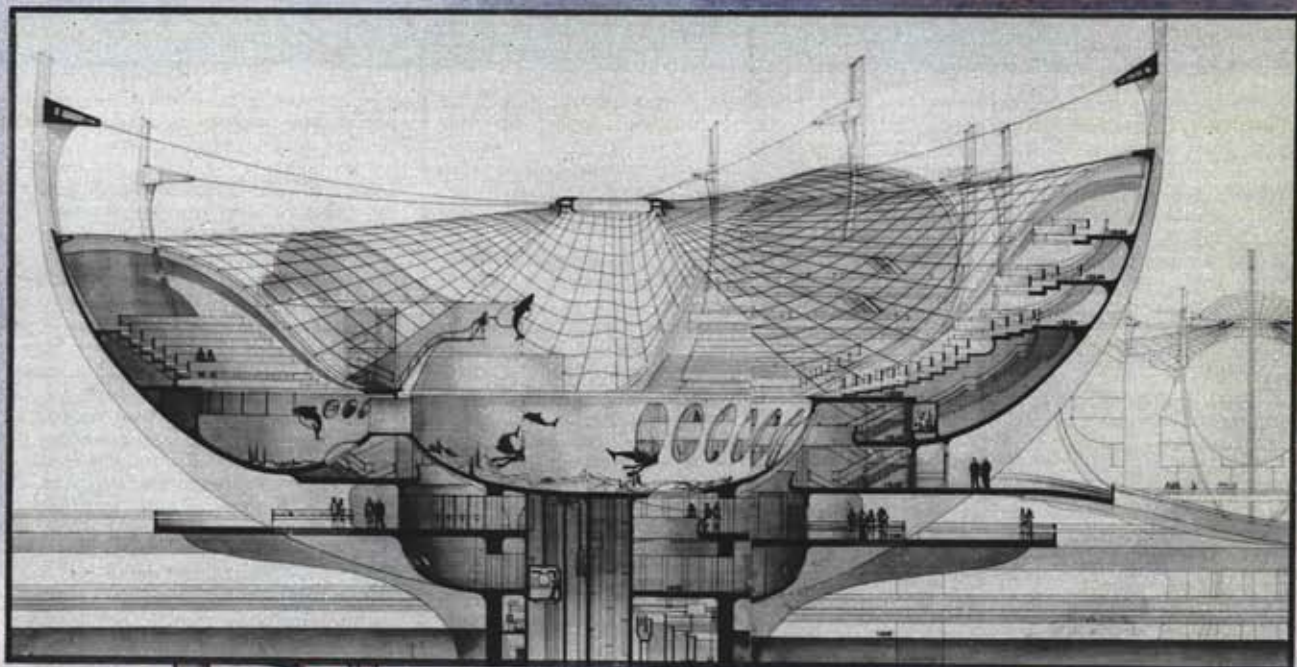
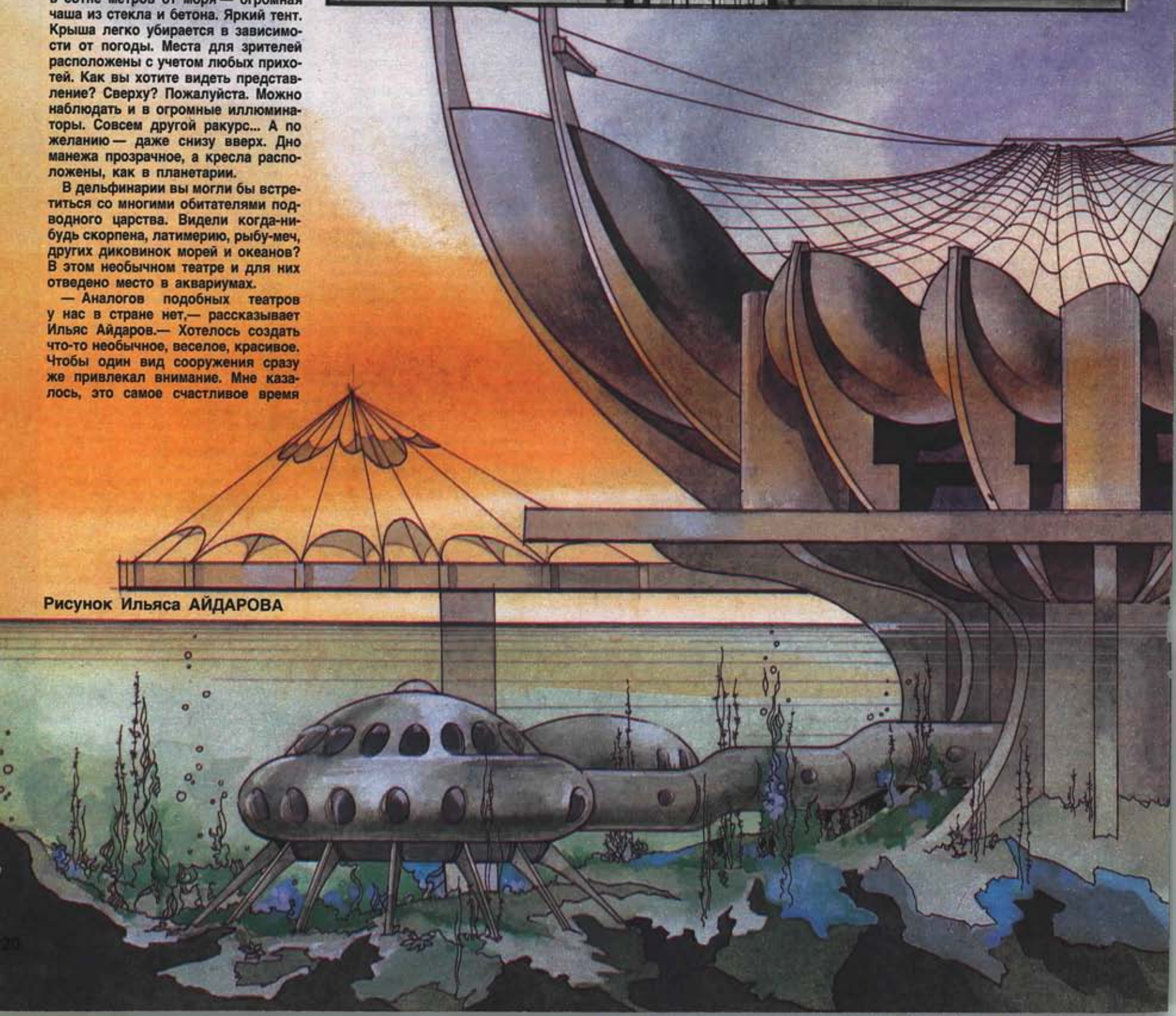

Рисунок Ильяс Айдарова

ПРАВДИНИК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

в моей жизни. Я выехал в Ялту, чтобы «привязать» проект к месту. Полгода работал как одержимый. Обрадовался, узнав, что мой труд одобрен. И в мыслях не допускал, что цирковой дельфинарий так и останется в чертежах. Почему? Город есть, море есть... Есть и дети, радующиеся любой возможности общения с животными. Так почему же?.. Когда я спросил об этом у одного ответственного товарища, он ответил: «Зачем нужен ваш дельфинарий, когда на эти деньги можно построить больницу?» Ну что сказать на это? Забыли, что смехом, хорошим настроением тоже лечат. И уж если подходить с практической точки зрения, уверяю, что на прибыль от работы дельфинария можно было бы построить пять больниц. Мы, молодые архитекторы, уже как-то привыкаем к мысли, что все или почти все, что делаем, оказывается в конечном результате ненужным. Как много у молодых неосуществленных проектов! А ведь это не просто проекты. Размышления, наше видение, труд в конце концов. Жаль, если все, что придумываешь, постоянно засыхает на корню. И опускаются руки, притупляется воображение, и уже перестаешь видеть смысл своей работы. Из архитектора превращаешься в чертежника. Многие ребята уходят

из архитектуры, чтобы только наглядно видеть результат своего труда. А порой просто прокормить себя. Остается привести мнение специалиста.

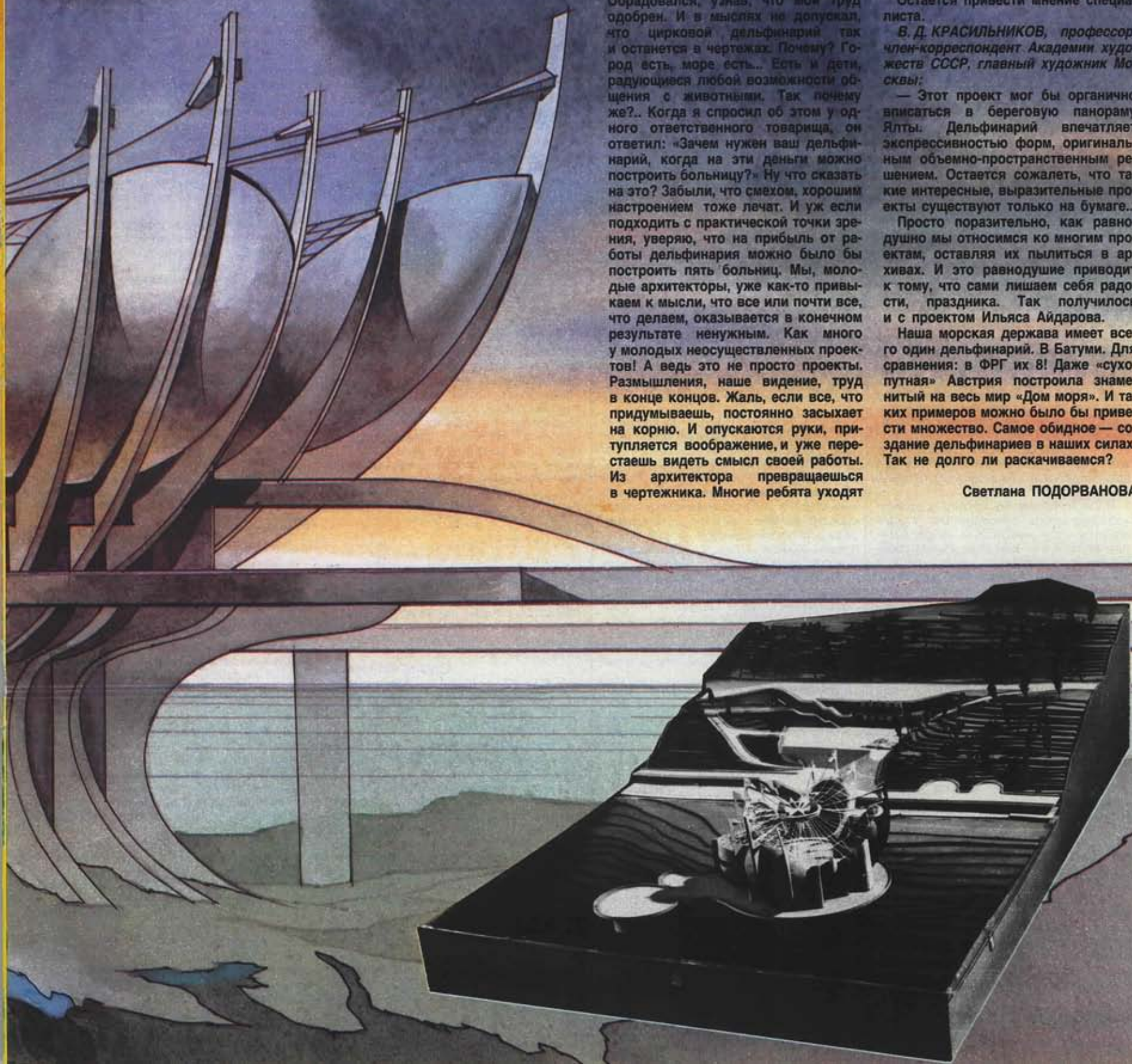
В. Д. КРАСИЛЬНИКОВ, профессор, член-корреспондент Академии художеств СССР, главный художник Москвы:

— Этот проект мог бы органично вписаться в береговую панораму Ялты. Дельфинарий впечатляет экспрессивностью форм, оригинальным объемно-пространственным решением. Остается сожалеть, что такие интересные, выразительные проекты существуют только на бумаге...

Просто поразительно, как равнодушно мы относимся ко многим проектам, оставляя их пылиться в архивах. И это равнодушие приводит к тому, что сами лишаем себя радости, праздника. Так получилось и с проектом Ильяса Айдарова.

Наша морская держава имеет всего один дельфинарий. В Батуми. Для сравнения: в ФРГ их 8! Даже «сухопутная» Австрия построила знаменитый на весь мир «Дом моря». И таких примеров можно было бы привести множество. Самое обидное — создание дельфинариев в наших силах. Так не долго ли расквашиваемся?

Светлана ПОДОРВАНОВА

Уважаемые товарищи, постоянно читаю ваш журнал, и мне захотелось написать в редакцию. Я работаю переводчицей в чехословацком городе Оломоуц. Моя специальность — русский язык. Цель моей работы — расширять знания о жизни в Советском Союзе у военнослужащих нашей части. Уже во время учебы в гимназии и вузе я активно работала в Обществе чехословацко-советской дружбы, но в части, где я сейчас работаю, до сих пор не было отделения этого общества. Мне удалось его создать — еще очень маленькое, но быстро растущее. Мы хотели бы подружиться с какой-нибудь группой Общества советско-чехословацкой дружбы, хорошо бы из Волгоградской области (но это необязательно).

Мы надеемся, что такая дружба станет не только интересной, но и полезной. Но для того, чтобы наша дружба началась, надо познакомиться друг с другом. И потому прошу вас от имени нашего маленького коллектива из Общества чехословацко-советской дружбы опубликовать мое письмо. Мы уверены в том, что кто-то напишет ответ.

Соия РЫХЛА,
Набережная имени Виты Неудлого,
№ 2, г. Оломоуц 772 00, ЧССР

Прочитал статью «Цены, цены...», и сразу пришла мысль, что все те вопросы, о которых в ней идет речь, надо бы решать не в кабинетах ученых, а в производственных коллективах. Потому что профессор В. Чепланов, рассуждая о пособиях, зарплатах и налогах, добивается одного — уравниловки. Может быть, он забыл, что каждый в нашем обществе должен получать по труду? Это ведь и есть на сегодняшний день самая важная социальная задача.

В статье совершенно справедливо большое место уделяется вопросу: почему у нас в стране производство важнейших сельхозпродуктов убыточно? Ответ, кажется, знает сегодня каждый: потому что очень низка культура производства и слишком высоки закупочные цены.

И сразу на память приходит пример «архангельского мужика». Вот у кого поучиться бы некоторым руководителям колхозов и совхозов: у него себестоимость говядины уже сегодня в семь с лишним раз ниже совхозной! Сам я человек уже пожилой, повидал в этой жизни многое. Хорошо помню, что в 50—60-х годах в магазинах — причем не только в столичных, но и в других наших городах — можно было свободно купить многие товары и продукты, которые сегодня мы числим дефицитом. Хотя, конечно, наша промышленность сегодня выпускает товаров гораздо больше, чем раньше, и лучшего качества. Так в чем же дело, почему их нет в достаточном количестве на прилавках? Думаю, что все дело в кооперации, в нерасторопности наших планирующих органов. У нас явно недостает товаров для молодежи, женщин, детей. Чтобы увеличить их выпуск в нужном ассортименте и высокого качества, желательно иметь больше специализированных производств. Именно такой метод хозяйствования и поможет удешевлению их стоимости.

Не совсем вдумчиво и серьезно, мне кажется, подходит директор НИИ цен профессор В. Чепланов к вопросу формирования заработной платы. Вот он утверждает: «Повышение цен — экономическая необходимость: стоимость продуктов питания должна максимал-

но приблизиться к их реальной цене. Хватит самих себя обкрадывать...» И далее: «Всем трудящимся необходимо повысить заработную плату, студентам и учащимся — стипендии, нетрудоспособному населению — пенсии...» Получается какой-то заколдованный круг: «повышение цен...», «повысить заработную плату...» Неужто только это и подкашивает уважаемому ученому совесть, разум? Неужели надо такой «огород городить»? Да и научно ли это? Думается, подобные предложения только осложняют развитие экономики и не будут способствовать повышению жизненного уровня трудящихся. Это самообман. У нас уже сейчас многие люди часть зарплаты откладывают на сберкнижки, потому что на нее нечего купить: товаров не хватает. Товаро-денежная несбалансированность слишком велика. Так недолго и до инфляции денег дойти!

Ведь не случайно же известный писатель Чингиз Айтматов как-то сказал, что у нас «торговля на уровне каменного века». Пусть он и сгустил несколько краски, но все-таки в основном он прав: торговля еще не отвечает потребностям и духу нашего быстротекущего времени.

Что касается уровня заработной платы, то ее действительно надо повышать, причем в первую очередь это надо сделать низкооплачиваемой категории трудящихся и молодым специалистам. Молодые инженер, агроном, учитель, врач, экономист и другие специалисты испытывают большие материальные трудности, особенно при создании семьи и вообще при первых шагах самостоятельной жизни даже при ныне действующих ценах. Станет ли им легче жить, если цены на предметы и продукты первой необходимости еще вырастут? Ответ тут может быть, по-моему, однозначный.

Владимир РУДНЕВ,
пропагандист, Москва

В 23-м номере «Смены» за прошлый год в подборке материалов, посвященных учредительной конференции Советского детского фонда, опубликовано письмо Г. И. Рассадной, в котором воспитатели нашего детского дома обвиняются в антипедагогических методах обращения с детьми. Хотим отметить, что упоминаемая в письме воспитатель Фомичева уже три года не работает в детском доме. А воспитатель Р. И. Смирнова, которая, согласно версии автора, лишила детей 7-й группы порционных блюд, в 7-й группе никогда не работала, да и не могла она позволить себе так оскорбить детей, поскольку в коллективе известна как добросовестный работник, порядочный человек.

Воспитатели детского дома № 11
Москвы
Р. ВЕРИГИНА, Н. ШИМАРОВА,
всего 8 подписей

Мне трудно передать то потрясение (именно потрясение, хотя человек я не эмоциональный), которое я испытал, прочитав статью Сергея Микулика «Чемпионы с протанутой рукой» в № 7. Я сам когда-то занимался спортом, занимался серьезно, но, видимо, вовремя бросил, и поэтому меня миновала чаша сия. Хорошо помню соленый пот на тренировках, кровавые круги в глазах и тренерское «давай, давай». А в это время друзья учились в институтах, ходили в кино, то есть жили той

жизнью, которую принято называть нормальной. И в свободное время ходили на стадионы, чтобы удовлетворить «жажду зрелищ». Жизнь спортсменов их не интересовала. Ну разве только кто из знаменитостей на ком женился и какую имеет машину. Исчез кумир, и ладно. С глаз долой — из сердца вон. Сергей Микулик написал, что великий Альметов роет могилы на кладбище... А мы в это время говорим высокие слова о милосердии. Впрочем, слова говорить — занятие для нас очень привычное. Может быть, пора от слов перейти к делу? Я увидел в статье вопрос: «Люди, вам не стыдно?» Действительно, мне очень стыдно, что мы готовы помочь кому угодно, но не хотим замечать, что есть страждущие в родном доме. Пусть все-таки с Томми Лаутонном разбираются англичане, а мы должны помочь Сабонису и Ткаченко, пока это не сделали американцы, восхищавшиеся их талантом.

Я предлагаю «Смене» стать инициатором создания Фонда ветеранов спорта. Название ему можно придумать и покрасочнее, и поточнее, но суть его должна быть в том, что спортсмен, растущий с большим спортом, имеет и финансовые, и юридические, и просто человеческие гарантии своего будущего. Как это сделать? Давайте обсудим. Только не надо отдавать этот вопрос на рассмотрение «дядей» из Госкомспорта. Они неплохо существуют в этой жизни и как огня боятся всего нового, тем более что придется подумать и поработать. Утопят предложение в соглашениях и уязках. Хорошо бы взялась за это «Смена» — ей и доверия больше, а значит, и помощи. Спасибо за статью.

Андрей ХОРОВЕЦ,
Москва

Статья о культуристах направлена прежде всего против культуристов — людей, которые занимаются только накачкой мышц, но так ли плохо это занятие? Вы правы, культурист прежде всего работает на публику. Многие, занимаясь атлетизмом, бросают курить, пить, а это, поверьте, немало. Так пусть уж он лучше «работает металл», чем пьет или колется наркотиками.

А. МЕЛЕНТЬЕВ,
Пермь

Бесспорно, культуризм — это извращение своего тела, пустая накачка мышц. И он нам не присущ, культуризм — продукт капитализма, где все продается и покупается. Атлетическая гимнастика — это спорт.

Группа читателей,
Архангельск

...К сожалению, негативное отношение к атлетизму не преодолено и ныне, когда Госкомспорт СССР утвердил его как официальный вид спорта. Образована Федерация атлетизма СССР, идет формирование федераций на местах. Мне не раз приходилось беседовать с людьми, ранее не имевшими представления об атлетизме, выступать с лекциями, отвечать на сотни писем в «Советский спорт», «Спортивную жизнь России». Показательно, что все противники атлетизма (их мизерное число) либо вообще не пытались понять истинную суть этого полезного явления, либо упорно придерживались мнения, пропагандируемого невежественными людьми. Я имею в виду спе-

цифическое невежество: полнейшее незнание основ физиологии и физиологии спорта в частности, гигиены и вообще правил здорового образа жизни. Поражает, что даже считающие себя специалистами в спорте порой проявляют эти «качества». Случай, о котором хочется рассказать, произошел в ГЦОЛИФКе в 1980 году, когда после первого Всесоюзного совещания по атлетической гимнастике атлеты из Москвы, Каунаса, Таллина, Минска демонстрировали программы атлетических вольных упражнений участникам семинара. «Отличные мышцы», — раздался девичий шепот за моей спиной. «Что ты, это же дутые мышцы, они не имеют силы», — уверенно ответил ей мужской голос. Не удержавшись, я оглянулся. Широкоплечий молодой человек в спортивном костюме с эмблемой СКИФ на груди... «Извините, на каком курсе вы учитесь?» «На четвертом», — последовал ответ. «Как же вы прошли мимо того фундаментального положения физиологии, что сила мышц пропорциональна их физиологическому перерастанию?» Ответа я так и не дождался, но он витает в воздухе. Безответственно пущенное по страницам некоторых авторитетных изданий суждение о «возможности» с помощью легких отягощений и бесчисленного количества повторений «надуть» мышцы прочно утвердилось в сознании даже ряда тренеров, не говоря уже о людях, не утруждающих себя попытками понять истинные механизмы мышечной гипертрофии и сопровождающего ее роста силы.

Ошибочно и другое утверждение, бытующее среди неспециалистов, — о том, что атлеты вынуждены проводить в зале «по три — пять, а то и более часов ежедневно». Могу как методист сказать: такая работа не под силу даже тем, кого именуют профессионалами-культуристами; она просто не может быть обеспечена энергоресурсами организма. Атлеты даже в период напряженных предсоревновательных тренировок работают 4—6 раз в неделю максимум по 1,5—2 часа. Длительность наших тренировок, к сожалению, вызывается не педагогическими, а очень прозаическими причинами: теснотой залов, где к штанге образуются очереди; отсутствием элементарного промышленно производимого оборудования, которое не помешало бы, кстати, и силовой подготовке представителей других видов спорта; бездушным отношением к атлетам-энтузиастам со стороны ряда местных органов, которые предпочитают отнимать у атлетов помещения и превращать их в склады для вторсырья (это не аллегория, а факт из жизни клуба «Москвич», руководимого известным тренером В. Шубовым).

Кстати, если «профессионализм» определяется количеством часов, проводимых в зале, то как читатель расценивает интервью Людмилы Турицевой, которая несколько лет назад заявляла, что тренируется 8 (!) часов в день? Кто же из нас более «профессионал»? Не внесено ясности и в вопрос о состоянии здоровья атлетов. За двадцать лет занятий с отягощениями и общении с атлетами всех уровней — и начинающими, и опытными, и спортсменами высших уровней — я не слышал жалоб на здоровье. Конечно, я не имею в виду тех, кто пренебрегает основными законами физической культуры или пользовался сомнительными рекомендациями.

К сожалению, в статье «Бицепс для манекена?» повторяется еще один тезис, широко использовавшийся ранее: «Занятия культуризмом не требуют умственных затрат...», и это «делает его притягательным», как следует из смысла статьи, для умственно отсталых, с невысокими интеллектуальными за-

просами людей. Попробуем разобраться. Мне кажется, не случайно в ноябре 1986 года состав представителей клубов атлетической гимнастики, прибывших на соревнования на приз горкома комсомола Каунаса, выглядел следующим образом: по партийности — 23 процента членов КПСС, 15 процентов членов ВЛКСМ; по образованию — 7 процентов кандидатов наук, 63 процента с высшим образованием, 30 процентов со средним и средним специальным; по профессии: инженеры — 25 процентов, преподаватели (в том числе преподаватели физвоспитания) — 18 процентов, врачи и биологи — 10 процентов, по 5 — юристы и художники, 37 процентов — рабочие.

В состав президиума Федерации атлетизма СССР, избранного в сентябре 1987 года, вошли 3 кандидата медицинских наук, 1 кандидат технических наук, 16 специалистов с высшим образованием, из них 9 — с физкультурным, 5 — с медицинским. Такая расстановка сил естественна для нашего спорта. Чтобы быть специалистом в атлетизме, нужно быть чутким педагогом, хорошо знать теорию и методику физвоспитания, анатомию, физиологию, основы спортивной медицины, обладать хорошим эстетическим вкусом, уметь чувствовать музыку и составлять красивую хореографическую вольную программу. Что же, эти области знания не входят в интеллектуальный багаж советского человека?

Приличествует ли характеризовать жизнь атлета, даже если он и называет себя культуристом, как существование амёбы с элементарными функциями?

Давно назрела необходимость узаконить благородную работу значительного числа тренеров в атлетизме, которые, даже не имея в большинстве своем специального спортивного образования, успешно справляются со своей работой на общественных началах, а их воспитанники побеждают на самых крупных соревнованиях. Проблема и в том, что часто за руководство атлетическими клубами берутся совершенно некомпетентные люди, спекулирующие высшим спортивным образованием или званиями мастеров спорта, скажем, в тяжелой атлетике, полагая, что этого достаточно.

Переноса методики тренировки из других спортивных отраслей на атлетизм, легко скомпрометировать прекрасную идею и, что более опасно, повредить здоровью доверчивых новичков. Считаю, что лишь Федерация атлетизма СССР и федерации на местах имеют моральное право и достаточную квалификацию для того, чтобы определить, кому можно доверить работу в атлетических клубах. Помощь прессы в решении этих проблем — благороднейшая из миссий.

Итак, мы за конструктивный, честный и квалифицированный диалог!

Леонид ОСТАПЕНКО,
председатель комиссии по агитации
и пропаганде
Федерации атлетизма СССР

✉

Вы пишете, что мы тренируемся, чтобы постоять перед зеркалом или пройтись по пляжу. Слишком категорично. Да, нам приятно, когда обращают внимание на улице. Но ведь это естественное желание каждого человека выделиться из массы, и я не думаю, что это самый плохой способ достичь такой цели. Ведь люди становятся артистами, желая славы, одеваются модно, чтобы на них обращали внимание.

Анатолий БОРИСОВ, 29 лет,
Мытищи

✉

Хочу ответить на заметку Сергея Прокофьева из Ленинграда, напечатанную в 7-м номере «Смены». Заметка, в основном, правильная, судя по ней, Сергей — парень хороший. Но кое с чем согласиться не могу.

Добрых людей на свете гораздо больше, чем злых. Иначе бы человечество перестало существовать, ибо, если злых было бы больше, они уничтожили бы мир и все живое. А девушки, женщины в массе своей намного добрее мужчин по своей природе. Это, по-моему, аксиома. Девушки, Сергей, умеют любить, но они боятся любви. Слишком много перед глазами проходит примеров, когда любовь кончается на празднике. Мать-одиночка — вот частая трагедия, исход великой любви. Лучше не любить совсем или любить по сознательному расчету.

Да, девушки ждут, чтобы парень ухаживал, проявлял заботу, а вы ждете за это плату. За вашу доброту надо платить. И если бы только мелкими знаками внимания, но многим надо другое. Как распознать, что ждете вы за внимание, за маленькие подарки? Почему бы вам сразу и откровенно не сказать девушке, что у вас честные намерения? Поверьте, это сразу поставило бы все точки над «и», внесло ясность в отношения. Если девушка вам грубит, не обязательно значит, что она груба. Грубость ее может быть вынужденной. Например, если она вам нравится и если всегда будет приветливой, вы не поймете, что вы ей не нужны, вы будете надеяться, домогаться встреч, мешать ей встретить того, кого ей хочется. Лучше сразу пресесть все надежды и не заставлять вас потом страдать. Если бы перед вами стоял выбор: красивая или добрая, вы бы выбрали добрую. Вот и попытайтесь счастья с некрасивыми, они не избалованы мужским вниманием, они оценят вашу заботу, отгают. Один мой знакомый, вполне хороший парень, спортсмен, женился на девушке на костылях — инвалиде детства. Он по-настоящему добрый человек. Хватало бы у вас на это доброты? всю жизнь не просто помогать жене, а делать в основном все самому. А ведь девушки часто выходят замуж за инвалидов, хотя бы за парней, сражавшихся в Афганистане. Многие ли из вас, молодых людей, способны на брак с инвалидом? Подумайте и решите, кто же все-таки добрее.

Любовь БИЦУК,
г. Пикалево Ленинградской области

✉

Самые первые годы жизни — самые важные; на восемьдесят процентов личность формируется до пяти лет. А в разговорах о реформе воспитания и образования (и главное — в жизни) мы уделяем малышам одну сотую процента внимания...

Детских садов не хватает; многие из них так бедны, что родителям приходится приносить из дому свои игрушки; есть повара, обслуживающие детей, и воспитательницы, нарочно простужающие ребятшек, — это все так, но разговор не об этом. Даже если садик хорошо оборудован и там работают честные, любящие детей воспитатели, то все равно это далеко не «центр воспитания». Скорее, камера хранения для малышей, пока мамы работают.

О каком воспитании-образовании может идти речь, если на двоих взрослых приходится в группе 25, а то и 30 детей?! Всех их одеть-раздеть (на прогулку, сон), принести еду, накормить, уложить... А еще: отчеты, справки, жиров-

ки, характеристики на каждого ребенка (зачем они?! — гора всякой писанины, на которую нужно потратить два-три часа ежедневно... Где время, чтобы обрести внимание на личность малыша?

А ведь они такие разные!.. Один шустрый, легко загорающийся, обидчивый, ранимый. Другой флегматичный, рассудительный. Третий — хитренький тихоня... И все, все талантливы. Один — отлично лепит, другой — организатор, в центре всех забав, третий — прекрасно собирает из кубиков... А мы ко всем с одной меркой — и к потенциальному Родену, и к возможному Туполеву. Какой там индивидуальный подход!.. Нет, нет времени. И потому: «Подъем!.. Быстро одеваться!.. Взять стульчики!.. Сели!.. Начали есть!..». Чувствуете стиль? Да, тот самый, казарменный, или, как мы тактично говорим сегодня, административно-командный. Самое главное — послушание. С юных лет воспитываем в человеке рабскую психологию винтика. Взрослый «главнее» не потому, что мудр, а потому, что приказывает. Подходящая психология для тридцатых или для семидесятых годов. Но на пороге-то девяностых, и перестройке нужны не солдаты, а творцы!

Мало что могут сделать для воспитания в своем сыне или дочке личности родители. Прежде всего — как? Каждый день у родителей новые тревоги и вопросы (я сама молодая мама): вдруг ребенок стал ломать игрушки, или плохо есть, или грубо ругаться, или бояться темноты, или закатывать истерики, или мучить кошку... продолжать можно до бесконечности. Недавно прочла: 82 процента наших детей неправильно (методически) укладывают спать, 72 процента — неправильно кормят... А как — правильно? Кто подскажет? Детский врач? У нас в поликлинике очередь на два-три часа — какие уж там советы, успеть бы больничный закрыть... С доктором Споком проконсультироваться? Его книгу не сыщешь и за большие деньги. А большинство пособий для родителей по своей суконности напоминают скорее инструкцию к швейной машинке... Радостно было в свое время услышать, что писатель Распутин отказался от печатания своей книги в пользу историков Соловьева и Ключевского. Может быть, знаменитые авторы издательства «Малыш» и «Детская литература» отдадут часть своих тиражей доктору Споку или Никитиним?.. Наверное, лучшим советчиком должна быть, по идее, воспитательница, но многие из нас не имеют специальных знаний (я, например, по образованию учитель истории; работают в садиках и инженеры, и маляры...). И хотелось бы понаблюдать пристально за ребенком, что-то посоветовать родителям, да нет времени.

Вы, наверное, понимаете, куда я клону. Нужна специальная Программа Помощи Детству. И в ее рамках нужно, в частности, не только строить детские сады и оборудовать их, но и ограничить число воспитанников в группах до семисьюми (хотя бы). Мне сразу скажут: «Это ж сколько надо денег, где их взять?!» Старая песня!.. Сколько лет ее слышим!..

Екатерина ЕРМОЛАЕВА,
воспитатель детсада, Москва

✉

Министерство социального обеспечения Белорусской ССР обсудило статью «А время уходит» (журнал «Смена» № 22 за 1987 год) и готово поделиться своими планами по затронутой в публикации проблеме.

Ежегодно инвалидами в республике становится 40—45 тысяч человек, а их социально-трудоустройство реабилитация из

года в год усложняется, особенно в период перехода предприятий на самофинансирование и самоокупаемость. Мы видим выход в создании общества инвалидов по образу и подобию Белорусских обществ глухих и слепых. Уже создана инициативная группа в Минске, формируются такие группы во всех областных центрах. Инвалидами разработан проект устава нового формирования, который направлен в облсоветы для широкого обсуждения с инвалидами. О работе по созданию общества говорилось по республиканскому телевидению, готовится передача по радио. По нашим расчетам, Белорусское общество инвалидов (БелОИ) может быть создано в ближайшие 6—8 месяцев.

В республике уже действует Федерация физической культуры и спорта инвалидов. Возглавил ее директор НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов доктор медицинских наук Э. И. Зборовский.

Проблем действительно накопилось много, но у всех заинтересованных организаций есть хорошее желание сделать все возможное, чтобы инвалиды стало легче жить, работать и отдыхать.

**Заместитель министра
социального обеспечения
Белорусской ССР
В. М. КОНОВАЛОВ**

✉

Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР рассмотрело статью «А щепки все летят», опубликованную в № 24 за 1987 год, и считает правильными высказанные в ней критические замечания.

Министерство разработало программу дальнейшего развития лесопромышленного производства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и приступило к ее практическому осуществлению.

В 1988—1993 годах будут расширены Ленинский, Тугурский и Средне-Амгунский леспромпхозы в Хабаровском крае, в которых организуется производство технологической щепы из отходов лесозаготовок и низкокачественной древесины для целлюлозно-бумажной промышленности, выпуск древесных плит в объеме около 100 тыс. кубометров.

С 1990 года начнется расширение Амурского лесопильно-деревообрабатывающего комбината. В 13-й пятилетке предусмотрена реконструкция Хурмулинского домостроительного завода; принято решение о расширении Амурского целлюлозно-картонного комбината. В 1989 году будет завершено строительство Ларбинского леспромпхоза в Амурской области, в котором предусмотрен ежегодный выпуск более 100 тыс. кубометров технологической щепы из отходов лесозаготовок и низкокачественной древесины. В той же области в 13-й пятилетке будет введен в строй завод древесноволокнистых плит в пос. Февральском и домостроительный завод арболитовых изделий. Все это позволит увеличить использование низкокачественной древесины и технологической щепы из древесных отходов.

Кроме того, предусмотрены реконструкция и техническое перевооружение ряда действующих предприятий и цехов.

Упомянутые в статье условно-сплошные рубки на лесозаготовительных предприятиях министерства в Амурской области прекращены.

Г. Л. МЕДВЕДЕВ,
заместитель министра

За поворотом, в глубине
Лесного лога
Готово будущее мне
Верней залага.
Его уже не втянешь в спор
И не заластишь,
Оно распахнуто, как бор,
Все вглубь, все настезь.
Борис ПАСТЕРНАК
Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи,
Вверх, до самых высот!
ИССА, сын крестьянина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕЦ

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и проросло грубым мохом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Перец сбросил сандалии и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажные, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана собранные камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, равнодушное, глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло — не шевельнулись никакие веки и никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

Если бросать по камешку каждые полторы минуты и если правда то, что рассказывала одноногая повараха по прозвищу Казалунья и предполагала мадам Бардо, начальница группы Помощи местному населению; и если неправда то, о чем шептались шофер Тузик с неизвестным из группы Инженерного проникновения; и если чего-нибудь стоит человеческая интуиция; и если исполняются хоть раз в жизни ожидания, тогда на седьмом камешке кусты позади с треском раздвинутся, и на полянку, на мятую траву, седую от росы, ступит директор, голый по пояс, в серых габардиновых брюках с лиловым кантом, шумно дышащий, лоснящийся, желто-розовый, мохнатый, и ни на что не глядя, ни на лес под собой, ни на небо над собой, пойдет сгибаться, погружая широкие ладони в траву, и разгибаться, поднимая ветер размахами широких ладоней, и каждый раз мощная складка на его животе будет накачивать сверху на брюки, а воздух, насыщенный углекислотой и никотином, будет со свистом и клочкотанием вырываться из разинутого рта. Как подводная лодка, продувающая цистерны. Как сернистый гейзер на Парамушире...

Кусты позади с треском раздвинулись. Перец осторожно оглянулся, но это был не директор, это был знакомый человек Клавдий-Октавиан Домароцинер из группы Искоренения. Он медленно приблизился и остановился в двух шагах, глядя на Перца сверху вниз пристальными темными глазами. Он что-то знал или подозревал, что-то очень важное, и это знание или подозрение сковывало его длинное лицо, окаменевшее лицо человека, принесшего сюда, к обрыву, странную тревожную новость; еще никто в мире не знал этой новости, но уже ясно было, что все решительно изменилось, что все прежнее отныне больше не имеет значения и от каждого наконец потребуется все, на что он способен.

— А чьи же это туфли? — спросил он и огляделся.
— Это не туфли, — сказал Перец. — Это сандалии.
— Вот как? — Домароцинер усмехнулся и потянул из кармана большой блокнот. — Сандалии? Очень хорошо. Но чьи это сандалии?

Он придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

— Человек сидит у обрыва, — сказал он, — и рядом с ним сандалии. Неизбежно возникает вопрос: чьи это сандалии и где их владелец?

— Это мои сандалии, — сказал Перец.

— Ваши? — Домароцинер с сомнением посмотрел на большой блокнот. — Значит, вы сидите босиком? Почему? — Он решительно спрятал большой блокнот и извлек из заднего кармана малый блокнот.

— Босиком, потому что иначе нельзя, — объяснил Перец. — Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. — Он нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени. — Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком...

— Минуточку!

Домароцинер проворно поймал его за руку и оторвал камешек.

— Действительно, простой камень, — сказал он. — Но это пока ничего не меняет. Непонятно, Перец, почему это вы меня обманываете. Ведь туфлю отсюда увидеть нельзя, даже если она действительно там, а там ли она — это особый вопрос, которым мы займемся попозже, — а раз туфлю увидеть нельзя, значит, вы не можете рассчитывать попасть в нее камнем, даже если бы вы обладали соответствующей меткостью и действительно хотели бы этого и только этого: я имею в виду попадание... Но мы все это сейчас выясним.

Он сунул малый блокнот в нагрудный карман и снова достал большой блокнот. Потом он подпернул брюки и присел на корточки.

— Итак, вы вчера тоже были здесь, — сказал он. — Зачем? Почему вы вот уже вторично пришли на обрыв, куда остальные сотрудники Управления, не говоря уже о внештатных специалистах, ходят разве для того, чтобы справиться нужду?

Перец сжался. Это просто от невежества, подумал он. Нет, нет, это не вызов и не злоба, этому не надо придавать значения. Это просто невежество. Невежеству не надо придавать значения, никто не придает значения невежеству. Невежество испражняется в лесу. Невежество всегда на что-нибудь испражняется, и, как правило, этому не придают значения. Невежество никогда не придавало значения невежеству...

— Вам, наверное, нравится здесь сидеть, — вкрадчиво продолжал Домароцинер. — Вы, наверное, очень любите лес. Вы его любите? Отвечайте!

— А вы? — спросил Перец.

Домароцинер шмыгнул носом.

— А вы не забываетесь, — сказал он обиженно и раскрыл блокнот. — Вы прекрасно знаете, где я состою, а я состою в группе Искоренения, и поэтому ваш вопрос, а вернее, контрвопрос абсолютно лишен смысла. Вы прекрасно понимаете, что мое отношение к лесу определяется моим служебным долгом, а вот чем определяется ваше отношение к лесу — мне не ясно. Это нехорошо, Перец, вы обязательно подумайте об этом, советую вам для вашей же пользы, не для своей. Нельзя быть таким непонятным. Сидит над обрывом, босиком, бросает камни... Зачем, спрашивается? На вашем месте я бы прямо рассказал мне все. И все расставил бы на свои места. Откуда вы знаете,

может быть, есть смягчающие обстоятельства, и вам в конечном счете ничего не грозит. А, Перец? Вы же взрослый человек и должны понимать, что двусмысленность неприемлема. — Он закрыл блокнот и подумал. — Вот, например, камень. Пока он лежит неподвижно, он прост, он не внушает сомнений. Но вот его берет чья-то рука и бросает. Чувствуете?

— Нет, — сказал Перец. — То есть, конечно, да.

— Вот видите. Простота сразу исчезает, и ее больше нет. Чья рука? — спрашиваем мы. — Куда бросает? Или, может быть, кому? Или, может быть, в кого? И зачем?.. И как это вы можете сидеть на краю обрыва? От природы это у вас или вдруг вы специально тренировались? Я, например, на краю обрыва сидеть не могу. И мне страшно подумать, ради чего бы это я стал тренироваться. У меня голова кружится. И это естественно. Человеку вообще незачем сидеть на краю обрыва. Особенно, если он не имеет пропуска в лес. Покажите мне, пожалуйста, ваш пропуск, Перец.

— У меня нет пропуска.

— Так. Нет. А почему?

— Не знаю... Не дают вот.

— Правильно, не дают. Нам это известно. А вот почему не дают? Мне дали, ему дали, им дали и еще многим, а вам почему-то не дают.

Перец осторожно покосился на него. Длинный тощий нос Домароцинера шмыгал, глаза часто мигали.

— Наверное, потому что я посторонний, — предположил Перец. — Наверное, поэтому.

— И ведь не только я вами интересуюсь, — продолжал Домароцинер доверительно. — Если бы только я! Вами интересуются люди и поважнее... Слушайте, Перец, может быть, вы отсыдете от обрыва, чтобы мы могли продолжать? У меня голова кружится смотреть на вас.

— Это потому, что вы нервный, — сказал он. — Не будем мы продолжать. В столовую пора, опоздаем. Домароцинер посмотрел на часы.

— Действительно, пора, — сказал он. — Что-то я улекся сегодня. Всегда вы меня, Перец, как-то... не знаю даже, что сказать.

Перец запрыгал на одной ноге, натягивая сандалию.

— Ох, да отойдите же вы от края! — страдальчески закричал Домароцинер, махая на Перца блокнотом. — Вы меня убьете когда-нибудь своими выходками!

— Уже все, — сказал Перец, притопывая. — Больше не буду. Пошли?

— Пошли, — сказал Домароцинер. — Но я констатирую, что вы не ответили ни на один мой вопрос. Вы меня очень огорчаете, Перец. Разве так можно? — Он посмотрел на большой блокнот и, пожав плечами, сунул под мышку. — Странно даже. Решительно никаких впечатлений, я уже не говорю об информации. Сплошная неясность.

— Так, а что отвечать? — сказал Перец. — Просто мне нужно было здесь поговорить с директором.

Домароцинер замер, словно застряв в кустах.

— Ах, вот как это у вас делается, — сказал он изменившимся голосом.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

УНИТА НА СКАМЬЕ

— Что делается? Ничего не делается...

— Нет-нет, — шепотом сказал Домарощинер, озираясь. — Молчите и молчите. Не надо никаких слов. Я уже понял. Вы были правы.

— Что вы поняли? В чем это я прав?

— Нет-нет, я ничего не понял. Не понял, и все. Вы можете быть совершенно спокойны. Не понял и не понял. И вообще я здесь не был и вас не видел. Я, если хотите знать, все утро просидел на этой скамеечке. Очень многие могут подтвердить. Я поговорю, я попрошу.

Они миновали скамеечку, поднялись по выщербленным ступеням, свернули на аллею, посыпанную мелким красным песком, и через ворота вступили на территорию Управления.

— Полная ясность может существовать лишь на определенном уровне, — говорил Домарощинер. — И каждый должен знать, на что он может претендовать. Я претендовал на ясность на своем уровне, это мое право, и я исчерпал его. А там, где кончаются права, там начинаются обязанности, и смею вас уверить, что свои обязанности я знаю так же хорошо, как и права...

Они прошли мимо десятиквартирных коттеджей с тюлевыми занавесками на окнах, миновали гараж, крытый гофрированным железом, пересекли спортивную площадку, где на столбах одиноко висела дырявая волейбольная сетка, и пошли мимо склада, возле которых такелажники стаскивали с грузовика громадный красный контейнер, мимо гостиницы, в дверях которой стояя с портфелем болезненно-бледный комендант с неподвижными выпученными глазами, вдоль длинного забора, за которым скрежетали двигатели, они шли все быстрее, потому что времени оставалось мало, и Домарощинер уже больше ничего не говорил, а только задыхался и сипел, потом они побежали, и все-таки, когда они ворвались в столовую, было уже поздно, и все места были заняты, только за дежурным столиком в дальнем углу оставалось еще два места, а третье занимал шофер Тузик, и шофер Тузик, заметив, что они в нерешительности топчутся у порога, помахал им вилкой, приглашая к себе.

Все пили кефир, и Перец тоже взял себе кефира, так что у них на столе на заскорузлой скатерти выстроилось шесть бутылок, а когда Перец задвигал под столом ногами, устраиваясь поудобнее на стуле без сиденья, звякнуло стекло, и в проход между столиками выкатилась бутылка из-под бренди. Шофер Тузик ловко подхватил ее и засунул обратно под стол, и там снова звякнуло стекло.

— Вы поосторожнее ногами, — сказал он.

— Я нечаянно, — сказал Перец. — Я же не знал.

— А я знал? — возразил шофер Тузик. — Их там четыре штуки, доказывая потом, что ты не домкрат.

— Ну я, например, вообще не пью, — с достоинством сказал Домарощинер. — Так что ко мне это вообще не относится.

— Знаем мы, как вы не пьете, — сказал Тузик. — Так-то и мы не пьем.

— Но у меня печень большая! — забеспокоился До-

марощинер. — Как вы можете? Вот справка, прошу...

Он выхватил откуда-то и сунул под нос Перецу мятый тетрадный листок с треугольной печатью. Это действительно была справка, написанная неразборчивым медицинским почерком. Перец различил только одно слово: «антабус», а когда, заинтересовавшись, попытался взять бумагу, Домарощинер не дал и под-сунул ее под нос шоферу Тузику.

— Это самая последняя, — сказал он. — А есть еще за прошлый год и за позапрошлый, только они у меня в сейфе.

Шофер Тузик справку смотреть не стал. Он выцедил полный стакан кефира, помотал головой, понюхал су-став указательного пальца и, прослезившись, сказал севшим голосом:

— Вот, например, что еще бывает в лесу? Деревья. — Он вытер рукавом глаза. — Но на месте они не стоят: прыгают. Понял?

— Ну-ну? — жадно спросил Перец. — Как так — прыгают?

— А вот так. Стоит оно неподвижно. Дерево, одним словом. Потом начинает корчиться, корячиться и как даст! Шум, треск, не разбери-поймешь. Метров на десять. Кабину мне помяло. И опять стоит.

— Почему? — спросил Перец.

Он очень ясно представлял это себе. Но оно, конечно же, не корчилось и не корячилось, оно начинало дрожать, когда к нему приближались, и старалось уйти. Может быть, ему было противно. Может быть, страшно.

— Почему оно прыгает? — спросил он.

— Потому что называется: прыгающее дерево, — объяснил Тузик, наливая себе кефира.

— Вчера прибыла партия новых электропил, — сообщил Домарощинер, облизывая губы. — Феноменальная производительность. Я бы даже сказал, что это не пилы, это пилящие комбайны. Наши пилящие комбайны искоренения.

А вокруг все пили кефир — из граненых стаканов, из жестяных кружек, из кофейных чашечек, из свернутых бумажных кулчков, прямо из бутылок. Ноги у всех были засунуты под стулья. И все, наверное, могли предъявить справки о болезнях печени, желудка, двенадцатиперстной кишки. И за этот год, и за прошлые годы.

— А потом меня вызывает менеджер, — продолжал Тузик в повышенном тоне, — спрашивает, почему у меня cabina памяти. Опять, говорит, стеревец, налево ездил? Вы вот, пан Перец, играете с ним в шахматы, замолвили бы за меня словечко, он вас уважает, часто о вас говорит... Перец, говорит, это, говорит, фигура! Я, говорит, для Переца машины не дам, и не просите. Нельзя такого человека отпускать. Поймите же, говорит, дураки, нам же без него тошно будет! Замолвите, а?

— Х-хорошо, — упавшим голосом произнес Перец. — Я попробую. Только как же это он... машину?

— С менеджером могу поговорить я, — сказал Домарощинер. — Мы вместе служили, я был капитаном, а он был у меня лейтенантом. Он до сих пор приветствует меня прикладыванием руки к головному убору.

— Потом еще есть русалки, — сказал Тузик, держа на весу стакан с кефиром. — В больших чистых озерах. Они там лежат, пан Перец, Голье.

— Это вам, Туз, померещилось от вашего кефира, — сказал Домарощинер.

— А я их сам и не видел, — возразил Тузик, поднося стакан к губам. — Но и воду из этих озер пить нельзя.

— Вы их не видели, потому что их нет, — сказал Домарощинер. — Русалки — это мистика.

— Сам ты мистика, — сказал Тузик, вытирая глаза рукавом.

— Подождите, — сказал Перец. — Подождите. Тузик, вы говорите, они лежат... А еще что? Не может быть, чтобы они просто лежали, и все.

Возможно, они живут под водой и выплывают на поверхность, как мы выходим на балкон из прокуренных комнат в лунную ночь и, закрыв глаза, подставляем лицо прохладе, и тогда они могут просто лежать. Просто лежать, и все. Отдыхать. И лениво переговариваться и улыбаться друг другу...

— Ты со мной не спорь, — сказал Тузик, рассматривая Домарощинера в упор. — Ты в лесу-то когда-нибудь был? Не был ведь в лесу-то ни разу, а туда же.

— И глупо, — сказал Домарощинер. — Что мне в вашем лесу делать? У меня пропуск есть в ваш лес. А вот у вас, Туз, никакого пропуска нет. Покажите-ка мне, пожалуйста, ваш пропуск, Туз.

— Я сам этих русалок не видел, — повторил Тузик, обращаясь к Перецу. — Но я в них вполне верю. Потому что ребята рассказывают. И даже Кандид вот рассказывал. А уж Кандид про лес знал все. Он в этот лес как к своей бабе ходил, все там знал на оцупь. Он и погиб там, в этом лесу.

— Если бы погиб, — сказал Домарощинер значительно.

— Чего там «если бы». Улетел человек на вертолете, и три года о нем ни слуху ни духу. В газете траурное извещение было, поминки были, чего тебе еще? Разбился Кандид, конечно.

— Мы слишком мало знаем, — сказал Домарощинер, — чтобы утверждать что-либо со всей категоричностью.

Тузик плюнул и пошел к стойке взять еще бутылку кефира. Тогда Домарощинер нагнулся к уху Переца и, бегая глазами, прошептал:

— Имейте в виду, что относительно Кандида было закрытое распоряжение... Я считаю себя вправе информировать вас, потому что вы — человек посторонний...

— Какое распоряжение?

— Считать его живым, — гулко прошептал Домарощинер и отодвинулся. — Хороший, свежий кефир сегодня, — произнес он громко.

В столовой подняли шум. Те, кто уже позавтракал, вставали, двигая стульями, и шли к выходу, громко разговаривая, закуривали и бросали спички на пол. Домарощинер злобно озирался и всем, кто проходил мимо, говорил: «Как-то странно, господа, вы же видите, мы беседуем...»

Когда Тузик вернулся с бутылкой, Перец сказал ему:

— Неужели менеджер серьезно говорил, что не даст мне машину? Наверное, он просто шутил?

— Почему шутил? Он же вас, пан Перец, очень любит, ему без вас тошно, и отпускать вас отсюда ему просто-таки невыгодно... Ну, отпустит он вас, ну и что ему от этого? Какие уж тут шутки.

Перец закусил губу.

— Как же мне уехать? Мне здесь делать больше нечего. И виза кончается. И потом я просто хочу уже уехать.

— Вообще, — сказал Тузик, — если вы получите три строгача, вас отсюда выпрут в два счета. Специальный автобус дадут, шофера среди ночи поднимут, вещичек собрать не успеете... Ребята у нас как делают? Первый строгач — и понижают его в должности. Второй строгач — посылают в лес, грехи замаливать. А третий строгач — с приветом, до свидания. Если, скажем, я захочу уволиться, выпью я полбанки и дам вот этому по морде. — Он показал на Домарощинера. — Сразу мне снимают награды и переводят меня на дерьмовоз. Тогда я что? Выпиваю еще полбанки и даю ему по морде второй раз, пан Перец? Тут меня снимают с дерьмовоза и отсылают на биостанцию ловить всяких там микробов. Но я на биостанцию не еду, а выпиваю еще полбанки и даю ему по морде в третий раз. Вот тогда уже все. Уволен за хулиганские действия и выслан в двадцать четыре часа.

Домарощинер погрозил Тузику пальцем.

— Дезинформируете, дезинформируете, Туз. В первых, между действиями должно пройти не менее месяца, иначе все проступки будут рассматриваться как один, и нарушителя просто поместят в карцер, не давая никакого хода его делу внутри самого Управления. Во-вторых, после второго проступка виновного отправляют в лес немедленно в сопровождении охранника, так что он будет лишен возможности произвести третий проступок по своему усмотрению. Вы его не слушайте, Перец, он в этих проблемах не разбирается.

Тузик отхлебнул кефира, сморщился и крикнул.

— Это верно, — признался он. — Тут я, пожалуй, действительно... того. Вы уж извините, пан Перец.

— Да нет, что уж... грустно сказал Перец. — Все равно я не могу ни с того ни с сего бить человека по физиономии.

— Так ведь обязательно же по этой... по морде, — сказал Тузик. — Можно, например, и по этой... по заднице. Или просто костюм на нем порвать.

— Нет, я так не умею, — сказал Перец.

— Тогда плохо, — сказал Тузик. — Тогда вам беда, пан Перец. Тогда мы вот как сделаем. Вы завтра утром часикам к семи приходите в гараж, садитесь там в мою машину и ждите. Я вас отвезу.

— Правда? — обрадовался Перец.

— Ну. Мне завтра с утра на Материк ехать, железный дом везти. Вместе и поедем.

В углу кто-то вдруг страшно закричал: «Ты что наделал? Ты суп мой пролил!»

— Человек должен быть простым и ясным, — сказал Домарощинер. — Не понимаю я, Перец, почему это вы хотите отсюда уехать? Никто не хочет уехать, а вы хотите.

— У меня всегда так, — сказал Перец. — Я всегда делаю наоборот. И потом, почему это обязательно человек должен быть простым и ясным?

— Человек должен быть непьющим, — заявил Тузик, нюхая сустав указательного пальца. — Скажешь, нет?

— Я не пью, — сказал Домарощинер. — И не пью я по очень простой и каждому ясной причине: у меня большая печень. Так что вы меня, Туз, не поймаете.

— Что меня в лесу удивляет, — сказал Тузик, — так это болота. Они горячие, понял? Я этого не выношу. Никак я привыкнуть не могу. Вдохнешься где-нибудь, снесет с гати, и вот сижу я в кабине и вылезу не могу. Как ши горячие. Пар идет, и пахнет щами, я даже хлебать пробовал, только невкусно, соли там не хватает, что ли... Не-ет, лес — это не для человека. И чего они там не видели? И гонят, и гонят технику, как в прорубь, она там тонет, а они еще выписывают, она тонет, а они еще...

Зеленое пахучее изобилие. Изобилие красок, изобилие запахов. Изобилие жизни. И все чужое. Чем-то знакомое, кое в чем похожее, но по-настоящему чужое. Наверное, труднее всего примириться с тем, что оно и чужое, и знакомое одновременно. С тем, что оно — производное от нашего мира, плоть от плоти нашей, но порвавшее с нами и не желающее нас знать. Наверное, так мог бы думать литекантроп о нас, о своих потомках — с горечью и со страхом...

— Когда выйдет приказ, — провозгласил Домарощинер, — мы двинем туда на ваши паршивые бульдозеры и вездеходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в... э-э... в бетонированную площадку, сухую и ровную.

— Ты превратишь, — сказал Тузик. — Тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь. Для ясности.

Густо загудел гудок. В окнах задрезались стекла, и сейчас же над дверью грянул мощный звонок, замигали огни на стенах, а над стойкой вспыхнула крупная надпись: «Вставай, выходи!» Домарощинер торопливо поднялся, перевел стрелку на ручных часах и, не говоря ни слова, бросился бежать.

— Ну, я пойду, — сказал Перец. — Работать пора.

— Пора, — согласился Тузик. — Самое время.

Он скинул стеганку, аккуратно скатал ее и, сдвинув стулья, улегся, подложив стеганку под голову.

— Значит, завтра в семь? — сказал Перец.

— Что? — спросил Тузик сонным голосом.

— Завтра в семь я приду.

— Куда это? — спросил Тузик, ворочаясь на стульях. — Разъезжаются подлые, — пробормотал он. — Сколько раз я им говорил: поставьте диван...

— В гараж, — сказал Перец. — К вашей машине.

— А-а... Ну приходите, приходите, там посмотрим. Трудное это дело.

Он поджал ноги, сунул ладони под мышки и засопел. Руки у него были волосатые, а под волосами виднелась татуировка. Там было написано: «Что нас губит» и «Только вперед». Перец пошел к выходу.

Он переправился по дощечке через огромную лужу на заднем дворе, обогнул курган пустых консервных банок, пролез сквозь щель в дощатом заборе и через служебный подъезд вошел в здание Управления. В коридорах было холодно и темно, пахло табачным перегаром, пылью, лежалыми бумагами. Никого нигде не было, из-за обитых дерматином дверей ничего не было слышно. По узкой лестничке без перил, придерживаясь за обшарпанную стену, Перец поднялся на второй этаж и подошел к двери, над которой вспыхивала и гасла надпись: «Помой руки перед работой!». На двери красовалась большая черная буква «М». Перец толкнул дверь и испытал некоторое потрясение, обнаружив, что попал в свой кабинет. То есть, конечно, это был не его кабинет, это был кабинет Кима, начальника группы Научной охраны, но в этом кабинете Перцу поставили стол, и теперь этот стол стоял сбоку от двери и кафельной стены, и полстола занимал, как всегда, зачехленный «мерседес», а у большого отмытого окна стоял стол Кима, а сам Ким уже работал: сидел, согнувшись, и смотрел на логарифмическую линейку.

— Я хотел руки помыть... — сказал Перец растерянно.

— Помой, помой, — сказал Ким, мотнув головой. — Вот тебе умывальники. Теперь будет очень удобно. Теперь все к нам ходить будут.

Перец подошел к умывальнику и стал мыть руки. Он мыл руки холодной и горячей водой, двумя сортами мыла и специальной жиропоглощающей пастой, тер их мочалкой и несколькими щеточками различной степени жесткости. Затем он включил электросушилку и некоторое время держал розовые влажные руки в завывающем потоке теплого воздуха.

— В четыре утра всем объявили, что нас переведут на второй этаж, — сказал Ким. — А ты где был? У Алевтины?

— Нет, я был на обрыве, — сказал Перец, усаживаясь за свой стол.

Дверь распахнулась, в помещение стремительно вошел Проконсул, помахал приветственно портфелем и скрылся за кулисой. Было слышно, как скрипнула дверца кабинки и щелкнула задвижка. Перец снял чехол с «мерседеса», посидел неподвижно, а потом подошел к окну и распахнул его.

Лес отсюда не был виден, но лес был. Он был всегда, хотя увидеть его можно было только с обрыва. В любом другом месте Управления его всегда что-нибудь заслоняло. Его заслоняли кремевые здания механических мастерских и четырехэтажный гараж для личных автомобилей сотрудников. Его заслоняли

скотные дворы подсобного хозяйства и белье, развешенное возле прачечной, где постоянно была сломана сушильная centrifуга. Его заслонял парк с клумбами и павильонами, с чертовым колесом и гипсовыми купальницами, покрытыми карандашными надписями. Его заслоняли коттеджи с верандами, увитыми плющом, и с крестами телевизионных антенн. А отсюда, из окна второго этажа, лес не был виден из-за высокой кирпичной ограды, пока еще не достроенной, но уже очень высокой, которая воздвигалась вокруг плоского одноэтажного здания группы Инженерного проникновения. Лес можно было видеть только с обрыва, но и испражняться на лес можно было только с обрыва.

Но даже человек, который никогда в жизни не видел леса, ничего не слышал о лесе, не думал о нем, не боялся леса и не мечтал о лесе, даже такой человек мог легко догадаться о существовании его уже просто потому, что существовало Управление.

«Вот я очень давно думал о лесе, спорил о лесе, видел его в моих снах, но я даже не подозревал, что он существует в действительности. И я уверился в его существовании не тогда, когда впервые вышел на обрыв, а когда прочел надпись на вывеске возле подъезда: «Управление по делам леса». Я стоял перед этой вывеской с чемоданом в руке, пыльный и высохший после длинной дороги, читал и перечитывал ее и чувствовал слабость в коленях, потому что знал теперь, что лес существует, а значит, все, что я думал о нем до сих пор, — игра слабого воображения, бледная, немощная ложь. Лес есть, и это огромное мрачноцветное здание занимается его судьбой...»

— Ким, — сказал Перец, — неужели я так и не попаду в лес? Ведь я завтра уезжаю.

— А ты действительно хочешь туда попасть? — спросил Ким рассеянно.

Зеленые горячие болота, нервные, пугливые деревья, русалки, отдыхающие на воде под луной от своей таинственной деятельности в глубинах, осторженные, непонятные аборигены, пустые деревни...

— Не знаю, — сказал Перец.

— Тебе туда нельзя, Перчик, — сказал Ким. — Туда можно только людям, которые никогда о лесе не думали. Которым на лес всегда было наплевать. А ты слишком близко принимаешь его к сердцу. Лес для тебя опасен, потому что он тебя обманет.

— Наверное, — сказал Перец. — Но ведь я приехал сюда только для того, чтобы повидать его.

— Зачем тебе горькие истины? — сказал Ким. — Что ты с ними будешь делать? И что ты будешь делать в лесу? Плакать о мечте, которая превратилась в судьбу? Молиться, чтобы все было не так? Или, чего доброго, возмемься переделывать то, что есть, в то, что должно быть?

— А зачем же я сюда приезжал?

— Чтобы убедиться. Неужели ты не понимаешь, как это важно: убедиться? Другие приезжают для другого. Чтобы обнаружить в лесу кубометры дров. Или найти бактерию жизни. Или написать диссертацию. Или получить пропуск, но не для того, чтобы ходить в лес, а просто на всякий случай: когда-нибудь пригодится, да и не у всех есть. А предел поползновения — извлечь из леса роскошный парк, как скульптор извлекает статую из глыбы мрамора. Чтобы потом этот парк стричь. Из года в год. Не давать снова ему стать лесом.

— Уехать бы мне отсюда, — сказал Перец. — Нечего мне здесь делать. Кому-то надо уехать, либо мне, либо вам всем.

— Давай умножать, — сказал Ким, и Перец сел за свой стол, нашел наспех сделанную розетку и включил «мерседес».

— Семьсот девяносто три пятьсот двадцать два на двести шестьдесят шесть ноль одиннадцать...

«Мерседес» застучал и задергался. Перец подождал, пока он успокоится, и, запинаясь, прочитал ответ.

— Так. Погаси, — сказал Ким. — Теперь шестьсот девяносто восемь триста двенадцать подели мне на десять пятнадцать...

Ким диктовал цифры, а Перец набирал их, нажимал на клавиши умножения и деления, складывал, вычитал, извлекал корни, и все шло, как обычно.

— Двенадцать на десять, — сказал Ким. — Умножить.

— Один ноль ноль семь, — механически продиктовал Перец, а потом спохватился и сказал: — Слушай, он ведь врет. Должно быть сто двадцать.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказал Ким. — Один ноль ноль семь, — повторил он. — А теперь извлеки мне корень из десяти ноль семь...

— Сейчас, — сказал Перец.

Снова щелкнула задвижка за кулисой, и появился Проконсул, розовый, свежий и удовлетворенный. Он стал мыть руки, напевая при этом приятным голосом «Аве Мария». Потом он провозгласил:

— Какое же это все-таки чудо — лес, господа мой! И как преступно мало мы говорим и пишем о нем!

А между тем он достоин того, чтобы о нем писать. Он облагораживает, он будит высшие чувства. Он способствует прогрессу. Он сам подобен символу прогресса. А мы никак не можем пресечь распространение нека-

лифицированных слухов, побасенок, анекдотов. Пропаганда леса, по существу, не ведется. О лесе говорят и думают черт-те что...

— Семьсот восемьдесят пять умножь на четыреста тридцать два, — сказал Ким.

Проконсул повысил голос. Голос у него был сильный и хорошо поставленный — «мерседеса» не стало слышно.

— «Живем как в лесу»... «Лесные люди»... «Из-за деревьев не видно леса»... «Кто в лес, тот по дрова»... Вот с чем мы должны бороться! Вот что мы должны искоренять. Скажем, вы, мсье Перец, почему вы не боретесь? Ведь вы могли бы сделать в клубе обстоятельный, целенаправленный доклад о лесе, а вы его не делаете. Я давно за вами наблюдаю и все жду, и все напрасно. В чем дело?

— Так я ведь там никогда не был, — сказал Перец.

— Неважно. Я там тоже никогда не был, но я прочел лекцию, и, судя по отзывам, это была очень полезная лекция. Дело ведь не в том, был ты в лесу или не был, дело в том, чтобы содрать с фактов шелуху мистики и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с нее одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами...

— Дважды восемь поделить на сорок девять минус семью семь, — сказал Ким.

«Мерседес» заработал. Проконсул снова повысил голос.

— Я делал это как философ по образованию, а вы могли бы сделать это как лингвист по образованию. Я вам тезисы дам, а вы их разовьете в свете последних достижений лингвистики... Или какая там у вас тема диссертации?

— У меня «Особенности стиля и ритмики женской прозы позднего Хейана» на материале «Макура-но сиси», — сказал Перец. — Боюсь, что...

— Пре-вос-ход-но! Это именно то, что нужно. И подчеркните, что мы болота и трясины, а великолепные грязелечебницы; не прыгающие деревья, а продукт высокоразвитой науки; не туземцы, не дикари, а древняя цивилизация людей гордых, свободных, с высокими помыслами, скромных и могущественных. И никаких русалок! Никакого лилового тумана, никаких туманных намеков — простите меня за неудачный каламбур... Это будет превосходно, мингер Перец, это будет замечательно. И это очень хорошо, что вы знаете лес, что вы можете поделиться своими личными впечатлениями. Моя лекция была тоже хороша, однако, боюсь, несколько умозрительна. В качестве основного материала я использовал протоколы заседаний. А вы, как исследователь леса...

— Я не исследователь леса, — сказал Перец убедительно. — Меня в лес не пускают. Я не знаю леса.

Проконсул, рассеянно кивая, что-то быстро писал на манжете.

— Да, — говорил он. — Да, да. К сожалению, это горькая правда. К сожалению, это у нас еще встречается — формализм, бюрократизм, эвристический подход к личности... Об этом вы, между прочим, тоже можете сказать. Можете, можете, об этом все говорят. А я попытаюсь согласовать ваше выступление с дирекцией. Я чертовски рад, Перец, что вы наконец примете участие в нашей работе. Я уже давно и очень внимательно приглядываюсь к вам... Вот так, я вас записал на следующую неделю.

Перец выключил «мерседес».

— Меня не будет на следующей неделе. У меня кончилась виза, и я уезжаю. Завтра.

— Ну, это мы как-нибудь уладим. Я пойду к директору, он сам член клуба, он поймет. Считайте, что вы остались еще на неделю.

— Не надо, — сказал Перец. — Не надо!

— Надо! — сказал Проконсул, глядя ему в глаза. — Вы отлично знаете, Перец: надо! До свидания.

Он поднес два пальца к виску и удалился, помахивая портфелем.

— Паутина какая-то, — сказал Перец. — Что я им — муха? Менеджер не хочет, чтобы я уезжал, Алевтина не хочет, а теперь и этот тоже...

— Я тоже не хочу, чтобы ты уезжал, — сказал Ким.

— Но я не могу здесь больше!

— Семьсот восемьдесят семь умножь на четыреста тридцать два...

Все равно я уеду, думал Перец, нажимая на клавиши. Все равно я уеду. Вы не хотите себе, а я уеду. Не буду я играть с вами в пинг-понг, не буду играть в шахматы, не буду я с вами спать и пить с вами чай с вареньем, не хочу я больше петь вам песни, считать вам на «мерседесе», разбирать ваши споры, а теперь еще читать вам лекции, которых все равно не поймете. И думать за вас не буду, думайте сами, а я уеду. Уеду. Все равно вы никогда не поймете, что думать — это не развлечение, а обязанность...

Снаружи за недостроенной стеной тяжело бухала баба, стучали пневматические молотки, с грохотом сыпался кирпич, а на стене рядком сидели четверо рабочих, голых по пояс, в фуражках, и курили. Потом под самым окном заревел и затрещал мотоцикл.

— Из леса кто-то, — сказал Ким. — Скорее умножь мне шестнадцать на шестнадцать.

Дверь рванули, и в комнату вбежал человек. Он был

в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками молодых побегов, а правая нога была опутана оранжевой плетью лианы бесконечной длины, волочащейся по полу. Лиана еще подергивалась, а Перецу показалось, что это щупальца самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно — через коридоры Управления, вниз по лестнице, по двору, мимо стены, мимо столовой и мастерских и снова вниз, по пыльной улице, через парк, мимо статуй и павильонов, к въезду на серпантин, к воротам, но не в ворота, а мимо, к обрыву, вниз...

Он был в мотоциклетных очках, лицо его было густо припорошено пылью, и Перец не сразу понял, что это Стоян Стоянов с биостанции. В руке у него был большой бумажный кулек. Он сделал несколько шагов по кафельному полу, по мозаике, изображающей женщину под душем, и остановился перед Кимом, спрятав бумажный кулек за спину и делая странные движения головой, словно у него чесалась шея.

— Ким,— сказал он.— Это я.
Ким не отвечал. Слышно было, как его перо рвет и царапает бумагу.

— Кимушка,— заискивающе сказал Стоян.— Я ведь тебя умоляю.

— Пошел вон,— сказал Ким.— Маньяк.
— В последний разочек,— сказал Стоян.— В самый последний.

Он снова сделал движение головой, и Перец увидел на его тощей подборитой шее, в самой ямочке под затылком короткий розоватый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащий, как от жадности.

— Ты только передай и скажи, что от Стояна, и больше ничего. Если в кино станет звать, соври, что срочная вечерняя работа. Если будет чаем угощать, скажи, мол, только что пил. И от вина тоже откажись, если предложит. А? Кимушка! В самый наираспоследнейший!

— Что ты ежишься? — спросил Ким со злостью.— А ну-ка повернись!

— Опять подхватил? — спросил Стоян, поворачиваясь.— Ну, это неважно. Ты только передай, а остальное все неважно.

Ким, перегнувшись через стол, что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал, растопырив локти, брезгливо скалясь и бормоча ругательства. Стоян терпеливо переминался с ноги на ногу, наклонив голову и выгнув шею.

— Здравствуй, Перчик,— говорил он.— Давно я тебя не видел. Как ты тут? А я вот опять привез, что ты будешь делать... В самый наираспоследнейший.— Он развернул бумагу и показал Перцу букетик ядовито-зеленых лесных цветов.— А пахнут-то как! Пахнут!

— Да не дергайся ты! — прикрикнул Ким.— Стой мирно! Маньяк, шляпай!

— Маньяк,— с восторгом соглашался Стоян.— Шляпай. Но! В самый наираспоследнейший!

Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол, на кирпичное лицо женщины под душем.

— Все,— сказал Ким.— Убирайся.— Он отошел от Стояна и бросил в мусорное ведро что-то полуживое, корчащееся, окровавленное.

— Убираюсь.— сказал Стоян.— Немедленно убираюсь. А то ведь знаешь, у нас Рита начудила, я теперь с биостанции и уезжать как-то боюсь. Перчик, ты бы приехал к нам, поговорил бы с нами, что ли...

— Еще чего! — сказал Ким.— Нечего там Перцу делать.

— Как это нечего? — вскричал Стоян.— Квентин просто на глазах тает! Ты послушай только: неделю назад Рита сбежала — ну, ладно, ну, что поделаешь... А этой ночью вернулась вся мокрая, белая, ледяная. Охранник было к ней сунулся с голыми руками — что-то она с ним такое сделала, до сих пор валяется без памяти. И весь опытный участок зарос травой.

— Ну? — сказал Ким.

— А Квентин все утро плакал...

— Это я все знаю,— перебил его Ким.— Я не понимаю, при чем здесь Перец?

— Ну как при чем? Ну что ты говоришь? Кто же еще, если не Перец? Не я ведь, верно? И не ты... Не Домарощинера же звать, Клавдия-Октавиана!

— Хватит! — сказал Ким, хлопнув ладонью по столу.— Убирайся работать и чтобы я тебя здесь в рабочее время не видел. Не зли меня.

— Все,— торопливо сказал Стоян.— Все. Ухожу. А ты передашь?

Он положил букет на стол и выбежал вон, крикнув в двери: «И клоака снова заработала...»

Ким взял веник и смел все осыпавшееся в угол.

— Безумный дурак,— сказал он.— И Рита эта... Теперь все пересчитывай заново. Провалиться им с этой любовью...

Под окном снова раздрающе затрещал мотоцикл и снова все стихло, только бухала баба за стеной.

— Перец,— сказал Ким,— а зачем ты был утром на обрыве?

— Я надеялся повидать директора. Мне сказали, что он иногда делает над обрывом зарядку. Я хотел попросить его, чтобы он отправил меня, но он не пришел. Ты знаешь, Ким, по-моему, здесь все врут. Иногда мне кажется, что даже ты врешь.

— Директор,— задумчиво сказал Ким.— А ведь это, пожалуй, мысль. Ты молодец. Это смело...

— Все равно я завтра уеду,— сказал Перец.— Тузик меня отвезет, он обещал. Завтра меня здесь не будет, так и знай.

— Не ожидал, не ожидал,— продолжал Ким, не слушая.— Очень смело... А может, действительно послать тебя туда — разобраться?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАНДИД

Кандид проснулся и сразу подумал: послезавтра я ухожу. И сейчас же в другом углу Нава зашевелилась на своей постели и спросила:

— Ты уже больше не спишь?

— Нет,— ответил он.

— Давай тогда поговорим,— предложила она.— А то мы со вчерашнего вечера не говорили. Давай?

— Давай.

— Ты мне сначала скажи, когда ты уходишь.

— Не знаю,— сказал он.— Скоро.

— Вот ты всегда говоришь: скоро. То скоро, то послезавтра, ты, может быть, думаешь, что это одно и то же, хотя нет, теперь ты говорить уже научился, а вначале все время путался, дом с деревней путал, траву с грибами, даже мертвяков с людьми и то путал, а то еще начинал бормотать, ни слова не понятно, никто тебя понять не мог...

Он открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку шли рабочие муравьи. Они двигались двумя ровными колоннами, слева направо нагруженные, справа налево порожняком. Месяц назад было наоборот: справа налево с грибочком, слева направо порожняком. И через месяц будет наоборот, если им не укажут делать что-нибудь другое. Вдоль колонн редкой цепью стояли крупные черные сигнальщики, стояли неподвижно, медленно поводя длинными антеннами, и ждали приказов. Месяц назад я тоже просыпался и думал, что послезавтра ухожу, и никуда мы не ушли, и еще когда-то, задолго до этого, я просыпался и думал, что послезавтра мы наконец уходим, и мы, конечно, не ушли, но если мы не уйдем послезавтра, я уйду один.

Конечно, так я уже думал тоже когда-то, но теперь-то уж я обязательно уйду. Хорошо бы уйти прямо сейчас, ни с кем не разговаривая, никого не спрашивая, но так можно сделать только с ясной головой, не сейчас. А хорошо бы решить раз и навсегда: как только я проснусь с ясной головой, я тотчас же встаю, выхожу на улицу и иду в лес и никому не даю заговаривать со мной, это очень важно: никому не дать заговорить с собой, заговорить себя, занудить голову, особенно вот эти места над глазами, до звона в ушах, до тошноты, до мути в мозгу и в костях. А ведь Нава уже говорит...

— ...и получилось так,— говорила Нава,— что мертвяки вели нас ночью, а ночью они плохо видят, совсем слепые, это тебе всякий скажет, вот хотя бы Горбун, хотя он не здешний, он из той деревни, что была по соседству с нашей, не с этой нашей, где мы сейчас с тобой, а с той, где я была без тебя, где я с мамой жила, так что ты Горбуна знать не можешь, в его деревне все заросло грибами, грибочка напала, а это не всякому нравится, Горбун вот сразу ушел из деревни. Одержанье произошло, говорит, и в деревне теперь делать людям нечего... Во-от. А луны тогда не было, и они, наверное, дорогу потеряли, сбился все в кучу, а мы в середине, и жарко стало, не продохнуть...

Кандид посмотрел на нее. Она лежала на спине, закинув руки за голову и положив ногу на ногу, и не шевелилась, только непрерывно двигались ее губы, два время от времени поблескивали в полутьме глаза. Когда вошел старец, она не перестала говорить, а старец подсел к столу, придвинул к себе горшок, шумно, с хлопьями понюхал и принялся есть. Тогда Кандид поднялся и обтер ладонями с тела ночной пот. Старец чавкал и брызгал, не спуская глаз с корытца, закрытого от плесени крышкой. Кандид отобрал у него горшок и поставил рядом с Навой, чтобы она замолчала. Старец обсосал губы и сказал:

— Невкусно. К кому ни придешь теперь, везде невкусно. И тропинка эта заросла совсем, где я тогда ходил, а ходил я много, и на дрессировку, и просто выкупаться, в те времена часто купался, там было озеро, а теперь стало болото и ходить стало опасно, но кто-то все равно ходит, потому что иначе откуда там столько утопленников? И тростник. Я любого могу

спросить: откуда там в тростнике тропинки? И никто не может этого знать, да и не следует. А что это у вас в корытце? Если, например, ягода моченая, то я бы ее поел, моченую ягоду я люблю, а если просто что-нибудь вчерашнее, огрызки какие-нибудь, то не надо, я их есть не буду, сами ешьте огрызки.— Он подождал, переводя взгляд с Кандида на Наву и обратно, не дождав ответа, он продолжал: — А там, где тростник пророс, там уже не сеять. Раньше сеяли, потому что нужно было для Одержанья, и все везли на Глиняную поляну, теперь тоже везят, но теперь там на поляне не оставляют, а привозят обратно. Я говорил, что нельзя, но они и не понимают, что это такое: нельзя. Староста меня прямо при всех спросил: почему нельзя? Тут вот Кулак стоит, как ты, даже ближе, тут вот, скажем, Слухач, а тут вот, где Нава твоя, тут стоят братья Плешаки, все трое стоят и слушают, и он меня при них при всех спрашивает. Я ему говорю: как же ты можешь, мы же, говорю, с тобой не вдвоем тут... Отец у него был умнейший человек, а может, он и не отец ему вовсе, некоторые говорили, что не отец, и вправду не похоже. Почему, говорит, при всех нельзя спросить, почему нельзя?

Нава поднялась, передала горшок Кандиду и занялась уборкой. Кандид стал есть. Старец замолчал, некоторое время смотрел на него, жуя губами, а потом заметил:

— Не добродила у вас еда, есть такое нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Кандид, чтобы по-плить.

Старец хихикнул.

— Эх ты, Молчун,— сказал он.— Ты бы уж лучше, Молчун, молчал. Ты вот лучше мне расскажи, давно я уже у тебя спрашиваю: очень это болезненно, когда голову отрезают?

— А тебе-то какое дело? — крикнула Нава. — Что ты все допытываешься?

— Кричит,— сообщил старец.— Покрикивает на меня. Ни одного еще не родила, а покрикивает. Ты почему не рожает? Сколько с Молчуном живешь, а не рожает. Все рожают, а ты нет. Так поступать нельзя. А что такое «нельзя», ты знаешь? Это значит — нежелательно, не одобряется, а поскольку не одобряется, значит — поступать так нельзя. Что можно — это еще неизвестно, а уж что нельзя, то нельзя. Это всем надлежит понимать, а тебе тем более, потому что в чужой деревне живешь, дом тебе дали, Молчуна вот в мужья пристроили. У него, может быть, голова и чужая, пристроенная, но телом он здоровый, и рожать тебе отказываться нельзя. Вот и получается, что «нельзя» — это самое что ни на есть нежелательно...

Нава, злая и надутая, схватила со стола корытце и ушла в чулан. Старец поглядел ей вслед, поспедел и продолжал:

— Как еще можно понимать «нельзя»? Можно и нужно понимать так, что «нельзя» — вредно...

Кандид доел, поставил со стуком порожний горшок перед старцем и вышел на улицу. Дом сильно зарос за ночь, и в густой поросли вокруг видна была только тропинка, протоптанная старцем, и место у порога, где старец сидел и ждал, ерзая, пока они проснутся. Улицу уже расчистили, зеленый ползун толщиной в руку, вылезший вчера из переплетения ветвей над деревней и пустивший корни перед соседским домом, был порублен, облит бродилом, потемнел и уже заиск. От него остро и аппетитно пахло, и соседовы ребятишки, обсев его, рвали бурую мякоть и набивали рты сочными брызжущими комками. Когда Кандид проходил, старший невнятно крикнул набитым ртом: «Молчак-мертвяк!» Но его не поддержали — были заняты. Больше на улице, оранжевой и красной от высокой травы, в которой тонули дома, сумрачной, покрытой неяркими зелеными пятнами от солнца, пробивающегося сквозь лесную кровлю, никого не было. С поля доносился нестройный хор скучных голосов: «Эй, сей веселей, вправо сей, влево сей...» В лесу откликалось эхо. А может быть, и не эхо. Может быть, мертвяки.

Колченог, конечно, сидел дома и массировал ногу.

— Садись,— сказал он Кандиду приветливо.— Вот тут я мягкой травки постелил для гостей. Уходишь, говорят?

«Опять,— подумал Кандид,— опять все сначала».

— Что, опять разболелась? — спросил он, усаживаясь.

— Нога-то? Да нет, просто приятно. Гладишь ее вот так, и хорошо. А когда уходишь?

— Да как мы с тобой договаривались. Если бы ты со мной пошел, то хоть послезавтра. А теперь придется искать другого человека, который знает лес. Ты ведь, я вижу, идти не хочешь.

Колченог осторожно вытянул ногу и сказал вразумляюще:

— Как от меня выйдешь, поворачивай налево и ступай до самого поля. По полю — мимо двух камней, сразу увидишь дорогу, она мало заросла, потому что там валуны. По этой дороге две деревни пройдем, одна пустая, грибная, грибами она поросла, так там не живут, а в другой живут чудачки, через них два раза синяя трава проходила, с тех пор там болеют и заго-

варивать с ними не надо, все равно они ничего не понимают, память у них как бы отшибло. А за этой чудачковой деревней по правую руку и будет тебе твоя Глиняная поляна. И никаких тебе провожатых не надо, сам спокойно дойдешь и не вспотеешь.

— До Глиняной поляны мы дойдем,— согласился Кандид.— А вот дальше как?

— Куда дальше?

— Через болото, где раньше озера были. Помнишь, ты про каменную дорогу рассказывал?

— Это про какую же дорогу? До Глиняной поляны? Так я же тебе втолковываю: поверни налево, иди до поля, до двух камней...

Кандид дослушал и сказал:

— До Глиняной поляны я дорогу теперь знаю. Мы дойдем. Но мне нужно дальше, ты же знаешь. Мне необходимо добраться до Города, а ты обещал показать дорогу.

Колченог сочувственно покачал головой.

— До Го-о-орода!.. Вот ты куда нацелился. Помню, помню... Так до Города, Молчун, не дойти. До Глиняной поляны, например, это просто: мимо двух камней, через грибную деревню, через чудачковую деревню, а там по правую руку будет Глиняная поляна. Или, скажем, до Тростников. Тут же поворачивай от меня направо, через редколесье, мимо Хлебной лужи, а там все время за солнцем. Куда солнцу, туда и ты. Трое суток идти, но если тебе уж так надо — пойдём. Мы там горшки добывали раньше, пока здесь свои не рассадили. Тростники я знаю хорошо, ты бы так и говорил, что до Тростников. Тогда и до послезавтра ждать нечего, завтра утром и выйдем, и еды нам с тобой брать не надо, раз там Хлебная лужа... Ты, Молчун, говоришь больно коротко: только начнешь к тебе прислушиваться, а ты уже и рот закрыл. А в Тростники пойдём. Завтра утром и пойдём...

Кандид дослушал и сказал:

— Понимаешь, Колченог, мне не надо в Тростники. В Тростники мне не надо. Не надо мне в Тростники.— Колченог внимательно слушал и кивал.— А надо мне в Город,— продолжал Кандид.— Мы с тобой уже давно об этом говорим. Я тебе вчера говорил, что мне надо в Город. Позавчера говорил, что мне надо в Город. Неделю назад говорил, что мне надо в Город. Ты сказал, что знаешь до Города дорогу. Это ты вчера сказал. И позавчера говорил, что знаешь до Города дорогу. Не до Тростников, а до Города. Мне не надо в Тростники («Только бы не сбиться,— подумал он.— Может быть, я все время сбиваюсь. Не Тростники, а Город. Город, а не Тростники»). Город, а не Тростники,— повторил он вслух.— Понимаешь? Расскажи мне дорогу до Города. Не до Тростников, а до Города. А еще лучше — пойдём до Города вместе. Не до Тростников пойдём вместе, а до Города пойдём вместе.

Он замолчал. Колченог снова принялся оглаживать большое колено.

— Наверное, тебе, Молчун, когда голову отрезали, что-нибудь внутри повредили. Это как у меня нога. Сначала была нога ногой, самая обыкновенная, а потом шел я однажды ночью через Муравейники, нес муравьию матку, и эта нога попала у меня в дупло и теперь кривая. Почему кривая — никто не знает, а ходит она плохо. Но до Муравейников дойду. И сам дойду, и тебя доведу. Только не пойму, зачем ты сказал, чтобы я пищу на дорогу готовил, до Муравейников тут рукой подать.— Он посмотрел на Кандида, смутился и открыл рот.— Так тебе же не в Муравейники,— сказал он.— Тебе же куда? Тебе же в Тростники. А я не могу в Тростники, не дойду. Видишь, нога кривая. Слушай, Молчун, а почему ты так не хочешь в Муравейники? Давай пойдём в Муравейники, а? Я ведь с тех пор так и не бывал там ни разу, может, их, Муравейников, уже нету. Дупло то пощем, а?

«Сейчас он меня собьет»,— подумал Кандид. Он наклонился на бок и подкатил к себе горшок.

— Хороший какой у тебя горшок,— сказал он.— И не помню, где я в последний раз видел такие хорошие горшки... Так ты меня проводишь до Города? Ты говорил, что никто, кроме тебя, дорогу до Города не знает. Пойдём до Города, Колченог. Как ты думаешь, дойдем мы до Города?

— А как же! Дойдем! До Города? Конечно, дойдем. А горшки такие ты видел, я знаю где. У чудачков такие горшки. Они их, понимаешь, не выращивают, они их из глины делают, у них там близко Глиняная поляна, я тебе говорил: от меня сразу налево и мимо двух камней до грибной деревни. А в грибной деревне никто уже не живет, туда и ходить не стоит. Что мы грибов не видели, что ли? Когда у меня нога здоровая была, я никогда в эту грибную деревню не ходил, знаю только, что от нее за двумя оврагами чудачки живут. Да. Можно было бы завтра и выйти... Да... Слушай, Молчун, а давай мы туда не пойдём. Не люблю я эти грибы. Понимаешь, у нас в лесу грибы — это одно, их кушать можно, они вкусные. А в той деревне грибы зеленые какие-то, и запах от них дурной. Зачем тебе туда? Еще грибочку сюда занесешь. Пойдём мы лучше в Город. Гораздо приятнее. Только тогда завтра не выйти. Тогда еду надо запастись, расспросить надо про дорогу. Или ты дорогу знаешь? Если знаешь, тогда я не буду расспрашивать, а то я что-то и не соображу,

у кого бы это спросить. Может, у старосты спросить, как ты думаешь?

— А разве сам ты про дорогу в Город ничего не знаешь? — спросил Кандид.— Ты про эту дорогу много знаешь. Ты даже один раз почти до Города дошел, но испугался мертвяков, испугался, что один не отбьешься...

— Мертвяков я не боялся и не боюсь,— возразил Колченог.— Я тебе скажу, чего я боюсь. Как мы с тобой идти будем, вот я чего боюсь. Ты так все время и будешь молчать? Я ведь так не умею. И еще чего я боюсь... Ты не обижайся на меня, Молчун, ты мне скажи, а громко не хочешь говорить, так шепотом скажи или же просто кивни, а если уж и кивать не хочешь, так вот правый глаз у тебя в тени, ты его и прикрой, никто не увидит, один я увижу. А вопрос у меня такой: может быть, ты все-таки немножечко мертвяк? Я ведь мертвяков не терплю, у меня от них дрожь начинается, и ничего я с собой не могу поделать...

— Нет, Колченог, я не мертвяк,— сказал Кандид.— Я их и сам не выношу. А если ты боишься, что я буду молчать, так мы ведь не вдвоем пойдём, я тебе уже говорил. С нами Кулак пойдёт, и Хвост, и еще два мужика из Выселок.

— С Кулаком я не пойду,— решительно сказал Колченог.— Кулак у меня дочку мою за себя взял и не уберег. Угнали у него мою дочку. Мне не то жалко, что он взял, а то мне жалко, что не уберег. Шел он с нею на Выселки, подстергали его воры и дочку отобрали, а он и отдал. Сколько я потом с твоей Навой ее искал, так и не нашел. Нет, Молчун, с ворами шутки плохи. Если бы мы с тобой в Город пошли, от воров бы покою не было. То ли дело в Тростники, туда можно без всяких колебаний идти. Завтра и выйдем.

— Послезавтра,— сказал Кандид.— Ты пойдешь, я пойду, Кулак, Хвост и еще двое из Выселок. Так до самого Города и дойдем.

— Вшестером дойдем,— уверенно сказал Колченог.— Один бы я не пошел, конечно, а шестером дойдем. Вшестером мы до самых Чертовых гор дойдем, только я дороги туда не знаю. А может, пошли до Чертовых гор? Далеко очень, но шестером дойдем. Или тебе не надо на Чертовых горы? Слушай, Молчун, давай до Города доберемся, а там уже и посмотрим. Пищи нужно только набрать побольше.

— Хорошо,— сказал Кандид, поднимаясь.— Значит, послезавтра выходим в Город. Завтра я схожу на Выселки, потом тебя повидать и еще разок напомяну.— Заходи,— сказал Колченог.— Я бы и сам к тебе зашел, да вот нога у меня болит — сил нет. А ты заходи. Поговорим. Я знаю, многие с тобой говорить не любят, очень с тобой трудно говорить, Молчун, но я не такой. Я уже привык, и мне даже нравится. И сам приходи, и Наву приводи, хорошая она у тебя, Нава твоя, детей вот только у нее нет, ну, да еще будут, молодая она у тебя...

На улице Кандид снова обтер с себя ладонями пот. Продолжение следовало. Рядом кто-то хихикнул и закашлялся. Кандид обернулся. Из травы поднялся старец, погрозил узловатым пальцем и сказал:

— В Город, значит, нацелились. Интересно затеяли, да только до Города никто еще живым не доходил, да и нельзя. Хоть у тебя голова и переставленна, а это ты понимать должен...

Кандид свернул направо и пошел по улице. Старец, путаясь в траве, некоторое время плелся следом, бормотал: «Если нельзя, то всегда в каком-нибудь смысле нельзя, в том или ином... Например, нельзя без старосты или без собрания, а со старостой или с собранием, наоборот, можно, но опять же не в любом смысле...» Кандид шел быстро, насколько позволяла темная влажная жара, и старец понемногу отстал.

На деревенской площади Кандид увидел Слухача. Слухач, пошатываясь и заплетая кривые ноги, ходил кругами, расплескивая пригоршнями коричневый травобой из огромного горшка, подвешенного на животе. Трава позади него дымилась и жухла на глазах. Слухача надо было миновать, и Кандид попытался его миновать, но Слухач так ловко изменил траекторию, что столкнулся с Кандидом нос к носу.

— А-а, Молчун! — радостно закричал он, поспешно снимая с шеи ремень и ставя горшок на землю.— Куда идешь, Молчун? Домой, надо думать, идешь, к Наве, дело молодое, а не знаешь ты, Молчун, что Нава твоя дома нету, Нава твоя на поле, вот этими глазами видел, как Нава на поле пошла, хочешь теперь верь, хочешь не верь... Может, конечно, и не на поле, дело молодое, да только пошла твоя Нава, Молчун, по во-он тому переулку, а по тому переулку, кроме как на поле, никуда не выйдешь, да и куда ей, спрашивается, идти, твоей Наве? Тебя, Молчун, может, разве исходить...

Кандид снова попытался его обойти и снова каким-то образом оказался с ним нос к носу.

— Да и не ходи ты за ней на поле, Молчун,— продолжал Слухач убедительно.— Зачем тебе за нею ходить, когда я вот сейчас траву поью и всех сюда созову: землемер тут приходил и сказал, что ему староста велел, чтобы он мне сказал на площади траву побить, потому что скоро будет тут собрание, на

площади. А как будет собрание, так все сюда с поля и заявятся, и Нава твоя заявится, если она на поле пошла, а куда ей еще по тому переулку идти, хотя, подумавши-то, по тому переулку и не только на поле попасть можно... А можно ведь...

Он вдруг замолчал и судорожно вздохнул. Глаза его зажмурились, руки как бы сами собой поднялись ладонями вверх. Лицо расплылось в сладкой улыбке, потом оскалилось и обвисло. Кандид, уже шагнувший было в сторону, остановился послушать. Мутное лило-ватое облачко ступило вокруг голой головы Слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо, чужим, каким-то дикторским голосом, с чужими интонациями, чужим, не деревенским стилем и словно бы даже на чужом языке, так, что понятными казались только отдельные фразы:

— На дальних окраинах Южных земель в битву вступают все новые... отодвигается все дальше и дальше на юг... победного передвижения... Большое разрыхление почвы в Северных землях ненадолго прекращено из-за отдельных и редких... Новые приемы заблачивания дают новые обширные места для покоя и нового передвижения на... Во всех поселениях... большие победы... труд и усилия... новые отряды подруг... завтра и навсегда спокойствие и слияние...

Подоспевший старец стоял у Кандида за плечом и развяснял азартно: «Во всех поселениях, слышал?.. Значит, и в нашем тоже... Большие победы! Все время ведь твержу: нельзя... Спокойствие и слияние — понимать же надо... И у нас, значит, тоже, раз во всех... И новые отряды подруг, понял?..»

Слухач замолчал и опустил на корточки. Лиловое облачко растаяло. Старец нетерпеливо постучал Слухача по лысому темени. Слухач заморгал, потер себе уши.

— О чем это я? — сказал он.— Передача, что ли, была? Как там Одержание? Исполняется или как?.. А на поле ты, Молчун, не ходи. Ты ведь полагаю, за своей Навой идешь, а Нава твоя...

Кандид перешагнул через горшок с травобоем и поспешно пошел прочь. Старца вскоре не стало слышно — то ли он сцепился со Слухачом, то ли запыхался и зашел в какой-нибудь дом отдышаться и заодно перекусить.

Дом Кулака стоял на самой окраине. Замурзанная старуха, не то мать, не то тетка, сказала, недоброжелательно фыркая, что Кулака дома нету, Кулак в поле, а если бы был в доме, то искать его в поле было бы нечего, а раз он в поле, то чего ему, Молчуну, тут зря стоять.

В поле севали. Душный стоячий воздух был пропитан крепкой смесью запахов, разило потом, бродилом, гниющими злаками. Утренний урожай толстым слоем был навален вдоль борозды, зерно уже тронулось. Над горшками с закваской толкались и крутились тучи рабочих мух, и в самой гуще этого черного, отсвечивающего металлом круговорота стоял староста и, наклонив голову и прищурив один глаз, внимательно изучал каплю сыворотки на ногте большого пальца. Ноготь был специальный, плоский, тщательно отполированный, до блеска отмытый нужными составами. Мимо ног старосты по борозде в десяти шагах друг от друга гуськом ползли сеятель. Они уже больше не пели, но в глубине леса все еще гукало и ахало, и теперь было ясно, что это не эхо.

Кандид пошел вдоль цепи, наклоняясь и заглядывая в опущенные лица. Отыскав Кулака, он тронул его за плечо, и Кулак сразу же, ни о чем не спрашивая, вылез из борозды. Борода его была забита грязью.

— Чего, шерсть на носу, касаешься? — прохрипел он, глядя Кандиду в ноги.— Один вот тоже, шерсть на носу, касался, так его взяли за руки и за ноги и на дерево закинули, там он до сих пор висит, а когда снимут, так больше уже касаться не будет, шерсть на носу...

— Идешь? — коротко спросил Кандид.

— Еще бы не иду, шерсть на носу, когда закваски на семерых наготовил, в дом не войти, воняет, жить невозможно, как же теперь не идти — старуха выносить не хочет, а сам я на это уже глядеть не могу. Да только куда идем? Колченог вчера говорил, что в Тростники, а я в Тростники не пойду, шерсть на носу, там и людей-то, в Тростниках, нет, не то что девок, там если человек захочет кого за ногу взять и на дерево закинуть, шерсть на носу, так некого, а мне без девки жить больше невозможно, меня староста со свету сживет... Вот стоит, шерсть на носу, глаз вылупил, а сам слепой, как пятка, шерсть на носу... Один вот так стоял, дали ему в глаз, больше не стоит, шерсть на носу, а в Тростники я не пойду, как хочешь...

— В Город,— сказал Кандид.

— В Город — другое дело, в Город я пойду, тем более, говорят, что никакого Города вообще нету, а врет о нем этот старый пень, придет утром, половину горшка выест и начинает, шерсть на носу, плести: это нельзя, то нельзя... Я его спрашиваю: а кто ты такой, чтобы мне обьяснять, что мне нельзя, а что можно, шерсть на носу? Не говорит, сам не знает, про Город какой-то бормочет...

— Выходим послезавтра,— сказал Кандид.

— А чего ждать? — возмутился Кулак.— Почему это послезавтра? У меня в доме ночевать невозмож-

но, закваска смердит, пошли лучше сегодня вечером, а то вот так один ждал-ждал, а как ему дали по ушам, так он и ждать перестал и до сих пор не ждет... Старуха же ругается, житья нет, шерсть на носу! Слушай, Молчун, давай старуху мою возьмем, может, ее воры отберут, я бы отдал, а?

— Послезавтра выходим,— терпеливо повторил Кандид.— И ты молодец, что закваски приготовил много. Из Выселок, знаешь...

Он не закончил, потому что на поле закричали. «Мертвяки! Мертвяки!»— заорал староста.— Женщины, домой! Домой бегите!» Кандид огляделся. Между деревьями на самом краю поля стояли мертвяки: двое синих совсем близко и один желтый поодаль. Головы их с круглыми дырами глаз и с черной трещиной на месте рта медленно поворачивались из стороны в сторону, огромные руки плетями висели вдоль тела. Земля под их ступнями уже курилась, белые струйки пара мешались с сизым дымком.

Мертвяки эти видали виды и поэтому держались крайне осторожно. У желтого весь правый бок был изъеден травобоем, а оба синих сплошь обросли лишаями ожогов от бродила. Местами шкура на них отмерла, полопалась и свисала лохмотьями. Пока они стояли и присматривались, женщины с визгом убежали в деревню, а мужики, угрожающе и многословно бормоча, сбились в толпу с горшками травобоя наготове.

Потом староста сказал: «Чего стоим, спрашивается? Пошли, чего стоять!»— и все неторопливо двинулись на мертвяков, рассыпаясь в цепь. «В глаза!— покрикивал староста.— Старайтесь в глаза им плеснуть! В глаза бы попасть хорошо, а иначе толку мало, если не в глаза...» В цепи пугали: «Гу-гу-гу! А ну, пошли отсюда! А-га-га-га-га!»— связываться никому не хотелось.

Кулак шел рядом с Кандидом, выдирая из бороды засохшую грязь, кричал громче других, а между криками рассуждал: «Да нет, зря идем, шерсть на носу, не устоят они, сейчас побегут... Разве это мертвяки? Дранные какие-то, где им устоять... Гу-гу-гу-у! Вы!» Подойдя к мертвякам шагов на двадцать, люди остановились. Кулак бросил в желтого ком земли, тот с необычайным проворством выбросил вперед широкую ладонь и отбил ком в сторону. Все снова загудело и затопали ногами, некоторые показывали мертвякам горшки и делали угрожающие движения. Травобоя было жалко, и никому не хотелось потом тащиться в деревню за новым бродилом, мертвяки были битые, осторожные— должно было обойтись и так.

И обошлось. Пар и дым из-под ног мертвяков пошел гуще, мертвяки попятиться. «Ну все,— сказали в цепи,— не устояли, сейчас вывернутся...» Мертвяки неуловимо изменились, словно повернулись внутри собственной шкуры. Не стало видно ни глаз, ни рта— они стояли спиной. Через секунду они уже уходили, мелькая между деревьями. Там, где они только что стояли, медленно оседало облако пара.

Люди, оживленно галдя, двинулись обратно к борозде. Выяснилось вдруг, что пора уже идти в деревню на собрание. Пошли на собрание. «На площадь ступайте, на площадь...»— повторял каждому староста.— На площади собрание будет, так что идти надо на площадь...» Кандид искал глазами Хвоста, но Хвоста в толпе видно что-то не было. Пропал куда-то Хвост. Кулак, трусивший рядом, говорил:

— А помнишь, Молчун, как ты на мертвяка прыгал? Как он, понимаешь, на него прыгнет, шерсть на носу, да как его за голову ухватит, обнял, будто свою Наву, шерсть на носу, да как заорет... Помнишь, Молчун, как ты заорал? Обжегся, значит, ты, потом весь в волдырях ходил, мокли они у тебя, болели... Зачем же ты на него прыгал, Молчун? Один вот так на мертвяка прыгал-прыгал, слупили с него кожу на пузе, больше теперь не прыгает, шерсть на носу, и детям прыгать закажет... Говорят, Молчун, ты на него прыгал, чтобы он тебя в Город унес, да ведь ты же не девка, чего он тебя понесет, да и Города, говорят, никакого нет, это все этот старый пень выдумывает слова разные— Город, Одержанье... А кто его, Одержанье, видел? Слухач пьяных жуков наглотается, как пойдет плести, а старый пень тут как тут, слушает, а потом бродит везде, жрет чужое и повторяет...

— Я завтра с утра на Выселки иду,— сказал Кандид.— Вернусь только к вечеру, днем меня не будет. Ты повидай Колченога и напомни ему про послезавтра. Я напомнил и еще напоминать буду, но и ты тоже напомни, а то еще убредет куда-нибудь...

— Напомню,— пообещал Кулак.— Я ему так напомню, что последнюю ногу отломаю.

На площадь сошлась вся деревня, болтали, толкались, сыпали на пустую землю семена— выращивали подстилки, чтобы мягко было сидеть. Под ногами путались детишки, их возили за вихры и за уши, чтобы не путались. Староста, бранясь, отгонял колонну плохо обученных муравьев, потащивших было личинки рабочей мухи прямо через площадь, допрашивал окружающих, по чьему же это приказу муравьи здесь идут и что же это такое за безобразие. Подозревали Слухача и Кандида, но точно выяснить было уже невозможно.

Кандид отыскал Хвоста, хотел заговорить с ним, но

не успел, потому что собрание было объявлено, и первым, как всегда, полез выступать старец. О чем он выступал, понять было невозможно, однако все сидели смиренно, прислушивались и шикали на возмущенных детишек, чтобы не возились. Некоторые, устроившись особенно удобно — подальше от горячих солнечных пятен, дремали.

Старец долго распространялся о том, что такое «нельзя» и в каких оно встречается смыслах, призвал к поголовному Одержанию, грозил победы на Севере и на Юге, бранил деревню, а заодно и Выселки, что везде есть новые отряды подруг, а ни в деревне, ни на Выселках нет, и ни спокойствия нет, ни слияния, и происходит это из-за того, что люди забыли слово «нельзя» и вообразили себе, будто теперь все можно, а Молчун, например, так и вовсе хочет уйти в Город, хотя его никто туда не вызывал, деревня за это ответственности не несет, потому что он чужой, но если окажется вдруг, что он все-таки мертвяк, а такое мнение в деревне есть, то вот тогда неизвестно, что будет, тем более что у Навы, хотя она тоже чужая, от Молчуна детей нет, и терпеть этого нельзя, а староста терпит...

К середине выступления староста тоже задремал, разморившись, но, услышав свое имя, вздрогнул и сейчас же грозно гаркнул: «Эй! Не спать!»

— Спать дома будете, — сказал он, — на то дома и стоят, чтобы в них спать, а на площади никто не спит, на площади собрание собирают. На площади мы спать не позволяли, не позволяем и позволять никому не будем. — Он покосился на старца. Старец довольно кивнул. — Вот это и есть наше общее «нельзя». — Он пригладил волосы и сообщил: — На Выселках объявилась невеста. А у нас есть жених, известный вам всем Болтун. Болтун, ты встань и покажись... А лучше нет, ты лучше посиди так, мы тебя все знаем... Отсюда вопрос: отпускать Болтуна на Выселки или, наоборот, невесту с Выселок взять к нам в деревню... Нет-нет, ты, Болтун, посиди, мы без тебя решим... Кто там с ним рядом сидит, придержите его хорошенько, пока собрание идет. А у кого есть мнение, то пусть нам скажет.

Мнений оказалось два. Одни (больше соседи Болтуна) требовали, чтобы Болтуна поперли на Выселки — пусть-ка он там поживет, а мы тут. Другие же, люди спокойные и серьезные, живущие от Болтуна далеко, полагали, что нет, женщин стало мало, воруют женщин, и потому невесту надо брать к себе: Болтун хоть он и Болтун, а детишки от него, надо полагать, все равно пойдут, это дело независимое. Спорили долго, горячо и сперва по существу. Потом Колченог неудачно выкрикнул, что время теперь военное, а все про это забывают. От Болтуна сразу отвлеклись. Слухач стал объяснять, что никакой войны нет и никогда не было, а есть и будет Большое Разрыхление Почвы. Да не Разрыхление, возразили в толпе, а Необходимое Заболочивание. Разрыхление давно кончилось, уж сколько лет как Заболочивание, а Слухачу невдомек, да и откуда ему знать, раз он Слухач. Поднялся старец и, выкатив глаза, хрипло завопил, что все это нельзя, что нет никакой войны, и нет никакого Разрыхления, и нет никакого такого Заболочивания, а есть, была и будет Поголовная Борьба на Севере и на Юге. Как же нет войны, шерсть на носу, отвечали ему, когда на чудаковой деревне полное озеро утопленников? Собрание взорвалось. Мало ли что утопленники! Где вода, там и утопленники, за чудаковой деревней все не как у людей, и чудакова деревня нам не указ, они с глины едят, под глиной живут, жену-то вора отдал, а теперь на утопленников ссылаешься? Да никакие это не утопленники, и не борьба это, и не война, а Спокойствие это и Слияние в целях Одержания! А почему же тогда Молчун в Город идет? Раз Молчун в Город идет, значит, Город есть, а раз есть, то какая же может быть война — ясно, что Слияние!.. А мало ли куда идет Молчун? Один вот тоже шел, дали ему хорошенько по ноздрям, больше никуда не идет... Молчун потому и идет в Город, что Города нет, знает мы Молчуна, Молчун дурак-дурак, а умный, его, Молчуна, на кривой не объедешь, а раз Города нет, то какое же может быть Слияние? Нет никакого Слияния, одно время, правда, было, но уже давно нет... Так и Одержания же уже нет!.. Это кто там кричит, что нет Одержания? Ты в каком это смысле кричишь? Ты это что?.. Болтуна! Болтуна держите!.. Эх, не удержали Болтуна! Что же вы Болтуна не удержали?..

Кандид, зная, что теперь это надолго, попытался начать разговор с Хвостом, но Хвосту было не до разговоров. Хвост кричал, надсаживаясь: «Одержания?! А мертвяки почему? Про мертвяков молчите? Потому что знать не знаете, что о них и думать, вот и кричите про всякое Одержания!..»

Покричали про мертвяков, потом про грибные деревни, потом устали и начали затихать, утирая лица, обессиленно отмахиваясь друг от друга, и скоро обнаружилось, что все уже молчат, а спорят только старец и Болтун. Тогда все опомнились. Болтуна посадили, навалились, напихали ему в рот листьев. Старец еще

некоторое время говорил, но потерял голос и не был слышен. Тогда поднялся взъерошенный представитель от Выселок и, прижимая руки к груди, искательно озираясь, стал сорванным голосом просить, чтобы Болтуна к ним на Выселки не отдавали, не надо им Болтуна, сто лет без Болтуна жили и еще сто лет проживут, а чтобы взяли невесту к себе, и тогда за приданым Выселки не постоют, сами увидите... Начинать спор снова ни у кого не было сил — обещали подумать и решить потом, тем более что не горит.

Народ стал расходиться на обед. Хвост взял Кандида за руку и оттащил в сторонку под дерево.

— Так когда же идем? — спросил он. — Мне в деревне вот как надело, я в лес хочу, тут я от скуки больной скоро сделаюсь... Не пойдешь — так и скажи, я один пойду, Кулака или Колченога подговорю и с ними вместе уйду...

— Послезавтра выйдем, — сказал Кандид. — Пищу ты приготовил?

— Я пищу уже приготовил и уже съел, у меня терпения не хватает на нее смотреть, как она зря лежит и никто ее, кроме старика, не ест, у меня от него просто все болит, я этому старику когда-нибудь шею накостыляю, если скоро не уйду... Как ты думаешь; Молчун, кто такой этот старик, почему он у всех ест и где он живет? Я человек бывалый, я в десяти деревнях бывал, у чудаков бывал, даже к заморенным заходил, ночевал у них и от страха чуть не околел, а такого старика нигде не видел, он у нас какой-то редкостный старик, наверное, мы его поэтому и держим и не бьем, но у меня больше никакого терпения не хватает смотреть, как он по моим горшкам днем и ночью шарит — и на месте ест, и с собой уносит, а ведь его еще мой отец ругал, пока его мертвяки не забили... И как в него все это влезит? Ведь кожа да кости, у него внутри и места нет, а два горшка выльжет и с собой два унесет, и горшки никогда обратно не возвращает... Знаешь, Молчун, может, это у нас не один старик такой, может, их у нас двое или даже трое? Двое спят, а один работает. Нажрется, второго разбудит, а сам отдохнуть укладывается... Хвост проводил Кандида до дома, но обедать у него отказался — из деликатности. Поговорив еще минут пятнадцать о том, как озеро в Тростниках приманивает рыбу шевелением пальцев, согласившись завтра к Колченогу и напомнить ему про поход в Город, рассказав, что Слухач — никакой на самом деле не Слухач, а просто очень уж болезненный человек и что мертвяки ловят женщин в пищу, поскольку у мужиков мясо жесткое, а зубов мертвяки не имеют, пообещав приготовить к послезавтра новые запасы, а старика беспощадно гнать, он, наконец, удалился. Кандид с трудом перевел дыхание и, прежде чем войти, немножко постоял в дверях, мотая головой. Ты, Молчун, только не забудь, что тебе завтра на Выселки идти, с самого утра идти, не забудь, не в Тростники, не на Глиняную поляну, а на Выселки... И зачем это тебе, Молчун, на Выселки идти, шел бы ты лучше в Тростники, рыбы там много... занятно... На Выселки, не забудь, Молчун, на Выселки, не забудь, Кандид... завтра с утра на Выселки... парней уговаривать, а то ведь вчетвером до Города и не дойти... Он не заметил, что вошел в дом. Навы еще не было, а за столом сидел старец и ждал кого-нибудь, чтобы подали обедать. Он сердито покосился на Кандида и сказал:

— Медленно ты, Молчун, ходишь, я тут в двух домах побывал — везде уже обедают, а у вас пусто... Потому у вас, наверно, и детей нет, что медленно вы ходите и дома вас никогда не бывает, когда обедают пора... Кандид подошел к нему вплотную и некоторое время постоял, соображая. Старец говорил:

— Сколько же времени будешь ты до Города идти, если тебя к обеду не дожидаться? До Города, говорят, очень-очень далеко, я теперь про тебя все знаю, что вы в Город собрались, одного только не знаю, как это ты до Города доберешься, если ты до горшка с едой день добираться и добираться не можешь... Придет с вами идти, я уж вас доведу, мне в Город давно надо, да дороги я туда не знаю, а в Город мне надо для того, чтобы свой долг исполнить и все обо всем кому следует рассказать...

Кандид взял его под мышки и рывком поднял от стола. От удивления старец замолчал. Кандид вынес его из дома на вытянутых руках, поставил на дорогу, а ладони вытер травой. Старец опомнился.

— Только вот еды вы на меня взять не забудьте, — сказал он вслед Кандиду. — Еды вы мне возьмите хорошей и побольше, потому что я иду свой долг исполнять, а вы для своего удовольствия и через «нельзя»...

Кандид вернулся в дом, сел за стол и опустил голову на стиснутые кулаки. «И все-таки послезавтра я ухажу, — подумал он. — Послезавтра, послезавтра».

некая стыдливость, которая понуждает издателей даже в проспектах называть эту работу Ключевского не по имени, а неким «немым» термином — «магистерская диссертация». В свое время упоминать ее и печатать запрещал святейший синод... Сила инерции, давление прошлого объясняют множество несуразностей наших дней; к сожалению, только объясняют.

Думаю, сегодня нас подстерегает опасность и другой крайности. Особый общественный интерес к 20—30-м годам оставляет в тени назревший пересмотр позиций и по древнейшей нашей истории, а это могут использовать как удобный случай, чтобы снова зашторить окошко в давнее наше прошлое. Не уверен, что не куется уже новый несокрушимый издательский аргумент, весьма, впрочем, сродный прежнему: «Людей, понимаете, интересуется вчерашняя, горячая наша история, а вы предлагаете им XII век!» Уход от жгучих, так сказать...

КОРР. Не исключено. Но правда и то, что вчерашний день, он еще теплый, дышит в спину — как тут не оглянуться. Готовясь к беседе, я собрал некоторые наблюдения, имеющие, пожалуй, отношение к теме нашего разговора.

В двухтомной «Краткой истории СССР», изданной в 1983 году, Куликовская битва «поместилась» в одиннадцати строках. Ровно столько отдано в этом труде боям за «Малую землю», «где начальником политотдела 18-й армии был полковник Л. И. Брежнев». Кстати, не считая Суворова и Кутузова, упомянутых соответственно на шести и четырех страницах, он «перевесил» и преобразователя России — о Петре I говорится здесь на пятнадцати страницах, в то время как о Брежневе — на восемнадцати.

Вопроса по этому поводу я, конечно, не задаю — он запоздал: этот персонаж нашей истории лишен того, что им, мягко говоря, не заслужено. Но говорю только потому, что и сегодня мы продолжаем пользоваться учебниками, составленными по таким сомнительным пропорциональным законам. Ведь что получается: мы смело ломаем устаревшие экономические структуры, а в деле воспитания топчемся на одном месте. Мне кажется, пришло время сказать здесь свое слово историкам, которые понимают, что исторической нашей науке, а следовательно, и педагогике пора обрести более широкий нравственный критерий, в известные годы его утерянный. Больные вопросы исторического образования заключаются не только в малом количестве часов, ему отведенных, но в значительной степени и в самом качестве учебников, написанных учеными мужами, похожие, с оглядкой на того самого «гвардейского штаб-ротмистра». Что вы думаете по этому поводу?

ЯНИН. Есть такая вредная вещь, которая называется «учебник». Существование учебника, особенно для вузов, это артефакт. Во всем мире, в том числе и в дореволюционной России, учебников истории для высшей школы не существовало. Были курсы: курс Ключевского, Платонова, курс Павлова-Сильванского и т. д. Ученые читали свои курсы, потом их издавали. Такого безобразия, которое называется сейчас учебником и который пишут несколько авторов, по программе закладывая туда некую официальную точку зрения, воспринимающуюся как установка, — такого никогда не было.

Любое историческое сочинение может быть только авторским сочинением, отражая опыт того, кто пишет. При чем его понимание проблемы может разойтись с пониманием проблемы другим автором, а соревнование курсов — великое благо. Ведь сегодня с самых высших трибун нам говорят, что нет истины в последней инстанции, но опровер-

жение устарелой догмы многих пугает, настолько глубоко она въелась. А понять нужно лишь то, что другие времена наступили и в этом деле.

Почему у нас в 20-е годы появились учебники? По двум причинам. Во-первых, в вузы пошла масса неподготовленной молодежи через рабфак, народ приобщался к высшему образованию, не будучи подготовлен к нему школой, гимназией. На этой стадии потребовалось изложить главные основы в виде некоего учебника. Это первое.

Второе. В историческую нашу науку внедрялись марксистские концепции с их приматами экономики, классовой борьбы, прогресса в истории, формационной теории и т. д. Необходима была единая концепция исторического процесса, которая требовала единства подготовки к ней. Но ведь, слава богу, мы живем семьдесят лет при Советской власти, и вряд ли среди ученых могут появиться какие-то иные основы понимания исторического процесса. Потому что и прогресс, и классовая борьба, и примат экономики над политикой — это гениальное открытие Маркса, а история, основанная на других концепциях, это уже не история, но извращение. Я хочу сказать, что касательно этих устоев степень образованности общества сегодня такова, что стала незбылемым его основанием, а выпускники средних школ не рабфакотцы 20-х годов. Они уже подготовлены к восприятию курса, а не стабильного учебника, который формирует стереотип мышления, с чем, кстати сказать, идет борьба во всех сферах нашей жизни.

КОРР. Все, что касается двусмысленности самого существования на нынешнем этапе стабильного вузовского учебника по истории, мне понятно. Но, учитывая массовость нашего журнала и тот неоспоримый факт, что история — наука нравственная, хотелось бы поговорить об историческом образовании в широком смысле, выведя его из пределов специального. Здесь много проблем.

ЯНИН. Значительно больше, чем хотелось бы. Считая, например, необходимым научить каждого школьника управляться с компьютером, мы полагаем, что постигать азы истории — дело десятое. Боюсь, что со школьных лет технизм мышления начинает поглощать человека, который по природе своей гуманитарен...

КОРР. В этом, кстати сказать, я вижу корни многих наших бед, вплоть до нелепого коверканья языка. Если вы спросите, например, который час, то уже и не удивитесь, когда вам ответят: «порядка двух»... Но будем придерживаться рамок темы и говорить, в частности, о проблемах исторического образования человека, профессией с этой наукой не связанного.

ЯНИН. Оно недостаточно — и в школьные, и в последующие годы. Можно назвать множество причин, но, думаю, главная заключается опять-таки в недостаточном внимании к тому нашему тезису, что история — наука нравственная и, следовательно, должна касаться всех. А между тем мы вынуждены признать крайнее несовершенство пропаганды исторических знаний. Полезно в этом смысле оглянуться и вспомнить, например, что «Историю» Соловьева по мере выхода том за томом, читали даже в полках, хотя армия и не была наиболее образованной прослойкой русского общества. Я это к тому, что главная беда — и беда не одного уже поколения — в элементарной исторической необразованности. Так, например, с сожалением, но берусь утверждать, что значительная часть нынешних выпускников средней школы куда больше знает об Алле Пугачевой, чем о ее однофамильце, сыгравшем в истории Отечества тоже немаловажную роль. Продолжая нелестное сравнение, признать придется и то, что рок-

звезды в жизни многих представителей молодого поколения занимают место более значительное, чем весь наш XIX век с его историей и культурой.

КОРР. К сожалению, это так. Но хочется спросить: а сколь виноваты в этом обвиняемые? В самом деле, где могли они получить исторические знания? Из школьного учебника, в котором о том же Александре Невском четыре неполные строки? Из современных массовых изданий, не отличающихся, как выясняется, ни полнотой, ни объективностью, не говоря уже о заимчивости, на первых порах обучения совершенно необходимой? Получается, наши деды и прадеды были куда в лучшем положении: кроме монументальных трудов Карамзина, Соловьева, Ключевского, им были доступны и такие беспримесные периодические издания, как «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Былое», «Голос минувшего»... Не продолжайте далее, потому как совсем уж неловко будет сказать, что сегодня нет у нас, в сущности, ни одного исторического журнала для массового читателя.

ЯНИН. Добавлю: вот уже двадцать лет мы добиваемся в Академии наук издания популярного журнала по истории... Что же происходит сегодня? ВООПИК добивается превращения своего альманаха «Памятники Отечества» в ежемесячный журнал — это правильно, так как оперативность в периодике необходима. Но ведь этот журнал по-прежнему будет заниматься пропагандой охраны памятников, а не собственно историей. Выходит в свет журнал «Наше наследие», орган Фонда культуры, но, понятно, история не прямая его функция. Думаю, и журнал «Родина» тоже возьмет историю как одно из своих направлений. Что же касается Института истории, тут уж, как говорится, и карты бы в руки. Но двадцать лет — срок, согласитесь, достаточный, чтобы потерять надежду. Словом, получается, что специального массового журнала по истории у нас до сих пор не существует.

Но давайте смотреть на вещи реально. При нынешнем лимите бумаги, полиграфических мощностей издание нескольких журналов по одной тематике вряд ли возможно да и целесообразно. А если учесть, что для успеха всякого дела нужно не распыление сил, а их объединение, то, следовательно, необходим один ежемесячный журнал, созданный на основе деятельности всех заинтересованных организаций. Такой журнал способен решить многие проблемы историко-патриотического воспитания молодежи, которое находится сейчас в крайне неблагоприятном состоянии. Смеем даже думать, что такому изданию под силу отвлечь читателя от той низкопробной исторической беллетристики, авторы которой черпают темы преимущественно в авантюрных или альфовых сюжетах из нашего прошлого.

КОРР. Беседа с членом Президиума Центрального совета ВООПИК, не могу упустить случая поговорить о неблагоприятном состоянии в деле охраны и реставрации памятников. Оно повсеместно, но, как выясняется, имеет глубокие корни.

Москва, как, быть может, никакой другой город, пострадала в известные годы от злых рук. Но читатели, в том числе и молодежь, должны знать, что, кроме Поклонной горы, Лефортова, погибших храма Христа Спасителя и Сухаревой башни, — того, что сегодня на слуху и не сходит со страниц прессы, есть в истории Москвы и другие, не очень широко известные, но горькие страницы, которых забвением из нее не вырвать. Буду основываться исключительно на печатных материалах.

Вот книжка Л. М. Кагановича с иностранным и в духе времени названием «За политическую реконструкцию Москвы и городов СССР». Читаем: «Когда

ходишь по московским переулкам и заюлаком, то получается впечатление, что эти улочки прокладывает пьяный строитель». И это — о Замоскворечье, Арбате, Таганке!.. Но продолжу. Один из деятелей конструктивизма 30-х годов высказывался еще определеннее: «Мы не должны делать никаких новых капиталовложений в существующую Москву и терпеливо лишь дожидаться естественного износа старых строений, исполнения амортизационных сроков, после которых разрушение этих домов и кварталов будет безболезненным процессом дезинфекции Москвы»... А вот что процитировать рука не поднимается, но приходится. Журнал «Строительство Москвы», 1928 год, № 12: «Особенно сказывается недостаток общественных уборных в дни майских и октябрьских торжеств при городских, в несколько сот тысяч скоплениях народа. Нами получаются письма рабочих, участвующих в демонстрациях, с указанием на недопустимость отсутствия уборных в этом районе — Китай-города и Кремля — и требованием немедленной их постройки»... Стиль оставим на совести автора, но вот что он предлагает: не больше не меньше как проект общественного туалета — где? — в храме Василия Блаженного!..

Передохнуть бы тут малость, сказав «бог миловал», да нельзя — на месте Казанского собора, князем Пожарским поставленного, там, где было за алтарем кладбище воинов, павших за Москву, обретаются ныне общественный туалет, служащий посетителям ГУМа.

ЯНИН. Но запустение памятников, варварское отношение к ним, к несчастью, не только вчерашний день. Конечно, с общим отношением к наследию дело сегодня обстоит иначе, в противном случае мы не вели бы этого разговора на страницах массового журнала. Но тем не менее именно сегодня мы оказались в крайне трудном положении, потому как разом приходится расхлебывать то, что заваривалось в течение долгих лет. И это необходимо учитывать, соизмеряя силы и возможности. Вот почему, не теряя чувства реальности, проблему можно ставить только так: что восстанавливать и в какой очередности. Это я к тому, что горячие головы из общества «Память», например, требуют начать с восстановления в Москве храма Христа Спасителя, Сухаревой башни, Казанского собора на Красной площади. На первый взгляд, это может показаться благом делом. Но только на первый, а если посмотреть глубже — экстремизм со всеми вытекающими отсюда и весьма сомнительными последствиями. Прежде всего потому, что на поверку выходит полное игнорирование чувства реальности, — ведь если заниматься этой работой, то при наших темпах и нынешних возможностях она на долгие годы поглотит все без остатка реставрационные силы страны, а в это время другие памятники, требующие помощи истинных шедевры мирового значения будут продолжать разрушаться. Георгиевский собор в Юрьевом монастыре просит средств в сотни раз меньше, чем возведение Сухаревой башни. А подобных примеров не счесть. Так не велика ли цена для двух-трех новоделов? Это во-первых.

Второе заключается в том, что, как это видно, речь идет совсем не о заботах по сохранению наследия, но о неких идеологических устремлениях, с охраной памятников ничего общего, в сущности, не имеющих. Многие считают, что это издержки возрастного, так сказать, максимализма, но «Память» не молодежная организация, а идеология ее отнюдь не юношеская. Примечательно и другое.

Само появление идеи восстановления Сухаревой башни и Коломенского дворца принадлежит прежде всего главному архитектору Москвы, человеку, с ведома и при посредстве которого долгие годы Москву калечили, обстраивали

тот же Коломенский архитектурный ансамбль нелепыми бетонными коробками. Так что эффектные эти идеи больше похожи на замаливание грехов, а «Память», как получается, берет на вооружение то, что должно бы ее компрометировать, хотя на ее же собраниях имя прежнего главного архитектора возникает исключительно в отрицательном контексте. Таким образом, все устремления «Памяти», ее экстремизм уходят в пар, в гудок, между тем как энергию эту, эмоциональность использовать можно в практических делах.

КОРР. При всей логичности доводов общая картина остается все-таки незавершенной: дело с охраной и реставрацией памятников по-прежнему скверно. Быть может, действительно правы те, кто считает, что единственный выход — создание Государственного комитета по охране и реставрации?

ЯНИН. К этому, думаю, сходятся многие нити. Пришлось же признать, что положение с природой оказалось на грани национальной бедствия. Не что подобное происходит в деле охраны и реставрации памятников. Истинные масштабы создавшегося здесь положения можно понять из маленького частного примера.

В Новгороде понадобился квалифицированный кровельщик, его выписывают из Архангельска, но в очередь к нему стоят еще десять областей. Я это к тому, что говорить о независимом, всесильном комитете можно только в том случае, если главной и первоочередной задачей ему поставлено будет создание реставрационной индустрии, причем во всем комплексе этого понятия. Иначе гигантские средства, которые потекут через него в дело реставрации, будут, как это происходит сегодня, осваиваться едва ли не на одну десятую часть, а страна просто-напросто получит новое ведомство, образованное перемещением в него чиновников из других, обанкротившихся.

КОРР. И наконец, к завершению нашей беседы нельзя не вспомнить, что мы на пороге исторической даты — 1000-летия крещения Руси. Поскольку главное поле вашей деятельности Древняя Русь, хотелось бы знать, что вы думаете об этом юбилее с точки зрения историка?

ЯНИН. Именно потому, что это огромная тема, позвольте ответить коротко.

Долгое время христианство пребывало у нас где-то за чертой разрешенных тем, не считая атеистической пропаганды, главный тезис которой сводился к тому, что «бога нет», а над тем, что бог и христианство не одно и то же, задумываться было не принято. Привело это к тому, что общим местом стало ругать христианство вообще, чуть ли не предпочитать ему язычество. Высказывались мысли, что было бы лучше, если на протяжении всего тысячелетия мы продолжали бы поклоняться Перуну. Сегодня мы можем вести прямой диалог с религией, четко разграничив предмет и отношение к нему. Вот почему я могу сказать, что главная положительная роль христианства состоит в том, что тысячу лет назад Русь — через Византию — была приобщена к роднику человеческой цивилизации, к наследию античного мира, войдя таким образом в семью европейских народов. В это тысячелетие, вобрав истоки, и была создана великая наша национальная культура. Живопись, архитектура, книжность вплоть до XVIII века черпали из живительного этого источника. Суммируя, можно сказать: крещение Руси — явление более культурное, чем религиозное. Думаю, прежде всего это и должно воспринимать новое наше сознание, которое не может уже замыкаться в заботах только вчерашнего дня.

КОРР. Благодарю, Валентин Лаврентьевич, за беседу и надеюсь, что была она небезынской для наших читателей.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Дневник
Генерального
секретаря
ЦК ВЛКСМ
в 1928—1929 годах
Александра
Мильчакова.

Эдуардас
Межелайтис.
Два рассказа
и стихи.

Время —
в наших руках.
Заметки
о деятельности
киевского
комсомола.

Солнце
над Афганистаном.
Записки
школьного
учителя.

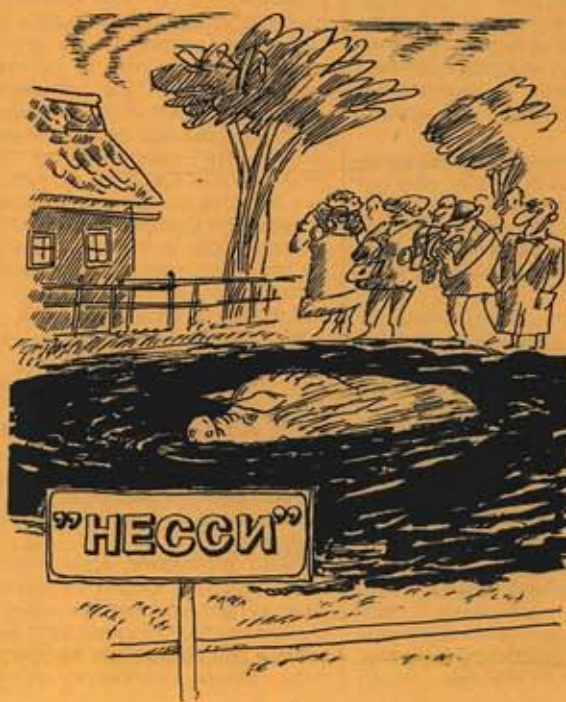
Силуэты.
Джордж Байрон.

Молодежная
мода.
Рига — «Лето-88».

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного
месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

Отечественной авиации крупно не повезло. Едва закончив МАИ, Александр Хозин двинул свои стопы в Строгановку — Высшее художественное училище и, как ни странно, окончил его. Сейчас он работает художником-конструктором. Используя свою былую окрыленность, Александр взлетел на пьедестал конкурса карикатуристов в Италии. Вот бы всем такие крылья!..

АЛЕКСАНДР ХОЗИН

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

Г. Надареишвили
1974 г.

Мат в 14 ходов

1. Крб3 с1К+! 2. Кра3 Кd3 3. Ф:d3+ Крс1 4. Крб3 е1К! 5. Фе3+ Крд1 6. Крс3 Кf3 7. Ф:f3+ Кре1 8. Крд3 g1К! 9. Ф:h1 Крf2 10. Кре4 Кh3 11. Фh2+ Кре1 12. Кре3 Крf1 13. Фg3!; 10...Кf3 11. Ф:f3+ Крг1 12. Фе2! Крh1 13. Крf3.

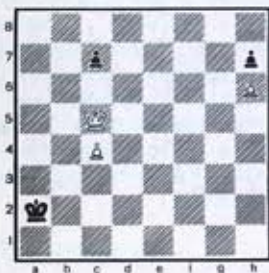
Систематическое движение группы фигур с превращением черных пешек в коней носит этюдный характер. И неудивительно, ведь ее автор — известный шахматный этюдист.

Десятый тур

Белые: Крс4, Фг6, Кh6, п.d5 (4)
Черные: Кре5 (1)

Мат в 4 хода (3 балла)

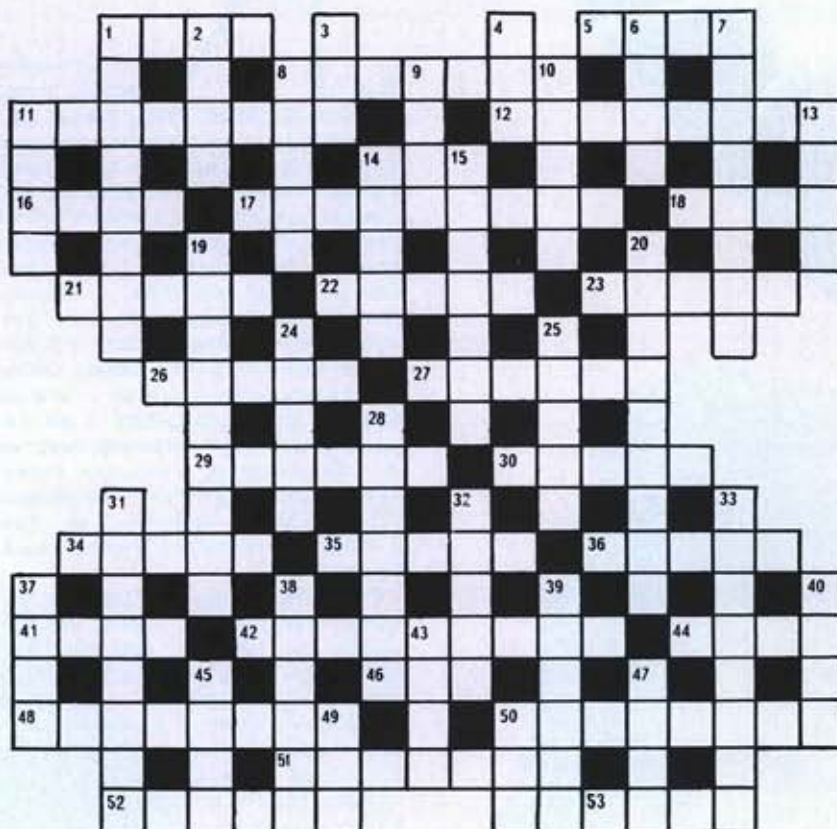

Белые: Крс5, пп. с4, h6 (3)
Черные: Кра2, пп. с7, h7 (3)
Выигрыш (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 июля.

КРОССВОРД

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Второе задание

По сетке, которую вы здесь видите, надо составить кроссворд, руководствуясь обычными правилами «Смены» (они напечатаны в 1987 году в № 4 и частично воспроизведены в условиях первого задания — № 2 за этот год).

На одну букву при этой сетке нельзя загадывать больше пяти слов. Слов с правильным чередованием гласных и согласных можно взять не больше 29, а имен собственных — не больше 19.

Из населенных пунктов в кроссвордах можно загадывать только столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места. Из произведений классической литературы можно загадывать любые населенные пункты.

Слова желательно пересекать на согласных, особенно трудные — их обязательно надо пересекать и на первой букве.

Главное в кроссворде — толкование слов. Чем оно занимательнее, познавательнее, тем интереснее и весь кроссворд. Главный источник интересных определений — научно-популярные и другие книги, центральные газеты и журналы. Нестандартные определения можно придумывать и самому. В последнем случае надо объяснить логическую цепочку находки определения. В остальных случаях указать источник (обязательно к каждому слову!).

Суть задания на этот раз такова: надо постараться включить в кроссворд как можно больше слов, из которых можно получить одну или несколько анаграмм. Скажем, вы загадали Апор — острова в составе Зондского архипелага. Из него можно получить анаграммы Лора — город на северо-востоке Австралии — и рало — старинное название сохи. В анаграмме, понятно, участвуют все буквы загаданного слова. Причем в кроссвор-

де можно загадать только одно слово из всей цепочки, то есть ни Лору, ни рало брать нельзя (слова из этого примера вообще, разумеется, не надо загадывать в конкурсном кроссворде).

Лимит на имена собственные на сами анаграммы не распространяется. К малоизвестным словам-анаграммам обязательно должны быть определения и источники, откуда вы их взяли.

За каждое загаданное слово будет начислено столько очков, сколько анаграмм перестановкой букв к нему придумано, а за каждую анаграмму — столько очков, сколько в ней букв. Выходит, за слово «Апор» вы получили бы 10 очков (2 за само слово и 8 за две четырехбуквенные анаграммы к нему).

К сетке, заполненной загаданными словами, необходимо приложить оформленную по всем правилам (смотрите № 4 журнала за прошлый год) работу, а также лист бумаги, на котором сверху крупно проставлена общая сумма набранных вами очков, а ниже столбцом выписаны слова с анаграммами к ним и показана система подсчета очков.

Одну или две наиболее удачные работы «Смена» напечатает. Их авторам, а также четырем другим участникам редакция даст возможность напечатать вне очереди по одному обычному кроссворду, составленному по обычным для «Смены» правилам и с интересными определениями слов, и наградит каждого дипломами и книгами. Дипломы будут высланы в адрес еще пятерых победителей.

Последний срок отсылки конкурсной работы — 10 сентября. На конверте (бандероли трубочкой не посылайте!) пометьте: «Конкурс кроссвордистов-88, 2-е задание».

Интересного досуга и успехов, дорогие друзья!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

2. Нимфа. 6. Цирк. 8. Черт. 10. Оборона... 12. Щетина. 13. Дракон. 14. Трактор. 15. Уропи. 18. Агама. 22. Башня. 26. Лисичка. 27. Ленский. 28. Шутка. 29. Молоток. 30. Ветрило. 31. Амеба. 34. Гамак. 37. Салат. 40. Раритет. 41. Гаичка. 42. Разбег. 43. ...секунда... 44. Хаос. 45. Жена. 46. Эний.

По вертикали:

1. Тичино. 3. Изобата. 4. Фронтон. 5. Юрмала. 7. Коати. 8. Чадра. 9. Зебу. 11. Вода. 16. «Русалка». 17. Печатка. 19. Генетта (другое написание — генета). 20. Мокрица. 21. ...племя. 22. Башка. 23. Шитье. 24. Ялава. 25. Эйвон. 32. Марокен. 33. Ботинки. 34. Грач. 35. ...мичман... 36. Красс. 37. Страж. 38. Лозунг. 39. Твен.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1465)

июнь 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник

Александр КЛИЩЕНКО

Технический редактор

Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 19.04.88. Подписано к печати 29.04.88. А 10351. Формат 70×108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2370. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Евгения МАТВЕЕВА

Крис Кельми — человек очень спокойный. Может быть, самый спокойный среди музыкантов, которые уже полтора десятка лет идут тернистыми тропами рок-н-ролла. И чего только за эти годы с ними не случилось! Но ведь не свернули, сумели доказать свое право на существование в «свите юпитеров» и сдавать позиций не собираются. Они давным-давно установили свои отношения с жизнью: кто-то избрал наступательную тактику, другой — осмысление и анализ прошлого и настоящего, а Крис берет невозмутимостью и... спокойствием. А как еще сохранить свой творческий потенциал в неизбежных баталиях на пути к «большой» эстраде? Такая музыка. Такая жизнь.

Он любит спорт, детективные романы, кинокомедии. Любит рассказывать о Париже, где побывал однажды с Театром Ленинского комсомола. Он общителен и из любой ситуации стремится извлечь максимум удовольствия, но конфликтует опять-таки очень спокойно и невозмутимо, даже если для этого приходится применить чуть-чуть настырности. Однако рабочие будни руководителя «Рок-ателье» меньше всего напоминают идиллию «сытого» творчества, проблем всегда хватает...

Период адаптации к современным требованиям эстрады идет у Кельми далеко не всегда просто и гладко. Есть огромный опыт, есть огромное желание работать, есть тщеславие, есть большой запас нереализованных идей, но вместе с тем потерял талант, потерял свой слушатель. Нужно изверстывать упущенное.

Музыкой Крис начал заниматься с четырех лет, а более-менее систематически играть в группе — с 1969 года. Апофеозом его самостоятельных исканий стали выступления в составе «Високосного лета», где собрались такие музыканты, как Александр Ситковецкий (ныне руководитель группы «Автограф»), Александр Кутиков и Валерий Ефремов (последние годы оба плодотворно работают в «Машине времени»). Но однажды группа «Високосное лето» распалась, а Крису все пришлось начинать заново.

С восьмидесятого года в течение семи лет он успешно работал в Московском театре имени Ленинского комсомола, руководил группой «Рок-ателье». Все вроде бы налажилось. Новые люди, новые записи, новые возможности, гастролы, но... В прошлом году Кельми покидает театр и опять начинает все сначала, практически с нуля. Сейчас «Рок-ателье» во главе с Крисом в своем новом «филармоническом» обличье работает в одной «обойме» с «Черным кофе» в программе режиссера Мелик-Пашаева.

Сейчас еще рано говорить о группе «Рок-ателье» как о полностью сформировавшемся коллективе. Оригинальном. Самообычном. По-хорошему непредсказуемом. Идет период «пристрели» новых песен, «примерки» новых костюмов.

Среди бесспорных успехов Кельми сегодня можно назвать песню с символическим названием «Замыкая круг» (стихи Маргариты Пушкиной). Ему удалось собрать двадцать совсем очень разных, очень занятых музыкантов, чтобы записать, а затем отснять эту песню на телеэкране. Ее премьера состоялась на ЦТ в новогодней развлекательной программе.

Что ж, 1988 год начался для Кельми с песни о мире, любви и единстве — «трех китах», без которых невозможна жизнь, невозможна творчество. Хорошая примета. Хорошее начало творческого года. Только вот сможет ли Крис удержаться на этой высоте? Впрочем, повод для оптимистичного взгляда на будущее музыканта есть. Песни, которые он написал для новой программы «Рок-ателье», значительно лучше сочинений прошлого репертуара. Основное в них — мелодия, позволяющая расставить в текстах неожиданные акценты, мелодия, созвучная потоку жизни, который стремительно несется к началу нового века. В этом есть свежесть и ветер и, конечно, надежда на успех. На успех в этой тяжелой легкой музыке...

Евгений ФЕДОРОВ

КРИС КЕЛЬМИ